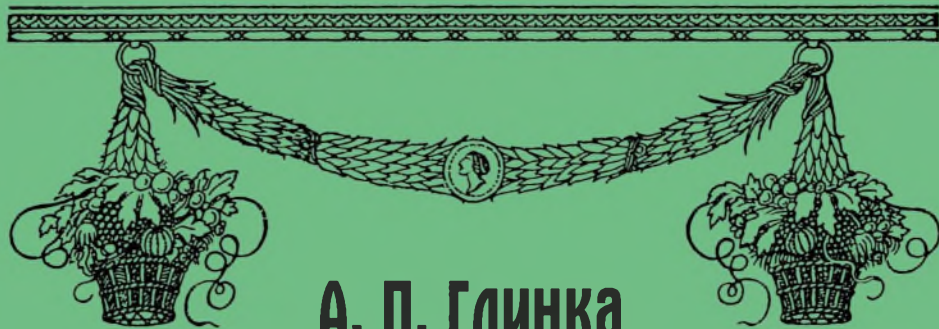

Стихотворения. Переводы

А. П. Глинка

А. П. Глинка

Стихотворения. Переводы

А. П. Глинка

Стихотворения. Переводы

**Тверь
2012**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рус=Рус)1-5
Г 54

Глинка А. П. Стихотворения. Переводы / Составление, подготовка текстов, вступительная статья, примечания С.А. Васильевой. – Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2012. — 344 с.

В издании представлено поэтическое наследие А. П. Глинки (1795—1863); часть произведений публикуется впервые.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Творчество А.П. Глинки», проект № 12-14-69001а/Ц.

ISBN 978-5-903728-48-0

© Васильева С. А., предисловие, комментарии, 2012
© Издательство Марины Батасовой, 2012

Оглавление

С. А. Васильева

**«Люди приходят и уходят, но содеянное ими остается»:
жизнь и творчество А.П. Глинки.....5**

Задуманные думы	21
Часть I	23
Часть II.....	108
Часть III	238

Из <<Сборника стихотворений>>	286
19. Человеческое познание	286
22. Встреча	286
33. Ожидание	287
55. Боги Греции	289
56. Помпея и Геркуланум	292
57. Слова заблуждения	293
58. К Эмме.....	294
59. Расставанье Гектора	294
61. Брак Фетиды.....	295
58. Достоинство Женщин.....	296
63. Дружба.....	298
64. Вильгельм Телль.....	299
65. Меланхолия к Лауре.....	300

Переводы

Ф. Шиллер. Стихотворения	303
1. Явление девы	303
2. Дифирамб.....	303
3. Песнь о колоколе.....	304
4. Начало нового века.....	314
5. Антики в Париже	315
6. Рыцари св. Иоанна.....	315
7. Певцы прежнего времени.....	316

8. Идеалы	316
9. Фридолин, или Посылка в кузницу	318
10. Сила пения	324
11. Военная песнь	326
12. Текла.....	327
15. Водолаз	328
14. Сражение с драконом	332
15. Пегас в ярме	339
Примечания	342

С. А. Васильева

**«Люди приходят и уходят,
но содеянное ими остается»:
жизнь и творчество А.П. Глинки**

Авдотья Павловна Глинка (19(30).07.1795—26.07(7.08).1863), жена литератора и декабриста Федора Николаевича Глинки, была яркой личностью и заметной фигурой в литературной и общественной жизни 1830—1850-х гг. Она была автором многочисленных стихотворений, публиковавшихся в крупнейших журналах того времени («Современник», «Библиотека для чтения», «Маяк», «Москвитянин» и др.), в том числе переводов Шиллера. Большинство произведений Глинки, стихотворных и прозаических, имели религиозно-нравственное содержание. Надо отметить, что пользовались они огромной популярностью: достаточно сказать, что ее «Жизнь Пресвятой девы Богородицы из книг Четьи-Минеи» (М., 1840) выдержала 16 изданий (последнее — М., 1915). Глинка была знакома, в том числе и благодаря связям мужа, с Чаадаевым и Жуковским, в московском салоне Глинок в 1840-е гг. собирались славянофилы, в ближайшее литературное окружение входили М. А. Дмитриев, Ф. Б. Миллер, М. П. Погодин, П. А. Плетнев, С. Е. Раич, Е. П. Ростопчина, С. П. Шевырев. Весьма активной была и общественная деятельность А. П. Глинки: она состояла в Московском благотворительном обществе, была попечительницей женского училища в Кашине, написала проект общества «Доброхотной копейки» и т.д. Ее литературно-общественная деятельность, безусловно, заслуживает внимания.

Родилась А. П. Глинка в 1795 г. в Петербурге. Ее отец, Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767—1829), дважды был попечителем Московского университета, знал пять языков, переводил греческих и римских классиков. Мать, Елена Ивановна, урожденная Долгорукова, состояла в дальнем родстве с княжной Долгоруковой, которая была невестой Петра II. Крещение прошло в церкви Андрея Первозванного на Васильевском острове; крестными были родной дед, адмирал Иван Логинович Голенищев-Кутузов (1729—1802), и

Евдокия Ильинична Кутузова, жена Михаила Илларионовича Кутузова, князя Смоленского, будущего фельдмаршала.

Детство А. П. Глинки прошло в доме деда, «человека науки и дела»: «Дом Кутузовых, в то время, был одним из первых в столице, и отличался в особенности радушным приемом ученых, литераторов и художников. В таком-то обществе развивалось детство покойной вместе с ее способностями не по летам, что и сделало ее любимицею деда»¹. После смерти деда А. П. Глинка жила в Москве, под руководством отца и профессоров Московского университета она продолжила свое образование, в частности, изучала французский, итальянский, немецкий языки, музыку, занималась переводами. После смерти П. И. Голенищева-Кутузова (1829) выяснилось, что денежные дела семьи запутаны, имение было описано. Вдова и дочь вынуждены были оставить Москву.

В Твери А. П. Глинка познакомилась со своим будущим мужем, Федором Николаевичем Глинкой, который был назначен в Тверское губернское правление «советником сверх штата». Венчание состоялось в 1831 г. во Владимирской церкви г. Твери. Брак оказался счастливым: «Они не только жили дружно, но постоянно и добросовестно восхищались друг другом»². Вскоре после венчания Глинки отправились в село Кузнецово Бежецкого уезда (сейчас Рамешковский район) — родовое имение А.П. Глинки³.

В 1832 г. Глинка был переведен в Орел, а в 1835 г. уволен со службы с награждением чином действительного статского советника. В том же году супруги переехали в Москву, где Глинка быстро втянулся в литературную жизнь. Он много писал, печатался в журнале «Москвитянин», в газете «Московские ведомости». Ежедневно А. П. Глинка устраивала в своем доме литературные вечера, которые стали заметным явлением московского быта того времени и посещались «людьми великого ума и дарований»: «В каждый по-

¹ [Глинка Ф.Н.?] О жизни и кончине А.П. Глинки. СПб.: в типогр. Имп. акад. наук, 1864. С. 3.

² Ольга Н. [Энгельгардт С.В.] Из воспоминаний // Русский вестник. 1887. Ноябрь. Т. 193. С. 168.

³ План сельца Кузнецово см.: ГАТО. Ф. 484. Оп. 1. Ед. хр. 11735. Л. 1. Описание имения, составленное для получения ссуды в Московском опекуновом совете. [14 июля 1848 г.] см.: ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 2575. Л. 2—3; описание имения 1858 г.: ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 117. 16 л. См. также: Петренко Е. Храм, построенный декабристом Глинкой // Тверская жизнь. 2011. 10 декабря. С. 7.

недельник съезжались на вечер все, того времени, писатели, мыслители, артисты. Нередко собиралось до сорока человек, и, несмотря на тесноту помещения, гости оставались до двух и трех часов за полночь. Разумеется, что Авдотья Павловна, с ее музыкальным и литературным талантом, была душою этих московских понедельников, повторявшихся впоследствии в С.-Петербурге»¹. По воспоминаниям современников, А. П. Глинка не отличалась ни красотой, ни манерами: «ни капли благородной крови не сказывалось ни в ее наружности, ни в приемах. Она вышла замуж очень поздно и была похожа на пожилую немку, даже туалет ее отзывался немецким вкусом; все на ней было неуклюже, окорочено, сужено»². Среди знакомых и друзей Глинок в этот период были многие известные литераторы: И. И. Лажечников, Ф. И. Тютчев, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, А. С. Хомяков, В. И. Даль, М. Н. Загоскин, Аксаковы и др.

Одним из первых литературных опытов А. П. Глинки, появившимся в печати, был перевод «Песни о Колоколе» Шиллера, который получил одобрительный отзыв Жуковского, сказавшего: «Я несколько раз принимался за Колокол, но никогда не был доволен собою и оставлял; ваш же перевод так отчетист и красив, что сам Шиллер полюбовался бы им!»³ Позднее стихотворные переводы Шиллера А. П. Глинка издала отдельной книгой («Стихотворения Шиллера»). СПб., 1959).

Глинка была автором и многочисленных прозаических произведений, наиболее крупные из которых рассказ «Домашняя знакомая» («Москвитянин», 1850); повести «Только три недели» («Раут» Сушкова, 1851), «Гибель от пустого чванства» (М., 1852), «Размышления и чувства герцогини де Дюра», пер. с фр. (СПб., 1856), «Леонид Степанович и Людмила Сергеевна» (СПб., 1856), «Графиня Полина» (СПб., 1856), «Катя» (СПб., 1858); мемуары «Мои воспоминания о незабвенной Ек. Влад. Новосильцевой, урожд. гр. Орловой» (М., 1850). С<анкт>петербургский совет детских приютов рекомендовал «Гибель от пустого чванства» для занятий в своих учебных заведениях. Широко были известны произведения религиозного характера «Жизнь Пресвятой Девы Богородицы» (М., 1840),

¹ [Глинка Ф.Н.?] О жизни и кончине А. П. Глинки. СПб.: в типогр. Имп. акад. наук, 1864. С. 6.

² Ольга Н. [Энгельгардт С.В.] Из воспоминаний. С. 167.

³ Цит. по: Там же. С. 7.

«Житие великомученицы Анастасии, поименованной узорешительницей» (М., 1863). В 1859 г. А. П. Глинка была избрана почетным членом Общества любителей русской словесности при Московском университете.

Глинка преклонялась перед творчеством мужа, особенно это относилось к его поэме «Таинственная капля». Отрывки из поэмы, вышедшей в России лишь в 1871 г., читались уже в 1840-е гг. Известно, что летом 1846 г. Глинка читала ее в Сокольниках: «начало поэмы прочел Федор Николаевич, между тем как Авдотья Павловна за него делала жесты; некоторые стихи она говорила вместе с ним, с каким-то завыванием»¹. К восприятию «Таинственной капли» А. П. Глинка относилась ревностно; на второй день чтения она обратилась к одной из слушательниц, молодой девушке: «Напрасно вы пришли, — сказала она мне сухо. — Это писал не какой-нибудь негодяй Пушкин или пьяница Лермонтов, а апостол Федор»².

В 1840—1850-е гг. Глинка жила в Москве и Петербурге, но часто приезжала в Тверь и в Кузнецово. В это время «Авдотья Павловна ближе сходитя с духовенством и подвижниками, усердно посещает храмы и обители, особенно Желтиков монастырь, где погребен ее отец, охотно занимается благотворительностью»³. Религиозность Глинки вызывала даже некоторое отчуждение. С. В. Энгельгардт, описывая свои юношеские впечатления от чтения поэмы «Таинственная капля»⁴, вспоминала, что А. П. Глинка была оскорблена ее равнодушием к произведению мужа. Позднее, «у обедни, в Алексеевском монастыре, Авдотья Павловна остановилась передо мной и спросила: “Вы зачем здесь? Я полагаю, что обедня не имеет для вас никакого смысла”».

Это замечание меня так оскорбило, что я не могла удержаться от слез»⁵. Обида эта сохранилась на многие годы, Энгельгардт не щадит писательницу: «Авдотья Павловна была религиозна, но как инквизиторы, без христианской любви, а они опаснее скептиков»⁶.

¹ Ольга Н. [Энгельгардт С. В.] Из воспоминаний. С. 169.

² Там же.

³ Стриженов А. Русские жизнеописания. А. П. Глинка // Роман журнал XIX в. 2005. № 1. С. 33.

⁴ События датируются 1846 г., С. В. Энгельгардт в это время было около 18 лет.

⁵ Ольга Н. [Энгельгардт С. В.] Из воспоминаний. С. 169—170.

⁶ Там же. С. 170.

Однако, скорее всего, именно христианской любовью объяснялась огромная благотворительная деятельность Глинки. Она состояла членом Дамского попечительного о бедных общества¹ (председатель — кн. С. С. Щербатова) и была избрана попечительницей Яузской части Москвы, в которой насчитывалось 90 бедных семей: «Там познакомилась она на деле с чердаками, подвалами и темными углами бедных <...> Все дни ее наполнились перепискою за бедных и для бедных. Она писала, просила, рекомендовала, часто заступалась и отстаивала!»

Глинка была очень активным человеком. Она стала одним из организаторов благотворительного общества «Доброхотная копейка», которое помогало семьям бедных чиновников. Замысел создания общества возник в 1840-е гг.: проект «Доброхотная копейка для бедных» был написан в 1845 г. и переведен П. Я. Чаадаевым на французский язык. Глинка была убеждена, что светское общество слишком много внимания уделяет внешнему блеску, стремлению соответствовать каким-то нормам: «Современное влечение к предметам роскоши становится с каждым днем заметнее. Наряды наших дам и девиц, обходившиеся прежде очень дешево, требуют теперь сумм значительных, часто огромных. Здесь не место разбирать, есть ли это последствие законного и необходимого развития общества или только дело налетной прихоти. Провинции подражают столицам и стараются оправдать себя самым этим подражанием. Всякий говорит: “Как же отстать от других?” и бежит навстречу издержкам. Следовало бы (скажем мимоходом) перевернуть фразу и сказать: “Зачем опережать других?” Тогда стремление к блеску и роскоши остановилось бы на самом разбеге своем»².

Эти мысли Глинка выражала и в поэтической форме. Как своеобразное переложение основной идеи проекта можно рассматривать ее стихотворение «Обновы» (См.: С. 153)³.

Глинка напоминает, что в то время, как дамы посещают «богатые храмы роскоши» (магазины и модные лавки), в «бедных углах... живут существа мыслящие, по крайней мере чувствующие, с правом молиться и жаловаться Богу...» Она ищет «точки, с кото-

¹ Материалы общества «Дамское попечительство о бедных» (1845) см.: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1024. 67 л.

² Доброхотная копейка для бедных (проект, написанный в 1845 году) // О жизни и кончине А. П. Глинки. С. 21.

³ Здесь и далее страницы в скобках указаны по настоящему изданию.

рых могло бы начаться примирение избытков с недостатками»¹. Глинка не предлагает вносить в пользу бедных значительные суммы, а призывает откладывать одну копейку с каждого рубля, потраченного на предметы роскоши, особенно на наряды. Собранные суммы предполагалось вносить в кредитные заведения для их увеличения за счет процентов. Однако в 1840-е гг. общество так и не было создано.

Тем не менее помощь бедным стала для Глинки делом жизни. Ее заботили быт и положение крестьян, поэтому в своем имении она провела целый ряд преобразований: «Оброк был ослаблен, хлебные и прочие дани уменьшены наполовину. Далее, она так обходилась с крестьянами, что незаметно для них и для себя вошла в полное слияние с ними. Старики и старушки приходили без работы, садились, просто без чинов, на ступеньках крыльца у проезжей дороги, и простодушно разговаривали с барынею, которая их слушала, лечила — и очень удачно (гомеопатиею), и входила во все их нужды. Заметив, что крестьянских детей-малюток приносят в церковь с голыми головками и по сырой погоде, она принялась сама кроить и шить детские шапочки из остатков разных цветных материй. Это составляло ее постоянное занятие по вечерам в деревне и в Москве. Через несколько времени в деревенской церкви в праздничный день запестрел целый цветник детских головок: накануне роздано было матерям несколько сот разноцветных шапочек»².

Много времени Глинка посвящала поэзии. Ее лирика отмечена строгим благочестием и обличительно-назидательными интонациями, укорами бездуховному светскому обществу. Подавляющее большинство стихотворений Глинки — религиозного содержания, хотя при ее жизни была опубликована лишь незначительная их часть. Книга «Задуманные думы» была издана уже после смерти писательницы, в 1869 г. Она была подготовлена к печати Ф. Н. Глинкой и вышла с пометой «не для продажи»³.

Сборник состоит из трех частей. По наблюдению исследователей, первая и вторая части содержат стихотворные молитвы, ад-

¹ Доброхотная копейка для бедных (проект, написанный в 1845 году). С. 22.

² О жизни и кончине А. П. Глинки. С. 10.

³ Часть рукописных текстов с правкой Ф. Н. Глинки хранится в ГАТО (Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1020).

ресованные Богу и другим представителям небесного воинства (Архангелу Михаилу, Ангелу-Хранителю, Богородице, Святым), третья — духовные тексты нравоучительного содержания, обращенные к разным лицам (к светскому обществу, явлениям природы и т.д.)¹.

Как следует из эпиграфа, «Задуманные думы» — это во многом размышления зрелого человека, который подводит итоги земной жизни и размышляет о жизни вечной:

Сквозь слезы я смотрю на свет:
Как все летит и разлетелось!
Как многого уж больше нет,
Как многого уж отхотелось;
И я на той черте стою,
Где видят все без покрывала:
Небес — еще не достаю,
Земного — для меня уж мало!... (С. 21)

Значительную часть сборника составляют стихотворные молитвы. Супруги Глинки в своем творчестве часто обращались к молитве. Ф. Н. Глинкой создан целый ряд молитв, в примечаниях к которым преобладают объясняющие, проповеднические интонации. Стихотворные молитвы Глинок по стилю близки к каноническим, это молитвы глубоко верующих людей, которые просят наставить их на истинный путь, стремятся очиститься от грехов, чтобы быть ближе к Богу, в них в полной мере реализуется коммуникативная функция канонической молитвы — обращение к богу с целью восхваления, с какой-либо просьбой или с благодарностью.

В то же время сборник «Задуманные думы» отличается своеобразием. По мнению Н. С. Волковой, «в отличие от большинства авторов, пробовавших себя в этом жанре, для которых стихотворная молитва была или своеобразным итогом, или эпизодом творчества, Глинка превращает свои стихи в цикл стихотворных молитв, в

¹ См.: Волкова Н.С. «Задуманные думы» А. П. Глинки // Парадигма: Сб. статей молодых филологов. Тверь, 2003. С. 109.

целое, единство тем которого повторяет единство бытия духа»¹. В молитвах Глинки реализуются «основные компоненты жанра: специфика адресата, молитвенная проблематика и характерные для жанра молитвенной лирики мотивы (тоски, отчаяния, одиночества, небесного и земного, земной смерти и небесной жизни, бегства из мира, отшельничества и т.п.)»².

В то же время Глинка много размышляет о религии, о сущности молитвы, о ее влиянии на внутреннее состояние человека:

Чудна, чудна молитвы сила:
Она невидимо целит
И душу, из тоски унылой
Подняв, так дивно оросит,
Что и наружность обновится
И жизнью зацветет другой!
О Боже! Дай мне дар молиться,
Раскрой во мне сей ток живой!.. (С. 30)

Единственный путь к Богу, который видит Глинка, — молитва: «Одной молитвой и слезами // До Бога можем мы дойти» (С. 178).

Для стихотворений Глинки «характерно разведение “небесного”, воспринимаемого, конечно, со знаком “плюс”, и “земного”, воспринимаемого со знаком “минус”. Мир земной предстает как греховный, нечистый, порочный. Тогда как мир небесный — чист прекрасен, гармоничен и покоен»³.

Бессодержательности жизни светского общества во многих стихотворениях Глинки противопоставлена жизнь духовная, построенная на божьих заповедях:

<...> Случалось мне сидеть у знатных дам,
Между цветов поблекших в их гостиных:
Там гул один, значенья нет словам,
И много птиц простых в хвостах павлиньих.

¹ Волкова Н.С. Жанр стихотворной молитвы в творчестве А. П. Глинки // Забытые и второстепенные поэты пушкинской поры. Псков, 2003. С. 129—130.

² Там же. С. 130.

³ Волкова Н. С. «Задушевные думы» А. П. Глинки. С. 110.

Когда ж я в храм входила Твой святой,
И с скорбною душой Тебе молилась:
Вдруг исчезал весь хлам сует пустой, —
Входя в Твой мир, со всеми я мирилась! (С. 136)

Размышляя о способах познания жизни, Глинка отдавала предпочтение интуитивному, духовному познанию, считая, что разум сковывает возможности человека:

Младые души затворились
Поэзии, молитве и любви,
И живоносные ручьи, —
Чем раны прежние целились,
Чем заменились у них? *Умом!*..
Но эта пагубная сила,
Как темная для нас могила,
Сковала все мертвящим льдом!.. (С.145)

В другом стихотворении возможности научного постижения мира подвергаются шутливой насмешке:

Что за мысли нас смутили?
Что за век такой пришел:
В вере холод и раскол!
Божество мы разделили:
Мы святую благодать
Все умом хотим достать;
Но ведь гордым не дается
Этот дар святой небес,
За металл не продается...
Отыщи ж его, мудрец! (С. 183)

Несмотря на приведенное выше негативное высказывание о Лермонтове, лермонтовские мотивы встречаются в творчестве Глинки довольно часто. Чаше других появляются мотивы, отсылающие к стихотворению «И скучно, и грустно»: лирической героине Глинки «все грустно, неприятно; Скучно стало меж людей» («Господи! я изнываю...». С. 96). Она признается: «От них мне грустью, скукой веет...» (С. 218). Стихотворение «Страница» начина-

ется с признания: «Как скучно мне, как грустно мне...» (С. 279). В «Болезни» говорится о непонимании толпой высоких мыслей поэта:

До грусти ли и дум поэта
Гостям веселым жизни сей?
Скучна им прозорливость эта,
И темен смысл его речей!.. (С. 117)

Другое стихотворение начинается словами:

Дайте простор мне, душа как в темнице!
Скучно и грустно, и мрачно вокруг <...> (С. 121)

Встречаются в «Задумчивых думках» реминисценции и из других стихотворений Лермонтова. По-лермонтовски решаются темы поколения, пустоты светского общества, маскарада жизни, поэта-пророка. Подобно герою лермонтовского стихотворения «Как часто пестрою толпою окружен...», лирическая героиня стремится уйти от шума и блеска бездушной толпы:

Не беспокойтесь, я подале,
Подале сяду я от вас,
Мне незачем быть в вашей зале,
Где сердцу тяжело... и для глаз
Где все блистательно, так модно
И гордо так, и холодно;
Где для души все так бесплодно
И для ума так не умно!..
(«Не беспокойтесь, я подале...». С. 156)

Далее Глинка разбирает пороки общества, которые тоже напрямую соотносятся в лермонтовскими текстами: гордость, презрение, зависть, внешний блеск и духовная пустота.

Обращается Глинка и к стихотворению Лермонтова «Смерть поэта», к теме божьего суда, который «не доступен звону злата». Для Глинки тема *высшего суда* становится одной из основных, именно этим судом проверяются все земные поступки:

Не люди судят нас, не люди:
Другой есть суд — и грозен он,
Он с нами здесь, он в нашей груди;
Неумолим сей *внутренний* закон;
Поставлен в нас Самим он Богом
Для нас сей страшный судия,
И должен нас судить он строго,
И подкупить его нельзя:
В нем нет ни лжи, нет и пристрастья:
Тут ангел близ него стоит,
А он душой не покривит
Для выгод неземного счастья:
Он прямо Богу говорит!.. (С. 173).

По-лермонтовски звучат и обвинения в адрес светского общества:

Вы, мелочные торгаши,
Погрызши в мраке заблуждений,
У вас просила я души!
В вас нет елея состраданья,
Дыша и завистью, и злом,
Вы носите печать изгнанья
На вашем празднике земном!.. (С. 122).

Альтернативу маскарладу жизни героиня Глинки находит, с одной стороны, в религии, с другой — в гармонии с природой.

Пейзажная лирика занимает в творчестве Глинки незначительное место, поскольку главный предмет размышлений поэтессы — человек и его внутренний мир. В центре пейзажной лирики тоже находится человек, природа лишь оттеняет его чувства и переживания («Вот и осени ненастной...», «Вот и лето миновалось...», «Как скоро, скоро пролетели...», «Как я люблю приют мой скромный...», «Осеннее чувство» и др.) Для человека же любое время года должно быть благодатно:

Все хорошо — весна, зима и лето:
Они закон все исполняют Твой;
Равно быть может и зимой
К Тебе душа любовью согрета;

Равно и в самый летний зной
Она холодною быть может;
А если что ее тревожит,
И летом будет грустно ей
Под солнцем, меж цветов и в неге красных дней!
(«Все хорошо — весна, зима и лето...». С. 163)

Отсюда и отношение к природе как к творению Бога:

Природа — Божий храм нерукотворный;
Как славен и велик Он в ней!
(«Я рада видеть вас, прекрасные поля...». С. 164)

Много размышляет А. П. Глинка о назначении поэта, о сущности самой поэзии. Поэзия в «Задуманных думках» рассматривается, в первую очередь, как средство духовного очищения:

Мое перо
Не ремесло,
Но вдохновение благое:
Когда меня смутит земное,
То тотчас за перо возьмусь,
Но только прежде помолюсь!.. (С. 164)

Глинка часто писала, что залог истинного творчества — в духовной чистоте, лишь в просветленную душу приходит вдохновение:

Едва лишь душу что взволнует —
Печаль ли, зависть, или гнев;
Про ближнего ли потолкует
Язык, от злобы накипев:
В тот день наверное простися
Ты с вдохновеньем — не придет,
Скорей, с слезами, помолися:
Молитва весь нагар сотрет!.. (С. 170).

В этом же ключе осмыслялось и предназначение поэта, который, как и лермонтовский поэт-пророк, отвергнут обществом:

Иди, иди путем страданий,
Толпой не uznанный поэт!
Иди меж терний, испытаний;
Но все смотри, чтоб горний свет
Не угасал в душе смятенной;
Твой дар — он свьше благодать;
Им, чрез страданье просветленный,
Не будешь боле унывать!.. (С. 158).

Да и сама поэзия, то сокровенное, о чем пишет автор, внушены свьше:

Если в сердце разольется
Огонь поэзии святой,
Знай: то свьше нам дается;
Вслушайся, поэт, и пой!

То глаголы неземные,
То не лепет праздных слов:
Звуки с мыслью то живые,
Это дар нам из даров.

Пусть не слушают поэта,
Пусть осетила их мгла;
Но поэтом песнь пропета, —
Все с души его сдала! (С. 132)

Размышлениям о том, какие темы могут затрагиваться поэтом в своем творчестве, посвящены стихотворения «Я не поэт» и «Я поэт».

Конкретные события общественно-политической жизни редко становились предметом поэтического осмысления Глинки. Исключением можно считать 1848 год, события которого получают оценку в нескольких произведениях, в том числе в стихотворениях «1848», «1-е января 1848», «21 декабря 1848», четверостишии «Стань на месте, укрепишься...», датированном 1848 г. Революции и бунты в целом воспринимались поэтессой негативно:

Восстало общее смятенье,
Налеты *темных* сил — пожар!!
Неясных мыслей столкновенье,
Всеобщий мировой угар! —
И вдруг, восставшие в гордыне
И на челе народов став,
Толкуют о правах святыни,
Законы Божии поправ,
И, на ходулях, исполины,
Вращая жалы их змеины,
Мечтают дать народам суд,
А сами в гибель их ведут!..
(«Восстало общее смятенье...». С. 185).

Наконец, нельзя обойти вниманием еще одну тему сборника «Задуманные думы», в наибольшей степени звучащую в последней его части, — это тема гордости за свою страну и русский народ, которая осмысливается со славянофильских позиций:

Я *Русской* именем горжусь,
Люблю душой святую Русь
И никогда не преклоняла
Колена пред чужой страной <...>
(«Я *Русской* именем горжусь...». С. 239).

Не только богатства страны, духовность народа вызывают восхищение автора, гордится Глинка и военной мощью России («Велик наш русский Бог, велик!..»)

С 1853 г. Глинки жили в Петербурге, на «понедельники» стали вновь собираться писатели, поэты, артисты. Частыми гостями были П. А. Вяземский, Н. И. Греч, П. А. Плетнев. Важной составляющей жизни, как и в предыдущие годы, для Глинки была религия: «Авдотья Павловна, при всем ее светском обаянии, казалась <...> религиозно одержимым человеком, нетерпимым к теплохладности в вопросах веры. Так, возможно, оно и было, если учесть, что многие аристократы и деятели культуры той поры стремились соблюдать лишь внешнее благочестие. Авдотья же Глинка душой пребывала в церкви <...>»¹. В конце 1850-х — начале 1860-х гг.

¹ Стриженов А. Указ. соч. С. 33.

Глинки окончательно переехали в Тверь. Тогда и была реализована заветная мечта А.П. Глинки, было создано «Тверское дамское общество добротной копейки». 11 декабря 1862 г. тридцатью головами, в числе которых было десять мужчин, председателем общества единогласно была избрана Глинка. Начинание было поддержано военным губернатором князем П. Р. Багратионом и его женой.

Проект учреждения общества, обзор деятельности которого был дан в «Тверских губернских ведомостях» в 1864 г., предварялся тремя эпиграфами: «Люди приходят и уходят, но содеянное ими остается» (Слова из грамоты смоленских князей XIV в.), «Торопитесь делать добро» (поговорка Суворова Рымнимского), «Грозный царь спросил у боярина: “куда подевал ты свои деньги?” Боярин отвечал: “Я отправил их к Богу через руки бедных”». Желаящие вступить в общество и помогать бедным должны были дать себе обет жертвовать добровольно (добротной) не менее копейки с каждого рубля, особенно потраченного на какую-нибудь прихоть. Цель общества состояла в том, чтобы помогать, прежде всего, тем из беднейших жителей Твери, которые стыдились или по каким бы то ни было уважительным причинам не могли просить милостыню, и тем, кто столкнулся с бедностью вследствие болезни, пожара или другого несчастья и не мог самостоятельно поправить положение. Поэтому пособия должны были быть преимущественно единовременными, а не превращаться в постоянные пенсии. Специально избранные члены-посетительницы (так назывались дамы, опекавшие бедных) наблюдали за своими подопечными, проверяя обстоятельства, которые довели их до крайнего положения, и отслеживали результаты помощи.

Заседания общества проводились открыто в первое воскресенье каждого месяца в Доме благородного собрания, на них и распределялись собранные средства. В проекте специально оговаривалось, что сумма пожертвований будет держаться в тайне, деньги будут опускаться в закрытую кружку, чтобы не ставить жертвователей в неловкое положение.

А. П. Глинка умерла в 1863 г., после ее смерти председательницей была избрана княгиня Анна Алексеевна Багратион. В первый год работы общества собранная сумма составила 1922 руб., из которых более 1000 руб. внес Ф. Н. Глинка. В память об основательнице «Добротной копейки» была учреждена стипендия А. П. Глинки: из пожертвованных денег общество на 1000 руб. приобрело пятипроцентный билет и передало его в Тверскую женскую

гимназию, с тем чтобы на проценты от него обучалась одна из беднейших девушек города, выбранная обществом¹.

Кроме распределения денежных средств члены «Доброхотной копейки» занимались и самыми разными практическими делами. Оказывалась помощь пищей, одеждой, лекарствами, дровами. Члены-посетительницы закупали предметы, необходимые в быту, помогали в организации ремонта очага, крыши или даже целого дома. Общество хлопотало о помещении бедных в богадельню, о бесплатном обучении детей, об устройстве их подмастерьями. Позднее в ведении общества находились сиротский приют для девочек, дом трудолюбия, столовая и ночлежный дом.

Членами «Доброхотной копейки» были не только жители Твери и губернии, но и известнейшие люди того времени, такие как актриса М. Н. Ермолова, певец, хоровой дирижер Д. А. Агренов-Славинский. Упразднено общество было лишь в 1918 г.

Однако в 1863 г. Глинка тяжело заболела и, несмотря на усилия врачей, скончалась 26 июля. Она была похоронена в Желтиковом монастыре, рядом с могилой отца. Обряд погребения совершил архиепископ Тверской и Кашинский Фелофей.

¹ См.: Н. Руд. Тверское дамское общество «Доброхотной копейки» // Тверские губернские ведомости. 1864. № 18 (2 мая). С. 82.

Задушевные думы

Сквозь слезы я смотрю на свет:
Как все летит и разлетелось!
Как многого уж больше нет,
Как многого уж отхотелось;
И я на той черте стою,
Где видят все без покрывала:
Небес — еще не достаю,
Земного — для меня уж мало!...

Тебе
(10-е декабря 1842)

Когда путем неслыханным страданий
Без цели я и без надежды шла,
Не веял мне эдем очарований
И ничего я в жизни не ждала;
Лишь сиротство, нужда, — отца могила:
Вот радости в чужбине меж чужих!..
Бледнела жизнь, души терялась сила,
И не жива была я меж живых!..
Один лишь знал и ведал, что таилось
В истерзанной страдальницы груди,
Когда Ему с слезами я молилась, —
Все *тайный глас* твердил мне: «*Подожди!*»
И вот сбылось: предчувствием томимый,
Ты с *берегов озер и диких скал*¹
Перенесен, как будто *тайной* силой,
К царице рек, где часто грозный вал
Несет суда под песню заунывной...
Как мне понять, как *голос мой* *призывной*
До глубины достиг души твоей? —
Увидевши тебя, тотчас узнала,
Что ты был тот, кого я призывала:
Тот жданный гость, — жених души моей!..

¹ Из дикого Олонецкого края. — Здесь и далее прим. приводятся по изданию 1869 г.

Моему гению хранителю

Давно ль из области эфирной
Меня Ты, Гений, осенил?
Раздался в сердце голос мирной,
И веет воздух райских крыл...
Явился Ты — и нет страданья;
Веселья вестник — тишины,
Мысль о Тебе покоит сны
И светлы тихие мечтанья...
Земля исчезла — мир другой,
В отраду мне, в тебе открылся...
Как мрачный путь мой озарился!
Не отлетай, мой гость драгой!
Тебе внимая, кроткий гений!
Не буду знать земных мучений
И все слова — из уст твоих
Приму как дар, — увижу в них
Залог блаженства несравненный...
Твоим дыханьем утиши
Волненья бурные души,
И будь мне спутник неизменный!..
Одним присутствием твоим
Мой дух встревоженный настроен:
Кто светлым Гением храним,
Тот может ли не быть спокоен?
И в сфере суеты пустой,
К тебе лишь взор мой обратится,
Я чувствую себя *другой*:
С тобой легко к добру стремиться.
Ужели глас души моей
Обманчив? Нет! — Хранится в ней
Божественное дуновенье;
Не ложно *здесь* ее влеченье!..
Она в Тебе, с Тобой одним,
Живет блаженством — неземным!..

Часть I

В молитве чудная есть сила:
Она любви есть фимиам; —
Душа земное с ней забыла
И мигом вьется к небесам!..

Еще Ты даровал мне день,
Еще могу я солнцем любоваться,
Еще с друзьями повидаться;
Еще Твоя Отеческая сень
Меня прикрыла в жизни этой:
Здорова я, мои — гляжу на них —
Сыта, под крышей и одета!..
Как много дал Ты мне даров Своих,
И все то даром, Царь вселенной!
Подай же мне грехов сознание моих,
И лучший дар из всех — умение быть смиренной!

Желание

(2-е августа)

О, совлеки с души моей
Все, разлучавшее с Тобою,
Чтоб стала я душой светлей
И чтоб, идя стезей земною,
Жила как Ангел воплоти,
Чтобы во мне уж не кипело,
Чтоб Божье правила и дело
И выше все могла идти,
И от земли б так отчуждилась,
От самоволья и грехов,
Чтоб вдруг туда переселилась —
В Твою и волю, и любовь.

Ангелу-Хранителю

Под Твоим святым крылом
Улелей меня Ты сном,
Светлый Ангел мой Хранитель!
И в туманную обитель
И тревоги, и грехов

Принеси с собой любовь.
Сладкой неба тишиною
Утоли мятеж во мне
И с эдемской стороною
Познакомь хотя во сне!..

Ему

О Господи! я изнываю!..
Поддай молитвы мне елей!
Чего-то все ищу, желаю...
Но все кругом меня мрачней!
В Тебе источник жизни, света —
Их не находим у других!
И сладко для души поэта —
Пить жизнь из этих струй живых!

О Господи! Могу ли я довольно
Тебя, мой Бог, благодарить!
Ты дал мне лучшее из благ сей жизни дольной:
Писать, молиться и любить!..

Во всем, во всем, о Боже мой! как видно,
На небе, на земле, вокруг
И мощный, и благой Твой Дух.
И как же нам, земным, не стыдно,
Не слушаться и не любить Тебя,
А все с своим носиться Я?!

К тебе прильну, прильну я с упованием:
Ты жаждущую напоишь
И не с земным, не с нашим состраданьем,
Ты на больную поглядишь!
А я, я все к Тебе мое былое —
И радость, и грехи с собою принесла.
О Господи! все темное, гнилое,
Ты отдели, чтоб я осталась светла!

О Господи! душе дай крылья,
Чтоб полететь она могла
И из земного бы насилья
В Твой свет заоблачный ушла,
Где отдых радости беспечной.
Дай ей любовью подышать,
Усталой, в суете той вечной,
Где ей наскучило страдать.

О Господи! Ты над звездами!
Там царственный горит Твой трон!..
Но как Отец всегда ты с нами,
Когда мы любим Твой закон.
И легок он! — Ты Сам же помогаешь,
Лишь у Тебя по-детски попроси,
И щедро, щедро осыпашь
Земных дарами с небеси!..

О Господи! Один Ты не обманешь,
А то, что шаг, то ложь, что слово, то обман;
Надорвалася грудь от ран,
И никому уж не расскажешь,
Чем сердцем страждущим болишь:
Все так изменчивы и лживы,
Все так насмешливо-счастливы,
Что с ними ноешь да молчишь!

О Боже! бурю отведи
И с нею волны буревые:
Все тяжело в моей груди!
Мои ль грехи то, иль чужие,
Страдаю от которых я,
Я разобрать того не знаю,
Но чувствую, что я страдаю
И помощь мне нужна Твоя!..

О Боже! Дай мне отдохнуть, —
Внутри так много накопело,
Должна земное делать дело,
Мешают в горнее взглянуть:
В лоскутья сердце разорвали,
Зевнула злобы страшно пасть,
Куда ж мне от моей печали,
Как не к стопам Твоим упасть?..

Меня по милости Своей
Суди — не по моим деяньям,
Не дай мне быть еще грешней,
Но дай, чтоб в сердце, с покаяньем,
Во всех моих земных делах
С любовью слит был Божий страх...

30 июня 1846

С Твоей благодатью всегда неизменной
Мы только и можем счастливыми быть;
Ни почести мира, ни блага вселенной
Не могут утешить, ни дух оживить.
Так светом Ты этой звезды лучезарной,
О Боже мой! раны мне сердца свежи,
И в сумраке воздуха сферы угарной
К востоку мне путь мой надежный кажи!

30 дек<абр> 1846

(11 января 1847)

Когда б не Ты, со взором состраданья,
Господь мой, на рабу Твою смотрел,
Куда бы мне от этой кучи стрел
И где б найти страну обетованья,
Чтоб сердце после бурь могло бы отдохнуть?..
О Ты Один, в болезненную грудь,
Ты можешь влить елея умощенья,
Чтоб мой скропленный дух отрадною слезой
Почувствовал такие утешенья,
Каких уж нет в стране земной!..

О Боже мой! молю Тебя с слезами,
Ты научи и вразуми меня:
Перед Тобой, покрыта я грехами,
В Твоих руках и жизнь, и смерть моя.
О! не давай мне боле погружаться
В сей смрадный грех, кипящий на земли;
Но дай Твоим законом просветляться
И быть Твоею повели!

Тогда, тогда лишь успокоюсь,
Когда, о Господи, укроюсь
Под Твой защитный нам покров:
Тогда пугать ничто не станет, —
Ни бремя тяжкое грехов,
Ни призрак ложный не обманет...
Ты просветлишь мой слабый дух,
Откроешь внутренние очи,
Так, чтоб им видеть и средь ночи;
Душевный я не будет глух,
Услышит он глаголы жизни,
Узнает с неба глас родной,
Чтобы придти без укоризны
К Тебе из области земной!..

К тебе пришла я вся больная...
Меня, мой Боже, исцели!
Груди все раны открывая,
Прошу Тебя, Ты мне пошли
Молитву, слезы, все, что надо,
Чтоб прокаженную обмыть;
Я благам никаким не рада,
Лишь бы Тебе, мой Бог, служить.
Во мне созижди сердце чисто,
Во мне дух правый обнови,
Чтоб совершить здесь путь скользистой
Мне под щитом Твоей любви!..

О Боже! все, что ни имею,
Имею от Тебя, мой Бог!
И даже повторить я смею,
Что Сам сказал нам: «В Мой чертог
И в светлое блаженство Рая
Все можете вы достигать:
Молитесь, чтоб благодать,
Вас, прокаженных, очищая,
Все смыла с вашей души
И ей сказала б: “не греш!”»

Ангелу Хранителю

Отсеки Твоим мечом
И отвей Твоим крылом
Мыслей суетных волненье,
Там — на месте том Святом, —
Где должно быть утешенье,
Где несется фимиам,
Где молитвенный наш храм!

Тебе ж, страдальцу, что принести?
Ведь у тебя целенье есть,
Смотри: Распятый пред тобою,
К тебе объятия простер,
Его угасший в муках взор
Зовет тебя любовью неземною!..

О Господи! Твоей щедротой
Наставь и сохрани меня:
Вот этою одной заботой
Должна заняться я для дня,
А прочее совсем не нужно:
Ни уважение людей,
Ни лепет праздный их речей,
Ни ожерелие жемчужно,
Ни полный лакомства их стол,
Ни выставки их, ни гульбища!..
Нет, это для души не пища,
А полное собранье зол!

О Боже, с милостью безгневной,
Ты нас хранишь с заботой ежедневной
О всех, — о малых и больших: —
Тому лишь может быть опасно,
Кто, в заблуждениях своих,
Тебе не верит и не хочет
Твоей любви предаться весь,
Блаженство кто в тщеславьи прочит,
В ком чувства заглушила спесь.

О Боже! слезы градом льются,
Как взглянешь, что у нас кругом:
Как люди из того лишь бьются,
Чтобы *поставить все вверх дном*:
Святые чувства уничтожить
И веру колебать в сердцах,
Чтоб тем отчаянье умножить,
Чтоб мы, в безумных лишь мечтах,
Развития ума искали, —
То есть: разнузданность страстей!..
Где ж истину от них узнали:
В них столько ж вер, как и людей!..
Себя премудрыми считая,
Одни все *новое* творят,
Другие ж, веру очищая,
Чудес от неба не хотят;
Одни вас обливают хладом
И теплой веры гасят свет;
Другие, возжигаясь адом,
Кричат нам: «Прежнего уж нет!
Мы *новою* пойдем дорогой
И небо приступом возьмем!
Нам дайте наслаждений много,
Да как бы выше стать умом!»

Ты все

Все хорошо с Тобою, что ни будет,
Все благодатно для меня!
Родство и мир меня забудет,
Но я останусь все Твоя!

И нет ни у кого залога
Для счастья вечного в руках:
Оно лишь только в лоне Бога
И прочно только *в небесах!*..

Никто боле

Никто, никто мне боле дать не может,
Как Ты, Создатель мой, Творец!
Твоя десница мне положит
Иль смерть, или венец!
А здесь не то — все криво и неправо:
Людей всегда пристрастен суд:
Сегодня увенчают славой,
А завтра на позор ведут!!

Один Христос есть неизменный
И без страстей, и без грехов:
Воскресший Сам, вовек нетленный
И сам весь чистая любовь!..

Как мне спокойно, благодатно!
Я столько вижу благ твоих:
Здесь воздух льется ароматный
И, посреди чудес живых
Твоей природы обновленной,
Все чудно, все Тобой живет:
Так пусть и сердце восхищенно
С ней гимн Тебе же пропоет!..

Чудна, чудна молитвы сила:
Она невидимо целит
И душу, из тоски унылой
Подняв, так дивно оросит,
Что и наружность обновится
И жизнью зацветет другой!
О, Боже! Дай мне дар молиться,
Раскрой во мне сей ток живой!..

Лейтесь, лейтесь доле слезы,
Вижу благодать Бога в них:
То мои без терний розы,
То залог от стран святых:
Ими, грешная, омоюсь,
Просветлюсь чистотой;
От людей я только скроюсь, —
Пусть лишь льются пред Тобой!

С Тобою так легко мне станет,
Что не желаю ничего:
Что тишина, гроза ли грянет, —
Мне все равно!
Вот *тот покой* обетованный,
Что Ты, порой, даруешь нам:
Хоть и уйдет сей гость желанный,
Но за собой оставит фимиам!!..

О Господи! я знаю, что извне
Идет все волею Святой Твоею;
Но я-то чем же одолею
Все то, что внутренне волнуется во мне?

О Господи! Дай силу мне и звуки,
Чтобы тебя достойно воспевать
И, несмотря на все земные муки,
Чтобы Твоя Святая Благодать
Мне в сердце жаркою струею
Так глубоко вошла,
Чтобы я песнью неземною
Прославила Твои дела:
Тебе не нужно прославленье
Не нужны похвалы Тебе,
Но где же, в лютой нам борьбе,
Среди врагов и ухищренья,

Искать защиты — в ком?
О Боже! Дай средь наслаждений
И в передсмертный час мучений
Всегда быть под Твоим щитом!..

О Господи! Не оставляй меня
Среди тревоги бытия,
Среди желаний беспрестанных,
Средь помыслов каких-то странных,
Что мучат душу так мою;
И в этом яростном бою
Душе моей закон Твой ясно
Ты, Боже, покажи,
Чтоб ничего не сделать самовластно
И не остаться мне во лжи!

Подай, Господь, чтоб напилася
Я каплей горней от Тебя,
Во мне чтоб буря улеглася,
На все смотрела бы любя,
И извиняла, и прощала,
Себя сносила и других;
Но от Тебя лишь ожидала
Я благ небесных и земных!..

Все тяжело и беспокойно!
Не знаю я, чего желать;
И в голове моей нестройно...
Сама не знаю, что начать!
Вот, Господи, что я такое...
Ты волю отними мою:
Тогда останусь я в покое,
Признав одну лишь власть Твою!

О, уничтожь, Спаситель мой,
Мою губительную самость,
Мою во зле растущую упрямость:
Я просветлюсь тогда душой!

Не оставляй, не уходи,
Святая, из моей груди,
Доколе сердце будет биться!
Дай, Боже, мне Тебе молиться
И вдохновение пошли:
С ним сладко жить мне на земли!..

О Господи! сама не знаю,
Мне тесно с этими людьми!
Так часто их не понимаю
С их мелкими страстями!..
Их не видеть, не слышать бы хотела:
Они так душу разорвут,
И после уж рассудит суд, —
Они ль меня, или я понять их не сумела!..

О Господи! лишь ты меня не оставляй,
А то все мало, все ничтожно,
Иль суетно, или грустно, или ложно;
К Тебе любовь все умножай!
С ней не увижу я худова,
Не оскорблюся я от слова,
Не буду знать своих врагов,
Все победит к Тебе любовь!..

О, никогда не посмотрюся,
Я на Твои, о, Боже! чудеса,
На вьсь, цветы, огромные леса!
И никогда *не намолюся!*
Молитва сердца жаждет слез
И средь ужасных жизни гроз!..

Перед Тобой колена преклоняю,
Перед Тобой Одним, мой Бог!
И от Тебя лишь ожидаю
Всего средь жизненных тревог.

Больную душу успокоя,
Твоею милостью святой,
Один Ты дашь того покоя,
Что незнаком в стране земной!..

Тебя любить, Тебе и поклоняться —
Вот благо высшее нам здесь,
Перед Тобой в грехах смиряться,
Забыв свою пустую спесь:
Ты Сам, как детям, нам покажешь,
Идти к Тебе путем каким:
На розы ль, тернии ль укажешь, —
Во благо будет все земным!..

Все мятусь да мятусь!
А когда ж я уймусь?
Боже мой! помоги
Уплатить мне долги!
Как хотелось бы мне
Жить с Тобой в тишине
И Твою благодать
Не гасить и не гнать;
А молиться, терпеть
И, вдали от людей,
На цевнице моей
Тебя, Господа, петь!..

Марии (сестре Лазаря)

Сама ты слышала из уст Его святых,
Как Он сказал: «Едино на потребу!»
С поры той для тебя не стало нужд земных,
А путь открылся прямо к небу!..

Ужель все будет — на разлад,
Господь, между Твоим созданием
Торжествовать один лишь ад
И пагубным своим дыханием
Святое будет все гасить?
Ужель так долго может быть?

Ужель?.. Но взгляд Твой замечает:
Найдется ли праведник один,
Который и других спасает,
Как верный благодати сын!..

Как с молитвой в сердце льется
Мир Твой, — как роса небес! —
И едва он подается, —
Всех волнений рой исчез...
Он дается благодатно
Щедрую Отца рукой:
Мне едва самой понятно,
Станет что тогда со мной!!..

— Покажись мне, Ангел света!
Покажись, небесный князь!
Дай мне руку в знак завета:
За нее чтоб хвататься,
Шла я бодро и надежно,
Взгляд стремилась к небесам:
Чтоб мне, мир презрев мятежной,
Не отдать души грехам!

Ты один

Ты Один! и неразлучно
С нами будешь до конца:
Все непрочно, все докучно
Станет для земли жильца!
То к тому или другому
Он попробует, прильнет,
Сердце упадет в истому,
Жизнь слезами обольет!
И, к Тебе подымая руки,
Скажет: «Ты Один мой щит!!!»
И в минуты всякой муки
Он к стопам Твоим летит!..

Молитва

Творец! Мой Бог, Тебя благодарю
За блага жизни всей душою:
Хоть грешная перед Тобою,
Но с сердцем полным говорю:
Ты чувство влил в меня священо,
Чтоб дух мой в горяня летал
И на земле сей зараженной
Тебя хотя минутно постигал:
В минутах сих и жизнь прямая...
Тогда могу я, с детской простотой,
Все тайное Тебе вверяя,
Повергнуться перед Тобой!..
И Ты поймешь, Творец небесной!
Тебе единому известно,
Что в тайне сердца — Ты лишь можешь исцелить
Недуг грехов, щадя изнеможенье,
Пролив, во время, утешенье. —
Мне пред Тобой отрадно слезы лить!..
Лети ж, мой дух, в тот мир прекрасной,
Где ты не угнетен тоской:
Все здешнее увидишь ясно
Из той отчизны световой!..

Разные тексты из апостолов и Евангелия

Не верьте вы того словам,
Сказал Божественный Учитель,
Кто скажет: «Здесь Христос иль там!» —
Он только ложный обольститель. —
Как в небе молнии исход,
Когда она из туч блеснет,
Летя с востока до заката, —
Так ждите вы теперь возврата
Того, кто прежде жил меж вас,
Чей слышали вы сладкий глас,
Звучащий живо и доньше!..
Теперь живите, как в пустыне,
Нейдите к людям: — там обман!
Им не кажите сердца ран;
Они — как облака безводны
И бурею гонимы мглы —
Хоть восклицают: мы свободны! —
Но тленья и греха рабы.

От прокаженных уберите
И, в скорби и в страданиях, ждите,
Когда, на небесах, Христос
С великой явится к нам славой,
Чтоб над землей свершить суд правый:
Тогда прольется много слез, —
Восплачут племена земные;
Господь пошлет своих посллов,
И Ангелы Его святые
Затрубят в трубы громовые,
Чтобы от четырех концов,
От края до другого края,
Всех избранных своих собирая,
За верность увенчать венцом;
Но о часе никто не знает том!
И так от снов греховных пробудитесь,
Трезвитесь, ждите и молитесь:
«Заутра глас услыши мой,
Царю мой! Боже избавитель!
Ты в битве огради меня дневной
От стрел, что хитрый искуситель
Так метко мечет на людей;
О, дай, чтоб слух, уста и взоры
Мои все делались светлей,
И чтоб неправды, и укору,
И гнев не осквернял меня!
Унынья отгони дремоту
И к пустословию охоту...
Не дай, чтоб адская змея
Ко мне на сердце залегала,
И языка ослаби жало,
Чтоб он про ближних не судил...
А без Тебя ведь я совсем пропала:
В душе не стало больше сил!..
Куда ж укроюсь от тревоги?
Какие мне найти дороги,
И где прохладная та сень,
Те перси, где, склонясь главою,
Могу отраднo отдохнуть!?
О! освежи больную грудь
Твоею милостью живою»!..

Я от Тебя все ожидаю,
Господь мой и Творец!
С любовью детской вспоминаю,
Что Ты один был мне Отец!..
Во всех страданиях жестоких
Ты все меня не покидал!
Когда я шла меж грозных скал,
То сердца в тайниках глубоких —
Все слышался мне голос Твой,
И все к Тебе взывала я с тоской!..

Я к Богу иду помолиться,
Я вырвусь из этих тяжелых цепей!..
О, дай же мне, Боже, слезами омыться
И жизнью прекрасной мне с неба повеи!
Я все позабуду тогда пред тобою!..
А с здешним мириться нет силы во мне...
Я лучше уж буду с моею тоскою,
Чем с ними им бредить в безумном их сне!..

О Господи! я все стремлюсь ко злу...
Рассей, рассеяй греха Ты эту мглу,
Чтобы не впасть мне в ада бездны,
Мой врач небесный, безвозмездный!
Пошли Твою мне благодать;
А чтоб совсем тебе угодной стать,
Пошли любовь, что ценишь выше
Пророчеств, дел и громких слов:
Она той дивной силой дышет,
Что сводит жизнь и в мрак гробов!..

О Господи! Ты, Ты мне все даешь,
Что в жизни мне и дорого, и мило,
И слез поток! — и так ведешь,
Чтоб в скорби сердце не изныло!..

Куда и где могу взглянуть,
Где б не было Твоих благодеяний,
И сколько Ты в страдающую грудь
Умеешь влить отрад и упований!

О Михаил! Архангел Бога,
В священном сонме Серафим!
Когда придет ко мне тревога,
Иль предприятий светских дым,
Или тоска меня встревожит:
То отклони и прохлады
Все бурное в моей груди
Твоей неотразимой силой
И дай покой душе унылой!..

О, отзовись душе моей,
Она давно, давно томится,
Пошли один хоть из лучей,
Чтобы ей, мрачной, осветлиться!..

Архангел Михаил, защитник мой!
Рази, рази мечом Твоим нетленным
Тех смрадных сил кипящий рой!..
Будь мне покровом неизменным!
А жизнь трудна: — так много в ней
Вкруг нас чего-то накопилось,
Как на последний бой столпилось
Орудий смерти и мечей!..

Архангел Божий Михаил!
С Твоею ратью высших сил
Рази врагов мечом нетленным!
Будь нам покровом неизменным
От окружающих нас зол,

Пусть Твой, неслышный нам, глагол
Их рассечет и в прах рассеет!
Пусть сила их закаменеет,
Лишь бросишь взгляд на наш земной смятенный дол!..

Грусть

О Господи! мне в душу влей
Твой умастительный елей:
Она больна; тоски унылой
Под разрушительною силой
Она и гаснет, и скорбит,
Везде встречая лишь гранит...
И в этой сфере безнадежной,
Где все ничтожно иль мятежно,
Куда ж идти и что начать?
Не стало слов, — все только звуки!
К кому же протянуть мне руки
И от кого спасенья ждать?!..

Вот, Боже, я в каком мученье!
С потоком слез живу, скорбя,
И, в нравственном сем заточенье,
Совсем упала духом я!..
О, помоги!.. Ты высоко над нами,
Но ты доступен нам скорей,
Чем те жильцы чертогов пышных:
Им никогда уже не слышны
Ни голос правды, ни скорбей!.. —

Кто помешает, Боже, мне
Перед Тобою изливаться,
В тревоге дня, в полночной тишине,
У ног Твоих с слезами укрываться?!..

Даниил

Господь вложил и в челюсть львов
И жалость, и предивную любовь:
Они страдальца окружали,
Меж них стоял несчастный Даниил,
Они б его, быть может, и пожрали,
Но Бог уста их заградил!..

Вот как Пророков награждали
За истину гремящих слов:
Их на съедение кидали
К голодным львам в их темный ров!..

Благодарю Тебя за все, что Ты давал,
За блага все, за испытанья!
О! как премудро посылал
Ты мне уроки, — чрез страданья!
Чтоб *здесь* я поняла вполне,
Прочсть мне *книгу жизни* надлежало,
Понять, что все великое здесь мало,
А блага все в Тебе — и в тишине...

8 сентября

Рождество Богородицы

Порадуй и меня, Целительница мира!
Как сделала Ты Рождеством Своим
На утешение Родителям Святым!
Хоть я грешна, и немощна, и сира:
Нет у меня заступников других,
Как Ты Одна и Сын Твой драгоценный!
У ног Твоих, в слезах, молно в скорбях земных:
Дай помощь мне, рабе Твоей смущенной!..

27 сентября

Господь! слезами омываю,
Былые все мои грехи
И много, много ожидаю
От властной я Твоей руки:
Ты возродишь Свое создание
И, призраки рассеяв все,
Мне *светлое* дашь упование
На этой гибнущей земле!..

85-й псалом

О Господи! Ты ухо приклони,
Услышь меня, я всем убога,
Мою Ты душу сохрани,
Затем, что верная раба я Бога!..
Спаси! — Я вся перед Тобой
И на Тебя так крепко уповаю:
И целый день к Тебе с мольбой:
Помилуй, Господи! — взываю...
Порадуй душу Ты мою,
За то, что все она к Тебе стремится:
Я кротость ведаю Твою,
Ты милосерд ко всем, к Тебе кто обратится!
Услыши глас мольбы моей,
Услыши глас, печалию пронзенный:
Ты спас меня из натиска скорбей!
И есть ли Бог во всей вселенной,
Тебе подобный по делам?!..
Все, сотворенные Тобой народы,
Придут твоим дивиться чудесам,
Тебя прославят в род и роды!..
О Господи! мне путь мой покажи,
Чтоб в истине я шла — не в темной лжи,
Чтоб сердце лишь Тобой увеселялось,
Чтоб осенял меня Твой страх,
Чтоб духом я к Тебе воспламенялась,
Как Серафимы в небесах!..

Куда укроюсь от тревоги,
Какие мне найти дороги,
Когда тревожна я весь день?
И где прохладная та сень
И перси, где, склонясь главою,
Могу отраднo я вздохнуть?
О, прохлады мертвеющую грудь
Твоею благостью живою!..

Ты посылаешь дары нам благие,
Чтоб в этой нам жизни Тебя прославлять; —
Это светильники наши живые:
В них почивает Твоя благодать!..

Везде мы видим и во всем
Твое величье, власть и славу!
И кто измерит ту Державу,
В которой Твой престол и дом?..

Тебя понять нам невозможно,
И нам к Тебе нельзя дойти, —
Так наше существо ничтожно,
Так наши скользки все пути!..

Но Ты нам проложил дорогу,
На ней Твой Сын, — Его любовь,
Через Него придем мы к Богу,
Из смрада тленья и грехов...

Ужель, Господь, Ты даром дал
Твои дары высокие, святые?
Напрасно ль в сердце глас звучал
И слышались глаголы неземные,
Что жгучею струей из уст Твоих текли.
Ужель и те исчезнут на земли?!

Гляжу на небо — все спокойно,
И чист так голубой эфир!..
Гляжу на землю — все нестройно,
В водовороте целый мир!..
Куда же нам, земным, деваться,
Когда душе так тяжело?
С людьми ужасно оставаться,
Когда в них холод или зло!..
Господь! — Повей с небес отрадой,

Пошли Твоих могучих сил:
«Не бойся малое здесь стадо,
Мужайся! мир Я победил!»
Так Ты *Своим* в их скорби говорил!..

О, дай мне слез, и слез дай много,
Чтобы мне всей излиться в них,
И в них омывшись, чистой стать пред Бога,
А здесь чтоб утолить *всю грусть* скорбей земных!..

И волю всю, и все мои желанья
Хочу Тебе, Спаситель, я вручить —
Весны моей очарованья,
И с сердцем жаждущим любить!
И все, что сделала худова,
Возьми и от всего меня укрой,
Чтоб родилась я свыше *снова*,
Из мертвой — стала бы живой!..

О Господи! я вылью пред Тобою
Все слезы, что стеснили грудь мою
С невыразимую тоскою,
Что от людей, как клад, таю!
И не поймут, и разделить нет время,
И душу боле надорвут:
Один Ты снимешь скорби бремя,
К тебе и слезы путь найдут!..

О Господи! я верю, верю,
Что Ты меня спасешь и сохранишь,
И что здесь всякую потерю
Ты там с лихвою возвратишь;
Но я безумно промотала
Твои высокие дары,
И сколько благ я растеряла
В главокруженьи суеты!..

Прости, Господь! — В изгнании и муке,
И среди всех родов тревог,
Под пыткой жизненной науки,
Мой дух упал! — он изнемог!
Покорность я и светлость потеряла,
Я не бегу уже к Тебе;
А в беспрестанной все борьбе
Совсем не та уже я стала:
Так редко плачу и молюсь,
И от того Тебя боюсь!!..

О! как невыразимо счастье,
Когда Твоя прольется Благодать!
Тогда мы и в самом несчастье
Перестаем грустить, страдать!..
Она в душе тревогу успокоит —
Унынье едкое внутри, —
Все раны тайные омоет,
И осветит как луч восходные зари! —

Я слезами обливаю
Твой Пречистый, Светлый Лик!
«Помоги мне!» — я взываю,
И какой же не достиг
До Тебя печали крик!..
Так пошли же мне уменье —
Быть угодною Тебе;
Силу дай, чтобы в боренье
Не упасть Твоей рабе!..

О Господи! смири меня,
Чтоб на себя глядела я бесстрастно,
И чтобы гордости змея
Не помрачила образ ясной,
Что в душу мне вложил Отец,
Чтоб путь земной так совершила,
Чтоб от него я получила
Себе нетленный там венец!

Ему

Всегда, всегда к Тебе с любовью
Взывала я, Спаситель мой!
Когда и сердце обливалось кровью
И я полна была тоской:
А мне к кому ж прибегнуть было?
Все от Тебя, все у Тебя:
Скрепишь Ты душу новой силой
В юдоли слезной бытия!..

Пощади меня, Спаситель!
Я убога, я больна!
Ты — *Единый* душ целитель,
Видишь душу всю *до dna!*..
Видишь все, что в ней творится —
Непонятно ей самой:
То унынью покорится,
То горит, то раздражится
В этой пытке боевой...
Так открыться мне кому же?
Что искать и что найти,
А с людьми тяжеле, хуже:
Лишь сумеют нанести
Рану в сердце так глубоко!
Иль выводят на позор:
От страдальца все далеко,
Бессочувствен, сух их взор!
Ты же сердце сокрушенно
Миром сладким обольешь,
Ты даров всех, Царь вселенной!
С нами счетов не ведешь!..

Прощение

Тебе, Тебе лишь Одному открою
Души все тайны, все, что в ней:
Она в волненье — дай покою
И дай взор мысленный светлей;
Дай чувство то, с которым можно
К Тебе идти и быть с людьми:
Остаться с тем, что нетревожно
Под сладким сеяньем любви!..

Ужель и Ты, и Ты меня оставил
В страдание горьком и слезах?
Ужели милости убавил
За то, что я томлюсь в грехах?
Ты не для грешных ли явился
И не страдал ли Ты за них?
Отцу так жарко Ты молился,
Прося Его хранить *Твоих!*..
Они Твои и куплены *Тобою*,
Твоею кровию Святой,
И оттого, с грехами и тоскою,
К Тебе идем — наш *ключ воды живой!*
Ведь Ты хотел, чтоб мы узнали,
Как бремя нам легко Твое;
Сними ж грехи, возьми печали
И с ними сердце все мое!..

Не покидай меня, Спаситель!
Я, бедная, под силою страстей;
Будь мой Отец, будь мой Учитель
И в сердце скорбное пролей
Твой мир, — елей тот ароматный,
Который раны все целит,
Который силой непонятной
Нас новой жизнью дарит!...

Ему

О, покори Ты сердце неспокойно!
В нем много так различных чувств кипит:
Все тяжело и все нестройно,
И благодати вход закрыт! —
И в этой безотрадной муке
Чего искать и что найти?!..
К кому ж, с слезами, протяну я руки
И с кем мне душу отвести?!..

Не угасай во мне, Святая!
Ты жизнь моя, отрада, свет!
Ты для меня преддверье Рая...
Но лишь угаснешь — я скелет!...

Да, остов я, без чувств, но жадный,
На зло, как хищный вран, готов:
Я тот жилец могилы холодной,
Что с бытием утратил и любовь!..

Исчерпай Ты Твоею силой
Все тайное из глубины души моей:
Там все унынье, грех и мрак с могилой,
Гнездо снедающих страстей! —
Ведь у тебя *струя живая*,
Ведь Ты целитель тайных ран!..
Нет, к людям не пойду, страдая:
У них насмешка да обман!..

О, помоги мне, Искупитель!
Ты мертвых воскрешал,
Ты погибающих спасал!
Тебе ль Отец Твой Вседержитель
Откажет в чем? —
Не Ты ль, пред нами утаенным,
С своим смирялся Божеством?
Чтобы помочь нам, прокаженным,
Ты муки, смерти ужас снес...
О, помоги, прошу Тебя, помилуй!
Со мной грехи да токи слез...
Но я все верую в Твою лишь силу!..

О Господи! Помилуй Ты меня
И подкрепи! Не в силах я
Ни претерпеть, ни покориться;
Я не сумею и молиться!
Спаси, помилуй Ты меня!..

О Иоанн Святой, благословенный!
Как Ты блажен в сей жизни был!
Ты избранный, Ты боговдохновенный!
Тебя Спаситель полюбил:

Едва взглянул — душа Твоя открылась
С своей чудесной чистотой:
Она небесным просветлилась
И Он сказал: «Теперь ты Мой!..»

Бушует ветер и тучи налетели,
И холодно! — Вчера ж от жару мы горели!
О Господи! Не все ль в Твоих руках:
И молнии, и жар, и хлад, и громы,
И жизнь, и смерть, и мы, и наши дома...
Не Ты ль Один Властитель в небесах?!..

О Боже! лишь с Твоею благодатью
Творить возможно все:
Любить врагов и обнимать как братью,
Безжалостно разрушив Я свое!..

Не отвергай, не отнимай,
О Боже! чувство благодатно,
С которым, предвкушая Рай,
Под сению Святыни ароматной,
Я счастлива, без ведома земных,
У драгоценных ног Твоих!..

Как в благодати неизреченной,
Как Ты, Господь, неистощим!
А мы, сосуд Твой ветротленной,
Своим лишь хламом дорожим,
И, забыв Тебя, бежим
На праздник идолов: их сами
Своими сделали богами
И служим, кланяемся им!..
А Ты, Господь всещепеливый,
Ты сносишь буйство чад Твоих,
Что от избытка прихотливы,
Забылись от благ земных!..

О Господи! веди меня, веди
Так, чтоб всегда в моей груди
Покорность и любовь к Тебе пылали;
Чтобы и немощь, и печали
Лишь открывала пред Тобой;
Чтоб мир меня, обманами блестящий,
И гордостью, и злом кипящий,
Уж не манил бы пылью золотой!..

Завтра глас услыши мой,
Со всей природой, оживленной
Твоею щедрою рукой,
Красой так щедро наделенной!..
В ней все поет и все цветет —
От жизнь дающего дыханья,
И никогда не престаёт
Хвалить Создателя — созданья...

Пролей в груди ожесточенной
Поток любви Твоей Святой!
Кипит *сругой* там, потаенной,
И тяжело жжет меня порой!
Дозволь, чтобы Твоим потоком
Я раны умастить могла
И для себя лишь зорким оком
В себе все грешное нашла!..

Коснись, коснись до раны той глубокой,
Что мне покоя не дает:
Раздражена она жестоко
И грудь огнем каким-то жжет!

Коснись... терпеть уж не могу я, —
Ничтожна сила здесь моя:
Я пленницей хожу, тоскуя,
Но Ты освободи меня!

Как хорошо, как благодатно
На бархате Твоих лугов,
В цветочной куще ароматной,
Средь тысячи Твоих даров!
Я это чувствую, я знаю;
Но сколько, сколько есть других
В темницах и недугах злых?
Отец! Тебя я умоляю:
Не позабудь и там — Твоих!..

Ах! если б не молитвы сила,
Что грудь мою свежит порой,
Я вовсе бы душой изныла
Под этой мрачною грозой!..
Молитва, слезы, умиление
И подкрепят, и усладят;
И это сердца возрождение
Угасит в нем заразы яд!..

Приди, о Иисус, о Царь Небесный!
Спор человек разрешит!
Разгар умов, кипучий, повсеместный,
Твоим дыханьем утиши!..
Все ищут истины, все к ней стремятся,
Но всякий хочет быть большим;
За мнения свои готовы все сражаться...
Да! самолюбием одним
Они ведомы! — Что же станет?
В ком благодать? в ком дух Святой?!..
И разве как гроза Твоя уж грянет,
Уймется этот *спер земной!*..

Как воздух нужен для дыхания,
Так Ты, Господь, душе моей!
А то в сих сумрачных мечтаньях
Ничто не даст отрады ей!..

В Тебе Одном все наши блага,
А без Тебя и хлад, и ночь;
Когда же в нас кипит безумия отвага,
Святая Благодать отходит прочь!..

Пусть лгут, и гонят, и клеветуют, —
Лишь Ты не покидай меня!
Враги хоть метко стрелы мещут,
Но все жива раба Твоя!..
Пусть так! оттерпливаться надо;
Пускай сбивают, жалят, жмут:
На небе есть за все награда,
А на земле — все грех да труд!..

Из 1-го послания к коринфянам (глава XIII)

О Господи! я понимаю,
Что я слаба, что я дурна;
Под бременем сим изнемогаю,
Но исцелиться не сильна!
В душе моей любви так мало,
Я так жестка по временам,
И языка так резко жало!..
Лишь Ты, о Господи, Ты Сам,
В котором все любви начало,
Ты жесткость исцели мою;
А то не быть в Твоем Раю...
Хоть Ангельскими языками
(Ты чрез Апостола сказал)
Я говорю — но я кимвал,
Звнящий только над ушами,
Когда любви нет у меня!..
Пророчества и тайн всезнанья,
Коль веры сильным словом я
Подвину горы с основанья,
Все *без любви* — ничто!
Когда раздам и все именье,
Отдам и тело на сожженье,
Но *без любви* — все ничего!
Одна любовь всетерпелива
И милосердна, не гневлива,
Без зависти, не помнит зло,

В бесчинстве буйном не гордится,
Не ищет только *своего*,
Нигде не хочет возноситься
И радуется не во лжи,
А в истине: — все прикрывает,
И верует, и уповает,
Все переносит из любви!..
Пророчества все прекратятся,
Глагол умолкнет языков,
И все познания упразднятся;
Но будет жить — одна *любовь*!..

Ты один

Господь! надежен Ты Один!
А мы скудельные сосуды,
Пороков и грехов лишь груды!..
Таков земной Твой исполин
С своей гордыней величавой,
С своей внутренней отравой!
Он так изменчив, слаб, смешон,
Так глупо сам в себя влюблен!..

Дай, Господи, чтоб я любила!
В любви таинственная сила:
Она с небес к нам мира весть,
Чтоб ненависть гасить и месть:
В ней чудодейственная сладость!
И в этот грустно-слезный дол
Не из любви ль к нам Бог сошел,
Оставив Рая мир и радость?!..

Дай, Господи, чтоб я любила!
Пролей, пролей мне в грудь Твой мир;
Без этого земной сей пир,
Хоть все б в нем золотом светило,
Все будет скука, страх, напасть;
Ничто, ничто не будет власть!!..

Твоей лишь милостью одною
Дышать мы можем на земле,
А без Тебя, томясь тоскою,
Исчезли б мы в слезах и зле:
И разу мы ступить не можем,
Без милости Святой Твоей:
И от себя, и от людей
В борьбе бесплодной изнеможем.

Пред Господом я все сложила
И менее грущу с тех пор:
Его любовь меня так укротила,
Что стал слабей во мне укор
Против людей — моих собратий!
Отстала я от прежних предприятий
И говорю: что ж тут мешаться нам?
Пусть он, Премудрый, все устроит *Сам*
И по душе, и по делам!..

Он и она

Он и Она в сей жизни тленной
Руководители мои!
Я не могу в толпе надменной
С своею помощью идти.
Он и Она поймут страданья
И будут свыше утешать
И искушенья, и желанья!..
И проведет Их благодать
Меня, — мгновенное явленье, —
Меж шума и житейских волн,
Чтобы у пристани спасенья
Причалить мне свой утлый челн!..

Снега, морозы, хлад, метели,
Все хорошо, что от Тебя:
В них благотворные все цели
Ты заключаешь, — нас любя!..

А мы не видим и не слышим,
Не понимая, как Ты благ,
И только ропотом все дышим,
Едва держась на ногах!

В Тебе Одном, в Тебе все блага:
Могущество, и жизнь, и свет!
Другое ж все, как белая бумага,
Где ни письмен, ни начертаний нет!..
Возьми мои все помышленья,
Что мучат так порой меня,
Взамен пошли мне дар смиренья:
То верная к Тебе стезя!..

С Ним легко

С Тобой легки и жизнь, и люди,
И легче я себе сама:
Не так щемит и ноет в груди,
Не так люблю уж блеск ума!..
Легко душе, как покаянья
Прольются слезы: — ведь оне
Снимают с нас печать изгнанья,
Оне ключ к горней стороне!..

Мой Ангел Хранитель!
Ко мне поспешай!
Он тут уж, ловитель!
Он заслоняет светлый край:
Он все свое принес с собою —
Тоску, унынье, страх и гнев...
И вот его уж слышу рев...
Закрой меня защитой неземною!..

Тебе

Ты проведешь таинственным путем,
О светлая звезда Востока!
Перед Твоим великим днем
Бегут и тень, и мрак далеко:

Ты выведешь своих рабов,
Поставишь там, где быть им надо;
Напрасны хитрые засады,
Напрасны стрелы злых врагов!..

Нет, не пойду я от Тебя!
Куда же, бедная, уйду я?
Все буду я ходить, тоскуя,
С своим во зле растущим Я!
К кому же броситься в объятия?
Всяк нагружен своей бедой;
Все разлетелись предприятия,
И в мире, как во тьме ночной,
Кому нужна тоска чужая?
Не сладит всякий и с своей:
Лишь у Тебя вода живая,
Лишь Ты гласишь с любовью: пей!

С Тобой душа моя быть хочет,
Томяся, помнит все она,
Что здесь напрасно все хлопочет,
И жизнь ее здесь не полна:
Болезни, злоба и печали, —
Вот чем питают здесь ее,
С тех пор, как бедную изгнали
С небес в земное бытие!..

Цели, цели, а то пропала!
Так все болит внутри меня,
Так, духом слабая, упала,
Душой так истомилась я!..
Я ведаю, все от того же:
Грехи, — вот он, мой недуг злой!
Цели, врачуй меня, о, Боже!
Единый Ты целитель мой!..

Ты ведаешь, как много я
Страдала, Господи! от близких,
Страдала много и от низких!
Казалось, люта змея
Вкруг сердца жадно обвилася,
Тесня, сосала грудь мою,
Пока Ты выхватил из бед рабу Твою,
И я душой к Тебе взвилася!..

О Господи! Не по делам
Меня помилуй — по грехам:
Не через них ли я с Тобою
Жестоко так разлучена,
И долго ль быть мне все больною? —
Но, силой собственной скудна,
Хоть иногда и сокрушаюсь,
А там за прежнее опять...
И лишь тогда на миг я исцеляюсь,
Когда Твоя осветит благодать!..

Сними, сними Твою благодатью
Все тяжкое с души моей
И огради Твоею светлой ратью,
Тревожную, меня от тех мечей,
Что так грозят, что так сверкают!
Их лезвия ужасен яд:
Они и небо застилают,
И землю бедную чернят!..

Как к матери бежит дитя,
Прося в беде у ней защиты,
Так я к Тебе!.. Спаси меня!
Давно уж те слова забыты,
Которыми просила я людей
И их просить уж отучилась!..
Душа напрасно истомилась,
И в людстве я уж без речей!..

О Господи! достойна я страданья,
Я знаю то, но тяжело мне;
Ужель и *там* не будут состраданья,
В той световой, не ложной стороне?!
Что ж делать мне?.. Тревожусь ежечастно;
Везде преследует тоска!
С людьми так холодно, — опасно:
У всякого стрела метка!..
О, пусть твое прикосновенье
Все вырвет из души больной:
Тогда и их с отравой приближенье
Не будет вредно мне. — Как вековой скалы
Напрасно грозный вал грызет подножье:
Так под чудесною десницей Божьей
Не дрогну от меча и вражеской стрелы!..

К Святой

«О, вразуми меня, Святая!
Как путь земной Ты перешла
И в светлую обитель Рая
Как чистым Ангелом взошла?!

Ужели не было боренья
Тебе и с миром, и с собой?
Ужели чашу упоенья
Ты не пила любви молодой?

Ужель в душе не наболело?
Живое место было ль в ней?
Ужель в Тебе осталось цело
Святое чувство меж людей?!

И чем же раны ты целила?
Что ж помирить могло в борьбе?
Где ж та врачующая сила?
Кто ж руку протянул Тебе?..» —

Так вопрошала я Святую,
На светлый лик ее глядя,
Зачем же я борюсь, тоскую?
О, помолись Ты за меня!..

Душе как будто прошептала
Земной *Святая* с небеси:
«Христу отдай все, чем страдала,
И все безропотно сноси!»...

Все видишь Ты, все знаешь Ты:
И тайный вздох, слезу и теплую молитву,
Вседневную меж нами битву,
Пиры безумной суеты!
Да! Ты, Всевидящий, все знаешь
И знаешь, всякому что дать:
Тому грозу Ты посылаешь,
Другому — благодать!..

В тяжелые минуты жизни
К кому, к кому я обращаюсь?
И тут и там все укоризны,
И я невольно раздражусь:
То все советы без участия...
Чего ж и требовать от них?!
О Господи! я знаю, — счастье,
И жизнь, и все в руках Твоих!..

Я ухажу в Твой храм святой
От суетливых попечений,
Для духа тяжких утешений!
Я ухажу в Твой храм святой, —
Осушенной, омраченной...
Так дай хоть в храме мне вздохнуть,
Чтоб, благодатью освеженной,
Тернистый продолжать свой путь!..

Я вижу, Ты, Господь, не оставляешь
Меня на жертву козней злых,
По временам ты посылаешь
Мне ограждение от них.
В слезах, в молитве, в покаянье!
Блеснешь — и стрелы злобы в прах!
И я уж не в стране изгнания
И не в постыдных мне цепях!..

О Господи! я повергаю,
Перед Тобой работу дня,
Тебя с слезами умоляю:
Обрадуй, успокой меня!..

Благодарю!.. Ты удостоил
Воззрением Твоим Святым:
Не так как люди, — успокоил
Потоком сладким и живым!..

В Тебе одном и жизнь, и дух, и сила;
В Тебе, Господь, одном!
А без Тебя мертво кругом:
Изменит все иль изменило!..
Вот видим что, — чего ж нам ждать?
О Господи! в тоске сей безнадежной,
Ужель нам все пришлось изнывать,
Ужель, в такой метели снежной,
Пришлось, застывшим, нам лежать?!..
Повей, повей нам благодатью,
Повей с небес нам теплотой
И окружи Своей небесной ратью!..
Пусть светлою они толпой
К нам налетят — и их дыханье
Нас разогреет и смягчит,
Спасет наш дух от замерзанья
И семя жизни возрастит! —
Тогда глядеть не станем горделиво,
Исчезнет наш угрюмый вид;
Как небожители, в любви, счастливо
Мы станем жить между собой
Без зависти!.. Но может ли то сбыться?!
Я верую!! Твоей всевластной рукой
Все может в мире измениться,
А нам осталось лишь плакать и просить,
Смиряться, каяться, любить!..

Ты научи меня, Спаситель!
Себя все ближе узнавать,
Будь мой единственный Учитель,
Чтоб тем к Тебе мне ближе стать:
Вот из наук великая наука,
Вот путь с земли, ведущий к небесам!
Все прочее — союз греха со скукой
И рабство тяжкое страстям!..
Душа моя! — ты с умилением
К учителю с слезами припадай:
Ты от него получишь очищение,
Он для тебя открыл свой Рай!..

Ты Всемогущ, и Всемогущ с любовью,
Ты мой Отец, Создатель мой и Бог!
Союз Твой с нами Ты скрепил Своею кровью
И Ею вечного блаженства дал залог!..
Весь Твой закон *любовь*; — ужели трудно?!
Да, трудно! — хлад у нас в сердцах:
За то в земной и бродим жизни скудной,
Что позабыли об Отце на небесах!..

Все пред тобою повергаю,
Что тяжело на душе лежит,
Свои ли то грехи иль от чужих обид,
Но часто я изнемогаю!
Ты Бог мой, Ты же и Отец!
Тебе ли не известна
И глубь Тобою созданных сердец,
И как здесь на земле бывает тесно!..

Веруй только в Бога,
И пройдет тревога:
Сладит все Он для тебя, —
И Отец Он и Судья!

Благодарю Тебя, Отец небесный!
За утешения, что в жизни мне давал!
Благодарю за путь, порою, тесный!..
Когда грозил девятый вал,
Всегда являлся Ты неожиданно,
Чтобы сберечь, спасти меня;
Ты берег представлял желанный,
И ничего тогда уж не боялась я!..

Мне Бог во всем, во всем поможет:
Он знает нужды все мои, —
Он знает все, что сердце гложет,
И знает все мои грехи.
Так от людей мне ждать чего ли?
Они ведь тож в нужде, в грехах,
В подданстве у своей несчастной воли, —
Где ж думать им о небесах?!..

Ты мой Отец, Ты мой Создатель,
И все Ты в жизни для меня!
Ты щедрый благ земных податель,
Ты знаешь, как тоскую я!..
Сними же грусть и грех, дай каплю утешенья,
Чтобы сносить я все смогла!
Я не хочу земного облегченья:
В земном ведь я все тяжкое нашла!..

О! без Тебя совсем пропала,
Куда идти, к кому идти?
И что ж я встречу на пути?
То холод, то насмешки жало:
Вот, что я вижу от людей,
Чем ближе к ним, тем грусть сильнее!
Но Ты укрой меня, Могучий,
Твоей всеильною рукой:
Тогда пусть остаются тучи,
С своею скрытою грозой!..

В Тебе Одном — одно успокоенье:
Ты лишь сумеешь помирить
Тревожное души волнение,
И Ты ж научить, как любить;
И жертвы все легки с Тобою,
Ты их любви елеем обольешь,
И только у Тебя, с больной душою,
Целенье, радость, мир найдешь!..

Господь пролил Свою струю
И сердце расцвело! — Как много
В него нашло тоскою и тревогой,
Как подточило жизнь мою!..
1858

Я все к Тебе с моей тоской,
Иисусе мой! моя отрада!
Все притушилось для взгляда,
Рассорилось с моей душой.
Когда же я Тебе молилась,
Светлело все вокруг меня:
И я со всем тогда *мирилась*,
И в этот миг была Твоя!..

Один, Один Ты можешь все, —
Все от Твоей руки всевластной,
А без Тебя ходить опасно
И мрачно наше бытие!..
С тобою ж все легко, Спаситель!
В изгнании ль мы, или в бедах:
Где Ты, — там всякая обитель —
Блаженство, мир, — не скорбь, не страх!..

Мне станет все легко, когда с слезами
Тебе, Господь, я помолюсь;
И скорби прежние уж кажутся тенью,
Уж не скорблю я, а смеюсь,

Что я *пустым* так огорчалась,
И сердце тратила свое!
Что важным мне тогда казалось,
То стало уж теперь — ничто!..

И все Твое, и все прекрасно,
На что я ни взгляну — все дело рук Твоих,
 Все говорит уму и сердцу ясно
 О милостях святых!..
Но есть в нас тайное затмение,
И не узнать нам этой слепоты,
Пока осветит луч спасенья
 С Твоей небесной высоты!..

Один Ты ведал все страданья
Измученной души моей,
Когда моих во цвете дней
Я только знала испытанья
И много мук непонятых...
Я шла без роз — все между терний,
И сколько горестных лишений
Без упоенья грез младых!..

Ты Один — мой неизменный!
Вечны все слова Твои:
Все пройдет — и мир наш тленный,
Почеть, слава, скорбь, враги!..

Благодарю за то, что ум мой понимает
И сердце чувствует мое:
 Ум от Тебя понятия получает,
 И свет вливаешь Ты в него:
Тогда вокруг светло все становится,
Не внешностью живешь одной,
 Тогда захочется молиться,
 Чтоб ближе быть с Тобой!..

Со Христом, со Христом
Нет ни горя, ни тревоги;
Сведены с Ним все итоги:
Жизнь, Блаженство, только в Нем!..

Как без Тебя все мрачно и нестройно,
И в споре ум с взволнованной душой!..
Блеснет Твой свет — опять все стройно,
И закипит поток живой
Молитвы и покорности смиренной,
И станет все светло кругом,
И стих польется вдохновенной,
И рады мы платить за зло добром!..

Ты мой Отец, мой благодетель!
Прими горячую слезу
И утиши в душе грозу!..
Ведь Ты Один невидимый свидетель
Моих печалей и обид!..
Куда ж идти, где обороны? —
Им весело — что ж им чужие стоны:
Другое в сердце их горит!..

Как тяжело мне, как тревожно!
Лишь утешаюсь я одним,
Что для Тебя и невозможное возможно
И что Ты видишь все, хоть невидим!..

О Господи! Куда нам обратиться?
Ведь у Тебя источник живота!
У нас безумье, суета,
И только голова кружится.
Слепцы, мы ошупью бредем,
И только в пропасть попадаем!..
Открой *душевные* нам очи,
И дай увидеть горний свет,
Чтоб не остаться нам в той ночи,
Где истины и Бога нет!

Он сделал все, как я желала,
И хорошо устроил все:
Худого будто не бывало
И в голове опять светло!
Ведь это Ты, — Отец небесной! —
Один все сделал для меня:
А всякому здесь или тесно,
Или просторно — *для себя!*..

Господь мое все упование,
И цель, и радость в жизни сей;
Пускай творит во мне закланье
Губительных моих страстей!..
И счастлива тогда я буду
Под волею Его святой:
Земных потребностей всю грудь
Я сдам Ему с души больной!..

Ты знаешь, как мне тяжело,
И сил уж больше не имею:
Мечты, надежды — все прошло,
И часто так я онемею, —
Бесчувственную становлюсь,
Что уж не плачу... не молюсь!..

Схвати душу мою, схвати сердце мое,
Чтоб Одним лишь Тобою дышало:
И увядшее вновь оживет бытие,
И земное тогда мне покажется мало!..

Страдала много, много я,
А может быть, и отстрадала:
Ведь воля в том была Твоя, —
 Страданье душу очищало!..

Благодать

Не покидай меня, о перла неземная!
Хочу иль не хочу — спасай меня:
В Тебе, о Благодать! лишь жизнь прямая:
Ты к вечности единая стезя!..

Войди в мои домашние дела!
Я так слаба и малодушна,
Мне часто так бывает скучно,
Что я сама себе бываю тяжела!..
Другим же, может быть, и боле:
Но не в моей то, право, воле!
Войди, Господь, и пощади меня!
Совсем измучилась я!..

Как Ты решил, я просветлела,
И все снялось с души моей,
Ты видишь, где прямое дело,
Мы ж под судом своих страстей!..
О Боже! дай, — в Твои веленья
Вникая, — все Тебе предать:
Тогда не будет уж мученья,
Что душу мне могло вязать!..

Вразуми меня, реши,
Для спокойствия души...
От Тебя лишь все благое;
От меня все только злое!..
Вразумляй меня, Господь,
Чтоб во мне ни кровь, ни плоть,
Не имели бы влиянья;
А Твое лишь указанье,
Всюду и во всем вело:
Будет мне тогда светло!..
1858

О Господи! я изнываю
Сама не знаю от чего:
Молиться, видно, я не знаю, —
Вот и страданье от того!..

Благодарю еще за испытанье!
Все хорошо, что от Тебя:
Хоть от ужасного страданья
Изнемогла душа моя!..
О, пощади меня, помилуй,
Отец, Спаситель мой и Бог!
И новую подай мне силу
Не изнемочь среди тревог!..
1857

Дай мне, Господи, вздохнуть!
Истерзалась грудь...
Много вкрут меня худова,
Не с кем вымолвить и слова;
Сердце ноет и болит...
Знать еще беда грозит!..

Я на Тебя лишь уповаю,
Господь, Отец мой, Боже сил!
С Тобою духом оживаю,
Ты никому не изменил:
Твои все *верны* обещанья,
Тебя лишь сердцем попроси:
Тебе от нас не нужны воздаянья,
Ведь у Тебя все есть на небеси!..

Когда Тебе предамся я,
Я счастлива неизъяснимо:
Я чувствую, хоть невидимо,
Что надо мной рука Твоя!..

О Боже! я совсем пропала,
Когда оставишь Ты меня!
Ведь у меня и силы мало,
И упадаю духом я!..

Да и своей боюсь я воли,
Чтоб с нею злого не нажать,
Чтоб у страстей не быть в неволи
И чтоб Тебя не огорчить!..

О Господи! не оставляй меня!
Тогда приму все горькое охотно,
И буду жить я беззаботно,
Как на руках у матери дитя.

Ты утетишь, Ты научишь,
Ты Отец мой, Царь и Бог:
От Тебя лишь все получишь!..
Кто ж сказал, чтоб изнемог
В силах Ты, неизреченный?
Научил ведь Ты меня,
В жизни горькой и смятенной,
Чтоб Тебя хвалила я!..

О Господи! Какими я слезами
Должна благодарить Тебя
И прославлять Тебя делами,
Средь гроз и терний бытия:
Ведь Ты Один, — Один мой неизменный!
Мне все давал, мне все прощал:
Когда, под бурей разъяренной,
Мой утлый челн над бездной трепетал!..

Дай, Господи, не уклоняться
От милости святой Твоей,
И никогда не поддаваться
Насилью яростных страстей!
В Тебе лишь мир и счастье неизменно,
Тебе ж земных не надобно даров:
Ты сердце любишь лишь смиренно
И ценишь лишь одну — любовь!..

Все в Твоей руке, Создатель, —
Жизнь, и смерть, и блага все;
Ты источник, Ты податель,
И в Тебе лишь все вполне!..
Отними ж из сердца жало,
Что порой меня язвит,
Не оно ли зла начало?
От него, знать, все болит!..

Я хорошо так нынче помолилась,
Казалось, все и хорошо пойдет,
А вскоре так я осердилась,
Что на сердце легло как гнет!
О Боже! Ты Один поможешь!
Не слажу с немощью своей;
Ты укротить и бури можешь,
Так влей мне в сердце Твой елей!..

И все здесь мрак, и все неуловимо, —
Все гордость, злость иль недочет:
Все призрачно, что нами зримо,
Захочешь взять — из рук уйдет!..
Куда же, Господи, деваться,
От окружающих сетей?
Одно осталось — опираться
На власть любви руки Твоей!..

Как мало пред Тобою все!
Величье наше так ничтожно!
Когда ж скажу себе: и я, и все Твое,
Тогда и счастья ждать возможно!..

С Тобой Одним все блага жизни,
А без Тебя во всем урон,
С Тобою жизнь без укоризны,
Тобою дух наш оживлен!

О, если б чувством этим жили,
Держась лишь только за Тебя:
Мы никогда бы не грешили,
Отца небесного любя!..

Ты можешь все ко мне послать —
Спокойствие или волнение,
Лишь только б мне с любовью исполнять
Твое небесное веленье!..

Ты можешь обессилить сильных
И можешь слабых укреплять;
Сокровища Твоих даров обильных
Кто может исчислять?!..

Совсем со мною жизнь другая,
Когда Твоя повеет благодать:
Я чувствую, что страсти, затихая,
Не могут так меня терзать;
На доброе тогда готова,
Могу с любовью все стерпеть,
И сердце уж не так сурово,
И я могу Тебя, Господь мой, петь!..

Прими, прими, Господь, мою
Ты неприлежную молитву!
Лениво пред Тобой стою
И от того без силы в битву
От нападений и врагов:
Они мне часто роют ров
И беспощадно налетают,
И мой неровен с ними бой!..
Но, может быть, они не знают,
Что в немощи моей бываешь Ты со мной!..

Не от людей и блага все земные,
Лишь от Тебя хочу я получить:
Не может у Тебя лицепрятя быть,
А их порывы и дары, всегда ль прямые?
Всегда ль от сердца их привет?
Пожатие руки всегда ли откровенно? —

Давно уж у меня к ним веры нет
В душе больной, от них же уязвленной!..
Но от Тебя, Отец, Создатель мой и Бог!
Нет горького, — Ты все с любовью посылаешь,
А сам слезу, и слово детское, и вздох —
Все милосердно принимаешь!..

1858

О! успокой все, что тревожно
В страдающей груди моей!
Господь! Тебе ведь все возможно:
Смиряешь волны Ты морей,
И бури гнев, и ураганы!
Так исцели же сердца раны
Могучей волею Твоей!..

Дай мне, Боже, дай с Тобою
Ближе быть, Тебя любить!
Я прошусь тогда с тоскою:
Ей меня не возмутить!
Все, что прежде раздражало,
Все покажется так мало,
Перед тем, Создатель мой,
Чтобы ближе быть с Тобой!..

Живительная есть струя —
То благодать небесная Твоя:
Она живет, утешит и согреет,
От ней в душе худое все немеет,
И сильно так она заговорит,
Что выше станешь всех обид!..

Бывает и без слов моление,
Когда я вспомню блага все,
Что Ты давал мне в утешенье
На сей взволнованной земле!
И с умилением удивляюсь,
Как нежно Ты меня водил,
В минуты ропота смиряюсь
Перед Тобою, Боже сил!..

С Тобой, Господь, нам все возможно —
Болезнь, разлуку, смерть снести;
А без Тебя ведь невозможно
И до порога нам пройти!..

О, озари меня, Святая!
Лучами кротости Твоей:
Во мне все грех, все тьма густая, —
Плоды злой воли то моей...
Лишь с помощью Твоей одною
Могу преодолеть себя:
Достигнув *здесь*, в земном, покою
И *там* блаженства бытия!..

Все хорошо, что от Тебя:
И снег, и дождь, и холод, и ненастье:
Для нас должно быть все то счастье,
Что ни дает рука Твоя:
Она ведет к благой нас цели
И нам дает спасенья плод:
Так будем как младенцы в колыбели
И примем все, что нам *любовь* дает.

Вполне, вполне Тебе я отдаюся,
И сладко так душе моей,
И ничего теперь уж не боюся:
Ни боли, ни стихий, ни злых людей.
В Твоей лишь воле есть свобода,
Затем, что власть Твоя сильна,
И смертная в грехах природа
Лишь ей быть может спасена!..

И в труде,
И в беде
Сохрани меня, Святая!
Страсть ко злу,
Сердца мглу
Отгони, Благая!

О Господи, прости мои сомненья,
Когда я думаю, Ты забыл меня,
И вновь впадаю в согрешенья,
Тогда бегу я от Тебя!..
И от греха, и от боязни,
Молиться боле не могу,
И в этой нестерпимой казни,
Я только мучусь, — не живу!..

Твоей лишь милостью святою
Могу я победить себя,
А то, как ни готовлюсь к бою,
Ничтожна сила вся моя!
Ничем тогда не размягчаюсь,
Все горделива и жестка,
И как с собою ни сражаюсь,
К паденью только лишь близка!..

О Господи! Как все тревожно,
Все, что бывает вне Тебя!
И в верованьях многобожно,
И лжи размен, и свой гордится я;
Беседы наши без приязни,
Не говорю уж о любви:
И в будущем мы без боязни,
И в настоящем — мы нули!

О Боже! Как бы я желала,
Твои осуществить слова,
Чтоб я к Тебе любовию пылала;
А не житейская молва
Меня вседневно бы томила;
Чтоб Ты Один был *светоч мой*,
Чтоб я и страсти победила,
И не жила бы головой!..

По милости Своей
Меня суди, — не по моим деяниям!
Не дай мне быть еще грешней,
Но дай, чтоб в сердце с покаяньем,
Во всех моих земных делах,
С любовью слит был Божий страх!..

О Боже, исцели меня!
Болезней много смертоносных:
Целенья жду лишь от Тебя;
Порой и мне самой они несносны...
О, исцели дыханием Твоим!
Повеи мне воздухом святым!

Ты, Ты один даешь мне все!
А от людей мне ничего:
Они все с мелкими страстями,
И все лукавство в них одно:
В раздоре жалком с небесами,
Все кланяться себе хотят;
Они так горды, своевольны,
И всем, и вечно недовольны,
Друг друга колят и язвят!

Один Господь, Один Ты можешь
Устроить все, поставить по местам;
Прославишь Ты и уничтожишь,
А как?.. то непонятно нам!..

О Господи! Куда ни обращаю я взоры,
Везде я вижу храм бесплодной суеты...
Ума строптивного раздоры
И буйство собственной мечты!
Куда ж, о Господи, мне скрыться,
Когда заносит грудь и на устах нет слов?
Мне страшно так!.. мне страшно и молиться
Между поваленных гробов!..

О Господи! дух замер мой в тоске
И в суете, кругом меня разлитой:
Плыву сама на легком челноке
С надеждою моей, — увы! разлитой!..
Разлей твой свет и пристань укажи,
Где б я вздохнуть могла свободно,
Где говорят, где мыслят благородно,
Где нет коварств, ни подлости, ни лжи!..

Лишь Твоей животворящей силой
Можно чудеса творить:
Что ж от нас, то все так хило —
Мы стремимся все крушить!..
Бедный странник! успокойся,
Суетиться перестань.
Так у ног Христа укройся:
Там твоих желаний грань!..

О Господи! Не оставляй меня!
Я так худа, хила, без силы;
Я без Тебя все вижу мрак могилы
И ужасы небытия!..

С Тобой же радость, жизнь и возрожденье,
Все от того, *что свет Ты и любовь*;
С Тобой из мертвых воскресенье
И оставление грехов!..

Не Ты ль Один, Господь, нам все даешь:
И небесам лазурь, и зелень полю,
И волею Своей так мудро нас ведешь,
Не нарушая нашу волю!..

О Господи! Я все не исцелилась
И все нема, слепа, глуха!..
И все еще не усмирилась:
Я дочь безумная греха!

Зачем же медлить мне, и что же
К Тебе, Отец, не поспешать?
Что ж благ Твоих найду дороже
И где — Святую Благодать?!

С какою любовью и с кротким терпением,
О Господи! путь укажешь Ты нам:
То с гневом отцовским, то с чудным целеньем,
Как к чадам с любовью иль страхом к рабам.

Вселенная полна Твоих даров,
Бесчисленных, невероятных, —
И в них кипит Твоя любовь!..
А все для нас, — рабов Твоих неверных, —
Все мало, мало!.. мы хотим,
Не зная сами, все чего-то,
И, с тяжелой для себя работой,
Мы ловим, ловим... только — дым!..

Утро

Благословляя все творенье,
Благослови Ты и меня
И дай душе моей целенье,
Чтобы росла все духом я,
Чтоб безболезненной стопою
Идти мне в царствие Твое,
Сражаясь на земле и с смертью, и со тьмою,
Войти из плена в бытие!..

О Господи! Дышать отрадней груди,
Когда меня не замечают люди:
И я одна перед Тобой
С моей тоской!..

Ты хочешь так, Господь! — Довольно,
Чтоб мне с покорностью терпеть
И чтоб себе, в сей жизни дольной,
Молитвой в скорби сердце греть:

Быть может, этим я страдањем
И много благ себе куплю,
Когда Тебе я, с упованьем,
Скажу: «Господь: терплю, терплю!»...

Дай, Господи, познать мне сладость
Страдания, молитвы и любви!
Пусть мир свою ликует радость,
И речи сладкие змеи
Пусть увлекают! — В них круженье
И в них душам тлетворный яд:
Отнимут все, расхолодят;
Но в них для наших язв не сыщется целенье!

Иисус! Иисусе! Ты мой ключ,
Чтоб мне войти в преддверье Рая;
Иисус! Иисусе! Ты мой луч,
Когда меня застигнет мгла земная!..

О Господи! в часы страданья
И в мой предсмертный час —
Подай мне светлость упованья
И слышать Твой небесный глас:
Тогда предсмертные я муки
Все безбоязненно пройду,
К Тебе протягивая руки,
Я в жизнь бессмертную войду!..

О Господи! меня Ты обливаешь
Бесчисленную тьмой даров,
И непрестанно посылаешь
Остереженья от грехов;
Но часто я неблагодарна,
Их в слепоте не признаю
И, с своевольностью коварной,
Другую выбрала стезю...
Сведи, сведи, — а то пропала, —
Меня с широкого пути;
Твори, чтоб чаще я страдала
И крест могла бы свой нести!..

О Господи! не все ль Ты дал
Для человека в наслажденье,
Для человека — в поученье;
А, между тем, он все так мал!
Твой горделивый царь природы,
Какой-то ищет все свободы:
С вещественностью свел союз,
Мечтая, вырвавшись из уз,
Устроить на земле приволье
И, в этом диком своеволие,
Без Бога хочет жить один
Сей незаконный властелин!..

Нет, не была одна я на земле, —
Ты близ меня!.. Ты был, Господь, со мною!
Когда я в суетной вращалась мгле,
Ты говорил во мне *моей тоскою*,
Чтоб свергнула к Твоим стопам
Я иго все земное,
И слушала б, в покое,
Что заповедовал Ты нам!..

И в шуме листьев, в ветра вое,
Тебе я, Боже мой, дивлюсь!
Равно и в сладостном покое,
Когда Тебе молюсь:
Во всех явленьях, благодатно
Ты нам являешься, Господь!
Одна воюющая плоть
Все любит толковать превратно!..

В лютый час боренья
Мне пошли молитвы дар,
Он мне будет в защищенье
От налетных, здешних кар.
Он росой благодатной
Сердце сладко одождит, —
Жертвою тогда приятной
К небесам оно взлетит!..

Пролей, Господь, мне росу благодати
На сердце пустое мое,
Меж неприязненной иду я рати,
Мое здесь скорбно бытие:
Они нашли, где только можно,
И уколоть, и уязвить.
Я, с силою своей ничтожной,
Не знаю, чем их отразить!..
О, помоги мне, Всемогущий!
Терпенья нет уже во мне:
И от тоски, меня грызущей,
И от врагов моих извне!..

О Господи! с одной к Тебе молитвой
Нам можно в мире устоять,
Когда кругом, с враждебною ловитвой,
Стоит воюющая рать:
На стрелы их должны терпеньем
Мы сердце крепко оградить;
А пред лукавым искушеньем
С крестом, с *молитвою* стоять!..

О Боже! Ты меня извел
Из стороны *сомнения* враждебной,
Где для меня иссяк давно глагол
Сочувствия душе целебный:
То степь бесплодная была,
Где ни цветов, ни аромата!
Для глаз казались груды злата,
А для души все смрад да мгла!..

Твоею силой и любовью,
Твоею милостью Святой,
Твоими язвами и кровью
Мы только обретем покой,
Достигнем вечного блаженства,
Преодолев с Тобой — себя:
Тогда войдем и в совершенство,
И наш тогда исчезнет я!

С Тобой, Христос, другими я глазами
Гляжу на мир и на людей;
С Тобою теплыми струями
Катятся слезы их очей:
Других люблю и о себе молюся,
Чтоб Ты простил мои грехи,
И осуждать тогда боюся:
Они и я — не все ль Твои?..

Здесь ничего
Нет моего,
А все Твое,
А все Твое!..
Дай, Боже, мне
Не утонуть
В мирской волне!
Ты будь мой путь:
Ты отдали
Нас от грехов
И посели
В душе любовь!..

Согрей, о Господи, согрей
Мою Ты жесткость, хлад, окамененье,
И многое в душе моей,
Чему потребно исцеленье!

Я ведаю: меня одно спасет:
Любовь Отца и Бога сила,
Хоть предо мной иль ад, или могила;
Но сил спастись своих недостает!..

Когда словес Твоих река живая
Души мне льется в глубину,
Тогда и суета земная
Все падает как ключ ко дну,

И мнится мне, тогда я
Не чувствую, что деется вокруг:
И, став как бы в преддверьи Рая,
Я уж не я, а с жаждой неба дух!..

Благодатью раскрой
Ты во мне тайник сердечной!
Бедную меня напой
Ты водою жизни вечной, —
С тем, чтоб оградилась я
Средь тревоги бытия;
Не видала б и забыла
Все, творимое извне,
Чтоб Твоя спасала сила
В бурях этих и в огне!..

О Господи! нет сил, нет слов и выраженья,
Чтобы, Господь, благодарить Тебя,
Ты спас меня, и гневные явленья
Твоей грозы отвел Ты от меня,
Когда невидимо ходила
Смерть страшная между людей
И разверзалась могила
С неодолимостью своей.

Куда ж мне, Господи, деваться?
Куда ж, как не к Тебе идти,
И все, на жизненном пути,
И принимать, и покоряться!?!..

Побольше дай мне, Боже, слез!
Подай мне этих жизни роз
Среди тревог и испытаний,
Среди душевных истязаний...
О, как я сладость их люблю!
Как с ними станет мне свободно:
Не так как в суете бесплодной,
Где я свое заветное гублю!..

О Господи! Мне жить здесь трудно,
И как порой не унывать,
И как не делать безрассудно,
И как же после не страдать?!

Тебе Единому молиться
Одно есть дело на земле:
Чрез это можем просветлиться
И не ходить безумно в мгле.

О, так порой мне грустно, право,
Что не сумею и сказать:
Не с светскою ли то отравой
Лукавых нападает рать?
Иль по Тебе тоска? — мне это неизвестно...
Сдаю, Господь, Тебе я все:
Пусть во мне Твой луч небесной
Мне прояснит томление мое!..

Несчастья, скорби и печали
Суть *воспитатели* мои:
Твои щедроты их послали,
Чтоб язвы исцелить души,
Чтоб чувствовала я вседневно,
Что я живу Одним Тобой,
Просила б, чтоб мой недуг гневной
Прешел в спасительный покой!..

С Тобой, Христос! нам все возможно —
И претерпеть, и превозмочь:
Перед Тобой исчезнет все, что ложно,
Как перед светом ночь!..
Твоим мы светом просветимся,
Средь внутренних и внешних зол,
На камне веры утвердимся,
Послышав в сердце Твой глагол!..

О Господи! Один Ты ведаешь все муки,
Один Ты понимаешь их,
Когда к Тебе я воздымаю руки
И жалуясь в слезах моих.
Так, Ты Один все понимаешь,
Как люди, Ты меня не оскорбляешь,
Не говоришь: «виновна Ты сама!»
А в скорби где ж мне взять ума?!..

Три желанья

Ты, как Петру, что между волн кипящих
Ходить вдруг вздумал за Тобой,
Пошли и мне Твой Дух животворящий,
Чтоб шла в волнах мирских бестрепетной стопой!..

Ты воскреси меня, как дочь Иаира,
И искру жизни Ты раздуй во мне,
Я здесь без помощи и сира,
Не зная, как живу, во сне иль не во сне!..

Открой мне очи, чтоб прозрела,
Как от рожденья тот слепой,
Чтобы к Тебе душа любовью горела,
И я, как он, ходила б за Тобой!..

Куда уйду я от Тебя?
Миры и вся вселенная Твоя.
Скудельный я сосуд под наказаньем
И знаю только грех, печаль и страх;
Под этим грозным я влияньем,
Влачу всю жизнь свою в бедах:
Мне страсти цепи наложили,
Которых не умею снять;
Лукаво в сети уловили,
Чтоб от Тебя все удалять,
И если бы не Ты порою
Мне сердце освещал Твоим лучом,
Что было бы тогда со мною?!
О, люди от меня ключом
Покрепче стали б запирались

И стали б от меня наверно отпираться,
Узнавши наготу мою!..
К Тебе ж иди, себе уборов
Великолепных не сошью,
И лишних мне не нужно сборов:
Равно Ты принимаешь всех,
Так милосердно, благосклонно:
Тебе противен только грех:
В союзе с волей непреклонной,
Она все рвется бунтовать,
Сражаясь с волею Твоею всемогущей,
Под тленной пестрию своей, едва живущей,
Которой суждено в гробу лежать!

Он

Так, в немощи Ты совершаешь
Большие чудеса,
Уничтожаешь, прославляешь!..
Твоя небесная роса
Омоет грех, и чудодейно
Воскреснет новый человек,
И он живет благоговейно,
Творит великое в свой век.
Все от Тебя, — и Ты Один, всевластной,
Ты позволяешь быть грозам,
Ты ослепишь — и человек, не зная сам,
Бежит — и в пропасти ужасной
Погиб! не соберут его костей...
Ты все на время позволяешь
И, своевольных нас, детей,
В разгаре собственных страстей,
Премудро к цели направляешь!..
Но в жизни здешней — или там
Дойдем ли к цели мы высокой?
Таится в тайне то глубокой
Непросветленным нам!..

Ты все, Господь, даешь мне, все,
Что только мне необходимо:
Ты пронесешь и чашу скорби мимо,
И укрепишь, чтобы принять ее!..

О Господи! Я до того дошла,
Что ни о чем Тебя просить не смею:
Кругом лишь битвы или мгла,
И только трепеща, немея,
И без надежд земных я плачу пред Тобой!..
Что Ты решишь и что прикажешь,
И, в гневе, что безумцам скажешь,
Смотря на их безумный бой?!..

В Твоей, в Твоей, Господь, все воле,
Чтоб падал град и гром гремел
И чтобы вдруг, на гладком доле,
Вулкан дымящий закипел!
Так и с народом: — дух безумья
Нам ним грозою пролетит,
Сломает стрелы остроумья,
Никто не знает, что творит:
Язык друг с другом непонятен,
Шумя, всяк думает, что прав,
И, как в похмелье, коловратен:
Кто болен, думает — он здоров;
Места, язык, права и славы —
Все безобразно и смешно!
Под грязной оболочной нравы,
Как смрадного болота дно...
Безумные, не понимают,
Что их *Господний гнев постиг*.
И, жалкие, еще мечтают,
Что ум у них еще велик,
Что сладят все, устроят *сами*,
Не понимая свой позор,
Что им подписан приговор
Пред мира целого очами...
О, лучше вместо бредней всех
Самоуправства в беззаконьи,
Чем умножать всеобщий грех
И оставаться вполусоньи, —
Все обратились бы к Отцу,
Чтоб Он, с небес, им подал руку,
Привел бы бедствия к концу...
Один междоусобья муку,

Один Он кротко утолит:
В Его руке весы не лживы,
Его Суды одни правдивы, —
Спасает ли, или казнит!..

Псалом 74-й

«Исповемся Тебе, Боже!..»

Прославим, Господи, Тебя и призовем,
Чтоб с сердцем заодно уста звучали,
И, помянув о Имени Твоем,
Мы о судьбах Твоих народам рассказали,
Как Ты с небес вешал им Сам:
«Когда Моим назначенным Судам
Настанет час, тогда растают
И люди, и земля! — Я утвердил
Ее столпы! — Я грешным говорил:
Престаньте согрешать! а горделивым:
Сотрите гордости безумный рог!
Доколь вам быть и дерзким, и кичливым
И говорить: “Несправедлив наш Бог!”
Не думайте, что с запада, с востока
Иль из ущелий скал и гор
Придет к вам помощь издалека,
Чтоб разрешить Мой с вами спор.
Напрасно!.. Я Один сужу мою вселенну,
Я чашу полную с вином ношу,
Кипящую и горьким растворенну,
Ее, кому хочу, Я подношу...
И будут ею упиваться,
Пока не выпьют до дрожжей,
Пока сердца не отрезвятся
От своеволя и страстей!..»

Но я, — я буду все петь с чувством умиления,
Как правосудно Ты Суды Свои ведешь,
Пока придет час грешным сокрушенья,
А праведных Ты вознесешь!..

Здесь все неполно иль мгновенно:
То недочувствуешь иль удержать нельзя!
И в нас есть что-то сокровенно,
Что, средь утех земного бытия,

Нас все зовет куда-то непонятно:
О, если это голос Твой,
То пусть то чувство благодатно
Не растается здесь со мной!

Благодарю за сон — всему забвенью,
За свежесть утра — новый жизни дар!
За слезы и к Тебе сердечное моление,
За неостывший сердца жар,
За то, что я, с душевной теплотою,
Еще могу любить людей,
И все горячею еще душою
Люблю моих друзей!
Немного их! они мне неба дар бесценный...
Зато нежнее их люблю!
Благодарю за стих, порою вдохновенный,
Еще за то, что многое терплю!..

О Боже мой! в тоске страдания немова
К кому я обращаюсь?
Кто ж скажет мне отрады слово,
И перед кем слезами я зальюсь?..
Что выиграю я, что получу я?
Насмешку горькую и яд в словах:
Нет, лучше далее от них уйду я
И пред Тобой паду в слезах!..

У нас нет никого,
Кто б защитил, утешил, успокоил,
И чтоб для нас хоть что-нибудь устроил:
Вся наша жизнь — Твой дар, Твое добро!..

О Господи! как я худа,
И ничего я не умею!
Едва покажется беда, —
То унываю, то робею,
А там кружусь или горда...
Как непонятно!.. И какие
Во мне явления кипят:

То смрад грехов, то думы вдруг святые,
То светлый рай, то мрачный ад!
И в этом есть одно значенье:
Что только божья благодать,
Свершив в душе перерожденье,
Покой субботний может дать!

Ты жизнь даешь и отнимаешь,
Природа дышит вся Тобой,
Средь мира бури поднимаешь,
И все горит Твоей грозой!..
Что ж мы? — скудельные созданья!
Как против бури устоять?
Когда нас все теснят страданья,
Или страстей кипучих рать!..
Куда идти и где укрыться
И от людей, и от себя?
С людьми, с собою как ужиться
Средь ураганов бытия?..
Молитву, слезы, крест, терпенье
На жизнь Ты заповедал нам;
Но как же быть? — внутри киченье
И страсть к торжественным венкам!..
Так в грустном я недоуменьи
Между поблекших роз стою!..
О, не гневись!.. А в сожаленьи
Помилуй Ты рабу Твою!..

Да, Ты живешь в сердцах, Тобою ж просветленных,
И миром их Божественным даришь
И, не смотря на язвы прокаженных,
Ты, исцеляя, их живишь!
Да, блага все, и почести земные,
И по цветам блестящий путь,
И речи их — зарницы огневые —
Хоть могут иногда блеснуть, —
Но этот пар, с поддельностью лукавой,
Все натомит или сожжет,
И с этой медленной отравой,
Как узник, с грусти дух замрет!..

Повея, повея той силой благодатной,
Чем укрощаешь гнев морей,
И той же силой непонятной
Смиряешь наших пыл страстей:
Томлюся я, во мне тревога,
И страшно мне, и скучно мне,
И чувствую, что далека от Бога
Я в этом смутном сне...
О, сжался, сжался надо мною!
Подай слезу, сердечный вздох,
Чтоб этой страшною борьбою
Мой дух в тоске не изнемог!..

Болезнь Ф.Н.

15 марта. 1855 г.

Защитник наш и покровитель,
Один у нас Ты на земле —
И внутренних, и внешних язв целитель,
И свет, и жизнь в надольной этой мгле!
Одно, Господь, Ты наше упование!
Ты нас спасал уж столько раз:
Ты ведаешь грехи, поймешь страданье:
Услыши и *теперь* с слезами скорби глас!..

На одного Тебя лишь уповаю
Средь мира пышного, но мира и тревог.
Один услышишь Ты, дашь все: я это знаю,
Затем, что Ты не человек, а — Бог!..
Они сумеют взять лишь, растревожить,
Собратья грустные мои!
Порыв в душе высокой уничтожить,
Затем, что в них не стало уж любви!..
Петерб<ург>. 12 апр<еля> 1855 г.

О Господи! От юности моей
К Тебе душа моя летала,
И все Тебя с любовию искала,
И слезы сладкие лилися из очей, —

И дар поэзии священной,
Что Ты в отраду мне послал,
Живил мой дух изнеможенный:
Он теплою струей смывал
Все сердца раны, грусть и недочеты,
Что я встречала на пути —
И жизни скудные заботы,
И что вотще я силилась найти!..
Отрадой, людям неизвестной,
Средь козней от врагов моих,
Твоею милостью, Твой луч небесный
Светил мне в горестях немых.
Одна с Тобой я проходила
Тяжелых дней запутанную нить,
И под Твоей неведомою силой
И верою в Тебя могла я только жить!..

Увядающее, застывшее в страданье,
О Боже, сердце оживи!
Дай силу вынести испытанье
И скорбный путь так прохладить,
Чтобы молчать, молиться и — любить!..

О мой Отец и мой Спаситель!
Ты жизнь моя и здесь, и там;
Ты неизменный мой водитель
И верный путь мой к небесам!
Дай постоянство мне благое,
Чтоб век Тебе не изменять;
Все в сердце угаси худое:
Одну зажги в нем благодать!..

Тверь. 1855 г.

За много слез моих Ты ведь простишь меня;
Я больше ничего в сей жизни не имела:
Страдала, мучилась, терпела...
И вот — вся жизнь моя!..

Когда я Тебе помолюся,
Кого же тогда убоюся?
Не страшны мне стрелы врагов,
Не страшны их в тайне наветы:
Я помню святые обеты;
Твое милосердие и к грешным любовь.

Ты Один моя отрада —
Бесконечная моя!
Что до пышного мне града!
До людского бытия
Мне — нет нужды! Дай мне слезы,
Покаянье и любовь:
Не увянут эти розы,
И средь терния грехов!..

Тебе молиться и смиряться, —
Хочу жить с этим меж людей,
Слегка лишь к людям прикасаться,
А духом, Боже! быть Твоей!..

Ужель за слезы, за страданья,
Ты не помилуешь меня?
Мне часто трудны испытанья,
И часто изнываю я!
О Боже! каплю дай отрады,
В мою страдающую грудь,
Из жалости, не из награды,
Чтоб освежить тернистый путь!..

Благодарю за испытанья!
Они нас учат, и светлят,
И притупляют те желанья,
В которых скрыт тлетворный яд;
Лишь только б мне, под их напором,
Не изнемочь в такой борьбе;
Но упования с светлым взором —
«О! помоги!!» — взывать к Тебе!

Завтра мой услыши глас,
Когда еще на все предсветное молчанье,
 Когда и полного сиянья
Еще не наступил урочный час.
Услышь меня! — я пред Тобой
Уныла и грустна стою...
Куда идти, что делать мне с тоскою?
Куда, в чье сердце я ее волюю?..
Обремененных Ты лишь призываешь,
А слезы, грусть — не нужны на пирах:
Там аромат и блеск, там красоты в цветах,
И мало там *Твоих* — Ты это знаешь!..

Возьми, возьми Ты сердце все мое, —
Тогда страдать оно не будет:
Тогда все язвы горести забудет,
 Что сокрушали бытие!..

Я от Тебя жду вдохновенья!
Ты мой Отец, Создатель, Бог,
Источник благ, души моей спасенье,
К бессмертию в будущем залог!..

Тебя люблю, не понимая;
Но вижу милости Твои:
Да, благодать Твой святая
Живит земные дни мои!..

Не оставляй меня! Я все могу снести:
Несправедливость, скорбь, уничиженье...
И сладко будет мне к Тебе нести
За блага все Твои — повиненья!..

О Господи! Бегу я от людей:
От них остались только раны
 В душе моей!
Устала я — одни обманы

И хлад с ничтожностью речей, —
Вот чем они меня питают!
Но Ты, мой Бог и мой Отец,
Страдал Ты Сам и знаешь, как страдают!
Изведал Ты и крест, и терновый венец!..

Благодарю Тебя, мой Боже,
За участь скромную мою!
Уж редко что меня тревожит:
Я вывела свою ладью
Из моря бурного — от мира:
Давно он *призрак* для меня!
Я счастлива — со мною лира, —
Молитва, труд — и, по душе, другое Я!..

О Господи! Ты ведаешь все муки —
Все муки сердца и души
И те болезненные звуки,
Что изливаются в тиши!
Услышишь их из сострадания,
И исцелишь рабов своих:
Ты дашь другие нам желанья, —
Ты дашь нам пить из вод живых!

Господи! я изнываю
Под снедающей тоской!
Отчего? сама не знаю;
Что же случилось со мной?!..

Все мне грустно, неприятно;
Скучно стало меж людей:
Нет молитвы благодатной,
Нет по сердцу *мне речей!*..

Без оглядки бы бежала
Все равно куда-нибудь:
Может быть, бы набежала,
Где б свободнее вздохнуть!..

О Господи! Покрой меня, покрой!
Чтоб по прямой я шла дороге,
Чтобы все встречные тревоги
Не отняли б души покой!
Дай мне молитву освеженья,
Чтоб духу силы не терять, —
И только под крестом Твоим спасенья —
Нигде другого не искать!..

Нет, не оставишь Ты своей рабы!
Я это чувствую, я знаю,
Хоть часто крепко унываю;
Но слышу вдруг среди мольбы
Твой сладкий голос утешенья,
И я опять жива, живу!..
Придет опять душевное волненье,
И я опять Тебя зову!..

В мой быт земной Ты милостиво входишь,
Все хорошо устроишь Ты;
С меня тяжелое все сложишь:
В Тебе одном все правоты!..
А люди судят лишь наружно,
Их глаз не видит далеко,
Их ум не судит глубоко,
И ближнему помочь им недосужно!..

О Господи! где б ни была я,
Останься Ты всегда со мной,
Чтобы рука Твоя святая
Почила над Твоей работой!..

18 сент <ября> 1855

О Господи! как трудно мне все сладить!
Все неприязненно вокруг меня.
И ничего я не могу уладить,
И остаюсь всегда виновна я!..

Господь! Ты не гнушайся мною,
Уладит все один Твой взгляд,
И я не огорчусь мне чуждой волей, — злою,
А вытерплю — пускай разят!..

1858

Дай, Боже! мне еще пожить,
Чтоб чудеса Твои увидеть,
Чтоб никого из ближних не обидеть
И Твой закон в душах распространить!..

Давно, давно я понимаю,
Что никуда я не гожусь, —
И оттого к Тебе взываю,
И часто оттого мятусь!
Ты знаешь, мой Отец, Создатель!
Как жизнь моя была тесна:
Один Ты был мне благ податель
И заплатил мне все сполна!..

Ты увидишь, Ты услышишь
Все, в душе что перейдет:
Ты одной любовью дышишь,
Пред Тобой не пропадет—
Ни слеза, ни вздох, что люди
Видеть, слышать не хотят:
Твой в страдающие груди
Проникает зорко взгляд!..

Опять, Господь, мне душу возмутили
Неправдой, злобой, клеветой;
Они так больно уязвили;
Теперь прощай души моей покой!..
Бороться ж с ними не могу я
И заградить чем их уста?
К Тебе с слезами упаду я:
«Помилуй — именем Христа!..»

О Боже! дай душе моей,
Чтоб ей ничем не возмущаться
Средь суетящихся людей
И на Тебя лишь опираться;
Тогда б, под грозной бурей той,
Как страшно б волны ни вздымались,
Мы все бы целыми остались,
Под охранительной Твоей рукой!..

О Господи! Ты все внимаешь —
И вопль души, и сердца стон:
И в них все тайное читаешь!..
Твой милосердия закон
Людским страстям не подчинен:
Вот отчего легко с Тобою:
Один Ты знаешь утешать,
Когда, под мрачную тоскою,
Мы уж не знаем, что начать!..

О Господи! внуши, чтоб я могла понять
Твои пути во всем, Твою святую волю,
И чтобы я, какую б ни послал Ты долю,
Могла ее безропотно принять!..

Я чувствую, что я дурна,
Что милости Твоей я недостойна:..
Вот отчего я беспокойна,
Вот чем душа моя больна!..

Ты знай Один все муки и страданья,
Что я скрываю от людей:
В них не найду я состраданья,
От них еще мне станет грустней:
И чем они помочь, убогие, сумеют?
У всякого болезнь своя:
Они горят или леденеют,
Своя у всякого за пазухой змея!..

Чего просить? чего желать? — не знаю!
Прося, боюсь я оскорбить Тебя,
И потому с покорностью страдаю
И говорю: «помилуй Ты меня!..»

Я покорюсь Тебе лишь Одному:
Ты все устроишь мне во благо.
Пусть люди хвалятся умом своим, отвагой, —
А я не верю их уму!..

К Тебе душа стремится беспрестанно
Перед Тобой я слезы лью:
Кто ж во вселенной сей пространной,
Кому б сдала я грусть свою?!..

Перед Тобой Одним, Христос,
Могу я лить потоки слез:
Тебе понятны наши слезы
И наши внутренние грозы!..
И не к Тебе ль, Отец благой,
Со всяким недугом ходили?..
И никогда не уходили
С болезнью прежней и тоской!..

Цели меня, прости меня!
К Тебе одно мое моленье!
Душа болит моя
От беспрестанного боренья!
Лишь у Тебя, в Тебе одном
Все есть, чего душа желает:
Ты утолишь и жажду по свягом
И исцелишь в ней то, чем бедная страдает.
Неистощим в Тебе родник любви!
Прости меня, помилуй, оживи!..

После причащения

22 февраля

Ты возродишь меня, Отец небесный!
И буду *новое* создание я: —
Расширится круг мыслей тесный,
Постигну вечность бытия:
Здесь для души так пищи мало,
И оттого она, сжимаясь тоской,
Все по одному, по вечности вздыхала, —
По родине своей Святой!..

Душу болит и сердце истомилось,
Сама не знаю отчего,
А видимо не приключилось
Со мною ничего!..
И что за боль, что за мученье,
Которым и названья нет?
Ужели это тайное томленье,
Влекущее в Твой свет?!..

Да, я с надеждой несомненной
Все изотчу перед Тобой:
Тоску души, страданием истомленной,
Все, что лилось тяжелою слезой,
И столько ран! — Один лишь Ты от них целенье:
Другого и не может быть:
Ты снимешь *прошлое* — дашь сердцу обновленье,
Научишь Ты прощать, молиться и любить!..

О Господи! прости меня!
Ты *тайное* в душе моей все знаешь
И в глубину ее вникаешь,
Ты мой Отец и Судия!..

Тебе помолюся,
Тебе помолюся,
И стану я тотчас свежа и бодра:
Во мне разольется источник добра...
Тогда никого не боюся,
Когда я Тебе помолюся!..

Желание

1 января 1855

Ты, Господи, земным молитву дал,
Чтоб знали мы с небес Твое веленье
И нам здесь в утешенье!
Теперь же *новый год* настал,
И вот души моей желанья:
Чтоб мне исполнить все в молитве той,
Что велено для жизни нам земной,
До моего последнего дыханья;
 Чтоб *Имя* я Твое
Всегда, везде с любовью святила,
И жажду Царства Твоего
Всегда бы в сердце сохранила!..
Чтоб волю вредную свою
Безропотно Твоей я воле покорила
И чтобы хлеб дневной, что посылал Ты мне,
 И блага все земные,
 Я их ценила бы вполне,
Как с небеси дары Твои благие!..
Дай силу мне, Господь, врагов своих простить
И даже их, как братьев, полюбить!
Тогда грехам моим могла б я ждать прощенья,
И в бытии моем земном от искушенья
И от лукавого меня б Ты защитил:
Зане всемогущный Ты и славы Царь, и сил!..

О Господи!.. Со мной побудь!
И мне тогда уж ничего не надо;
Я подышу небесною отрадой,
Расширится моя измученная грудь:
Забуду все, как я страдала,
И от души прошу врагам своим,
Затем, что миг я подышала
Небесным воздухом Твоим!

Тебе, Господь, я все скажу,
Что внутренно меня тревожит:
Заботы, горе, все к ногам Твоим сложу, —
Никто, как Ты, мне не поможет:
Ведь у Тебя и сила, и любовь;
А у кого найдется это?
У них, пустых, так много слов,
Но ими сердце не согрето!..

Во свете лишь Твоем мы узрим свет!
Теперь мы тьмой земною окружены;
В Твоем же свете — тени нет;
Тогда уже сосуд наш тленный
Так будет весь им озарен,
Что уж грехом не заразится:
Не страшен будем нам и смерти сон,
И с Богом человек соединится!..

К Тебе душа моя стремится,
Как к высшей, дивной красоте:
Напрасно здесь исканьем истомится,
Когда уж свет угас в безумной темноте.
Здесь зло одно — под разным лишь названьем,
И оттого так сердцу тяжело:
Прекрасное у нас заманчиво сияньем;
Но то не бриллиант — поддельное стекло!..

Не по грехам моим — по благодати Твоей —
Спаси и выручи — помилуй,
И дай душе моей ту силу,
Чтоб вытерпеть напор скорбей!..

Где прикажешь — там и буду,
Где поставишь — стану там,
И нигде не позабуду,
Что приказывал Ты нам;
В года всякое я время,
Буду все к Тебе взывать,
Чтоб греха с меня снял бремя
И послал мне Благодать!..

О, выведи меня из степи сей бесплодной,
Где так душа моя натомлена,
Где тени нет от пальмы благородной,
Где жаждою томится так она!

Когда вокруг кипит и суетится
Сей шумный мир, водоворот страстей —
И от него душа моя томится, —
К тебе, Господь, к Тебе бегу скорей:
Ты все смиришь, и от всего укроешь,
И помраченную введешь в свой свет,
Дитя безумное с любовью успокоишь
И воскрылишь души полет!..

Января 22-е

Мне лучше пред Тобой, пред Господом моим
Быть неоправданной рабою,
Чем пред людьми, кичась достоинством своим,
Носиться с гордою главою:
Ты оправдаешь, убелишь
Твое ничтожно созданье,
Поймешь и слабость, и страданье,
И сердце миром подаришь!..

Грусть

О Боже! дай небесным мне упиться,
Пошли душе полмертвой жизнь и свет!
Дай подышать мне, дай забыться
В сем мире зла, и глупостей, и бед! —
Устала я, — глубоки раны
Остались в сердце от людей,
В уме сомнения туманы
От ядовитых их речей!..
Тогда я только не тоскую,
Когда молюсь и плачу я.
Но страшно мне, чтоб искру ту святую
Не загасить! — Душа моя
Так раздражается порою,
Так на людей кипит враждой,
Что кажется, дух тьмы кружится надо мною,
И я покинута Тобой!..

28-е июня

О Господи! как холодно!
Не так-то встарь у нас бывало!
Нас прежде солнце согревало;
Теперь не греет и оно!
Ты учишь нас и учишь ясно,
Он грозен — посланный Тобой глагол!
Умели ж мы Твой мир прекрасный
Наполнить неисчетных зол!..
За что же нас, оледенелых,
Теплом небесным награждать?
Не стоит духом омертвелых
Лелеять плоть и согревать!..

Ему

Нашлешь ненастье или бури,
Иль солнце яркое зажжешь,
Иль мрак настелешь по лазури,
Крутой ли ураган взовьешь:
Во всем перед Тобой душой благоговею;
«Помилуй!» — робко говорю:
Во всем я вижу власть Твою, —
И больше говорить не смею!..

21 августа

Смушение

(31 августа)

Благодарю, что буря миновалась, —
Полки невидимых зажгли ее во мгле;
Благодарю, что я жива осталась
И что могу Тебе молиться на земле!..

Ты проведешь везде!.. Как благодатно
К Тебе и за Тобой идти!
Хочу Твоей святыней ароматной
Питаться на пути!
Твои слова все — жизнь, молитва — сила:
Они преодолеют все:
Пред ними вскроется могила
И даст нам вход во царствие Твое!..

Тебе, Тебе я Одному сдаю
Все тяжкое, что накопилось,
Что душу стиснуло мою,
Что так глубоко в ней таилось
И даже от меня самой!
Не знала ран тех за собой;
Порой, порыв неблагородный
И зоркий глаз лишь для других,
И суеты досуг бесплодный,
И столько слов, без дел, пустых...

Тебя одного

Нет, не угас во мне огонь небесной,
Когда могу Тебя я прославлять,
Я чувствую, что в этой сфере тесной
Одна Твоя нужна мне благодать;
Все прочее на что мне? я сказала;
Гляжу, сержусь, а более молчу:
Земное все уж я перебирала
И лишь Тебя я Одного хочу!..

Одна слеза, одна перед Тобою,
Есть дар бесценный от Тебя,
Мирит она с людьми, с собою
И лютого смягчает Я:
Когда внутри заглохнет и сожмется,
А вне то яд, то степь, то хлад,
И если из-за них слеза пробьется,
То как земной ей странник рад!

Души как переходы странны:
То буря в ней вдруг закипит,
То вдруг явления туманны
Представятся — и загрузит;
Там без причины раздражится,
А после скорбью умилится;
Таков ее тревожный путь!
Но эти как стерпеть насилья,
Когда б порой Ты не давал ей крылья
К Тебе лететь и отдохнуть?

Благодарю Тебя за небо голубое,
За солнца свет, за теплоту,
За все, что дал прекрасное, земное,
Чтобы сносить мне жизни тяготу;
За изумруд полей, цветов благоуханье,
За кроткое мерцание луны
И за прохладное ночей дыханье,
За юности беспечной сны!..
Они прошли — о них я не жалею...
Теперь я чище и светлей:
Хоть меж людей душою холодею,
Но верю к Тебе она теплей!

1847

Не знаю, как в бессилии моем
Начать, творить, распоряжаться:
Я стиснута страстей ярмом
И лишь умею раздражаться,
Одной себе всегда вреда...
Вступишь, Господь, Ты за меня!
Обиды, скорби, притесненья
Все повергаю пред Тобой!
Найду ли суд, иль примиренье?
Один Твой суд — есть суд прямой...

Ты снял невидимой рукою,
Ты притупил все стрелы зла,
И я уж не больна тоскою,
И та ж, что прежде я была:
Тружусь, молюсь и занимаюсь,
Все чувства сладки так мои,
Как будто летом погружаюсь
Я, в зной, в прохладные струи!..

С собой повсюду мы несем
В груди и рай, и ада муки;
Когда Тебе с надеждой руки
И с ними сердце подаем:

Тогда везде и все нам благодатно,
Тогда и жребий свой превратной,
Людей, печали и себя
Мы сносим, говоря: то воля есть Твоя!

Как Ты велик, как Ты высок,
Во всем от смертных так далек!
Вещественной Тебе не нужно дани,
Ни злата блеск, ни пышность зданий;
Ты с перси не возьмешь оброк.
На что Тебе, Создателю вселенной,
Красноглагольный наш язык?
Перед Тобой нет тайны утаенной,
Скорбящих слышен вздох и крик;
Хоть в небесах недосягаем,
Но слезы Ты стереть готов,
Когда перед Тобой мы повергаем
Грехи, страданье и любовь!

Январь 1845

Один лишь неизменный Ты!
Все изменит — и жизнь, и радость,
И уз семейных сладость,
И юности игривые мечты!
А люди? О, от них страданья
Нам много суждено принять:
Останется одно желанье,
Чтоб ничего уж не желать!..

И заботой, и тревогой
Так душа утомлена!
Пусть идет большой дорогой,
Сладость встретит ли она?
Нет; — все смутные лишь грезы,
Часто гнев, а чаще слезы!
Вот и грустный дня итог!..
О, спаси, помилуй, Бог!..

Ужели под работою земною
Все будет дух мой так стеснен?
Ужель спокойствия росой
Не будет он крошен?..

О Боже, Боже! утомилась
И от себя, и от других!
Душе дай силу, чтоб молилась
И расцвела от струй Твоих живых!..

Легко нам под сенью Твоей благодатной,
Легко всем страдальцам идти,
Питаясь святыней Твоей ароматной,
Чтоб крест свой тяжелый снести!..
Посмотришь на небо, — светло так, спокойно,
И звезд мириады так ярко блещут,
Лишь вслушаться только, — в природе все стройно;
Зачем же в нас страсти так грозно кипят?!

Благодарю!.. Благодарю,
Что я, порою, сознаю:
И чувств к Тебе святых стремленье,
И грешных чувств в себе боренье:
 Все это ясно говорит,
Что есть еще во мне источник света!
Пусть иногда в груди и страшное горит,
Но есть же там и жизнь высокая поэта!..

Часть II

Да, больше чувствовать, чем размышлять:
Вот это женщине назначено судьбою,
И сердцем жить, — хоть и страдать, —
И, — с безыменной тоскою, —
Ненаходимого искать! —

Птичка

(1 декабря)

Ты так счастлива — ты с крылами!
Мелькнула мысль — и далеко
Ты уж за синими морями,
Ты уж за темными лесами,
И так тебе легко, легко!..
Пристал ли иней, снег пушистый,
Махнула крыльями — прошло;
Повеял ветер леденистый,
Ты к солнцу ближе — и тепло;
Сосед ли налетит докучный,
Иль враг с губительной стрелой,
Пусть остаются!.. С песнью звучной
От них летишь к стране другой...
Тебе нет цепи, нет преграды,
И ты, как облако, вольна,
От тех не требуешь награды,
С кем стала жизнь тебе тесна...

А я средь тяжкого страданья
Не полечу, не запою,
И пыткой медленной терзанья
Всю скорбь до капли изопью...

В мире чужая
И отсталая,
Грустно на мир я гляжу.

Что ж вам скажу я?
Песню одну я
Только твержу.

Часто досадно,
Все так неладно!..
Чем же помочь?

Пусть так творится!
Стану молиться,
Если придется невмочь.

Падение

Когда пройдут блаженные мгновенья,
Что, душу посетив таинственным лучом,
Вводили в область просветленья,
То пусть без них и темен дом,
И исчезает все, что светлого в нем было:
Так мы, расставшись с горней силой,
Отяжелев, падем!

Налет

Когда дневные так тревоги
Меня стеснят, меня сожмут,
И мне противен станет труд,
В ничто сведутся все итоги:
Я, безнадежная, сию
И будто сквозь туман гляжу...
Но вдруг пронзится, как стрелой,
Моя душа — и ожила,
И рассеяться станет мгла,
И умильной слезою
Смягчится сердце — я пою
И в силе новой восстаю!..

21-го сентября

Томление

Как хорошо из-под тени древесной
Смотреть на шумный свет,
Вперячь свой взор на свод небесной,
Оттоль душе просить ответ:
На то, что здесь ее волнует,
Что слез так много на земле,
Зачем порок хвастливо торжествует,

А истина смиренно скрыта в мгле!..
О Боже! чудно все творенье!
Твоя природа хороша!
Так отчего ж в душе томленье
И отчего болит душа?

11-е мая

Зачем тоска

Не унывай, что мучишься тоскою?
Она с тобою быть должна;
Для помраченных нет покою:
У непроснувшихся от сна —
Грехов, разврата, своеволя,
Душа ждать может ли приволья?..
Здесь ей чужая сторона:
Она тоскует беспрестанно
И жаждет пристани желанной:
Там успокоится она!..

Без вдохновенья, без молитвы
Жизнь и бесцветна, и грустна:
Со всех сторон все битвы, битвы...
И все вещественность одна!..

Касатка

Вот — касатка снарядилась,
Чуя осень, в край *иной*
И у кровли прилепилась
Спеть привет прощальный свой:

«Вслед лечу я за весною,
Снег пойдет, мороз сожмет;
Не поется ведь зимою:
Кто ж на стуже запоет?!..

Где тепло, там жить люблю я,
Песня там звучит живей;
И живу я, не горя,
Там, где солнышко теплей!..»

Так касатка распевала
Над светлицею моей
И невольно вызывала
Песня слезы из очей!..

Вдруг, отлетная, вспорхнула
Так свободно, так легко,
Проскользнула, промелькнула
И была уж высоко.

Ветер в поле расшумелся,
По степи раздался вой;
Камелек чуть-чуть мой тлелся:
Я полна была тоской...

Степь

11-е августа 1841

Не отнимай в сей тьме ночной
Ты благодати — дара песен!
Путь на земле тяжел и тесен, —
Тут все кружится суетой.
Ведь духу надобно ж излиться,
И то душой мы мертвецы!..
Как редко можем помолиться,
Хоть все мы метим в мудрецы!..

30-е декабря 1842

Предчувствие

Не гляди на меня
Так, родная моя!
Пусть трепещется грудь молодая,
И колени дрожат,
И палят, и знобят
Меня жар или хлад,
И порой я как будто немая!..
Видно то, что во мне,
Уж по горней стране
Востосковалось и хочет на волю,
Хочет вверх поскорей,
Где привольней, светлей,
Где провидит мне лучшую долю!..
Там не литься слезам,
Нет страдания там,
Для детей там дворец есть чудесный...

Не скорби ж, мать моя!
Что не станет меня:
Я туда, где Отец наш небесный!..

Отчего

Редко, редко на меня
Вдохновение находит:
Все меня забота дня
Грустию обводит!

Что ж мне делать? что начать?
И душе, и сердцу тесно!
Где, земной мне, повстречать
Гостью поднебесной?

Ей зачем придти ко мне?
Все здесь мрачно, суетливо,
Бредят все, в каком-то сне,
Гордо — говорливо!

Где ж ее надзвездный дом,
И каким путем добраться,
Явно к ней или тайком —
Тайной дожидаться?

И какой убор надеть,
И с каким идти подарком:
Гимн ли звонкий ей пропеть
В умиление жарком?

Чем же заманю ее?
Иль отделаю палаты:
Сыпьте золото и серебро,
Жгитесь ароматы!

— Все не то! мне говорят:
Судишь, как земная,
Не сзовет твой аромат
Жительницу Рая!

Пищей тленную, земной,
Вам подобно, не питаюсь,
А на землю ниспускаюсь
К тем, кто прост душой!..

Кто смирения слезами
Гордости убил змею
И молитв святых огнями
Сжег страстей семью!..

Кто гасить не допускает
Божьего огня
И в душе не позволяет
Своему жить я!..

Тот, любовью сгорая,
Станет процветать,
И к нему сойдет из Рая —
Рая благодать!

Замечательный миг

Душа томилась, изнывала,
И чем-то все была больна,
Чего-то в страхе ожидала,
Пустою мглой окружена!

Но что-то вдруг, как луч, мелькнуло,
И мрак упал с моих очей,
Небесным от небес пахнуло,
И стало на земле светлей!..

Теперь светло, теперь отрадно!..
Уж мир другой в душе открыт...
Ни на кого мне не досадно,
И выше я земных обид!..

Мой Бог — не Бог рукотворенной, —
Сам видит все и слышит Сам,
И лучший для Него есть храм —
Душа — с покорностью смиренной!..
Февраля 2. 1843

Былое

Как в юности я счастлива была,
Когда луны под тихим светом,
Под темно-голубым наметом,
В мечтаньях радужных цвела!
Тогда на их крылах носилась

Моя душа, и к людям в мир просилась...
Я счастлива была!
Когда ручью я шумному внимала
Или входила в лес густой,
От песни соловья живой
Я вся блаженством трепетала,
И к людям все просилась я!..
Теперь не то: душа моя,
Что день, все больше холодела,
От столкновения с земным,
И от людей так много наболела,
Что никогда не просится уж к ним!..

Осеннее чувство

Вот уж и осень наложила
Свою суровую печать:
Сады и рощи обнажила,
И окна начали вставлять;
Вот слякоть на дворе и грязно,
По камелькам дрова трещат,
А вот и пылью уж алмазной
Сады и улицы блестят.
А что же сердце? Тоже томно
Упало, как осенний лист,
И из своей светлицы скромной
Я слушаю осенний свист!..

4-е ноября 1845

Болезнь

О Боже! я сама не знаю,
Какой болезнью я больна,
То вдруг грущу, то изнываю,
И чем-то тяжким грудь полна.

Не знаю, с сердцем что такое,
Каким предчувствием горит:
Или тоскует за бывшее,
Иль за грядущее болит?

Иль, сердце вешее, ты чуешь,
Что все не так, что быть должно,
Высокой грустию тоскуешь
И дум предчувственных полно?

До грусти ли и дум поэта
Гостям веселым жизни сей?
Скучна им прозорливость эта,
И темен смысл его речей!..

27-е января 1843

Хоть снег валит, летят метели, —
Спокойна я, спокойна я:
Как он — младенец в колыбели,
Не знающий загадок бытия!

О, запирайся, не пускай
Твоей души в заветный рай
Налетов вражеские силы:
От них в нее, как из могилы,
Повеет духа смерти хлад,
И вечный в ней родится глад.

На что, зачем опять призыв
В тот мир, где прежде я жила?
Я от него давно отстала,
И мне он стал какой-то миф.
Прошло, — о прошлом не жалею,
Весны моей был смутен сон,
Надежд земных уж не имею;
Далекий шум житейских волн
Едва ль когда ко мне доходит...
Как быстро все там переходит!..
Блеснул мгновенный метеор
Пред изумленными очами,
И нет его! — Иль на позор
Он выставлен под меткими стрелами?
Порой такая до меня
Доходит весть: — мне тяжело станет,
Душа взволнуется моя...
Но мир теперь меня уж не обманет:
Иди себе своей чредой,
Пускай его ликуют боги;
Мои с ним сведены итоги,
И кончен счет наш долговой!

Жаворонок

Вот взвился он! Вот поет,
Реет в воздухе кругами,
И над зимними снегами
О весне нам знать дает...

Он на праздник обновленья
Первым гостем прилетел;
И в порывах вдохновенья
Первый гимн весне запел.

Он все выше, выше вьется,
Все к надзвездной стороне:
Звонко песнь его несется...
Милый гость! Спустись ко мне!

Знаю, знаю, отчего ты
Дивно, жаворонок, поешь:
Чуждый сей земной работы,
Ты эфир небесный пьешь!..

Заветный дар

Не расставайся же со мною,
Сокровище заветное мое!
Мне хорошо, мне так полно с тобою,
А без тебя что было б бытие?
Вещественность лишь трудовая,
Лишь звуков гул, без слов живых:
Ты на земле мне луч из Рая,
Ты капля горних вод живых!..

Осенние цветы

Без ропота, без слез и без стенанья,
Под осени свинцовой рукой,
Цветы теряют блеск и запах свой;
Они полны живого упованья,
Что с новою опять весной
Вновь жизнью зацветут блестящей:
То как не уповать и нам,
Что той же силою животворящей,
Хоть облетим мы здесь, подобно тем цветам,
Воскреснем, отряхнув прах дольней жизни,
И в новой зацветем отчизне?

27-е августа 1845

В какой-то сумрачной тревоге,
Все в беспокойстве я живу;
Цветов есть много на дороге,
Но я все терние на поле жизни рву.
Итак, не лучше ль помолиться,
Ему все сдать с души своей;
А Он? уж даст душе чем просветлиться,
И, мудрый врач, — прольет на язвы свой елей!..

И вот, опять я раздражилась,
Из сердца сладкий мир исчез!
Зачем же я не помолилась,
Не возвала к Творцу небес?
Он бурю б сердца успокоил
И отвратил бы стрелы зла,
Все струны бы во мне настроил,
И стала б я опять светла!

Голос души

Простор, о дайте же простор
Душе, земным отягощенной,
Чтоб ей свободно кинуть взор
На *все*, что вне и во вселенной!..
Простор для духа на земле,
Что крылья ангелам небесным,
С ним по мирам летим чудесным,
И будто в радужном стекле
Все видим тайными глазами,
И, не гремя уже цепями,
Свободно на земле стоим,
Как бестелесный херувим!..

Но что ж с одеждой делать тленной?
С умом *спр сердца* как унять?
Душе, к земному пригвожденной,
Как вести о себе подать —
Туда, в мир ангелов и Бога?..
Здесь только битвы и тревога,
Здесь помыслов докучных рой...
Где ж к небу верная дорога?
Где *примиренье*? — Боже мой!..

Примирение

Когда душой я погрузилась
В роскошную лазурь небес,
Когда вошла в душистый лес,
И предо мною заструилась
Прозрачность голубых зыбей
И зелень свежая полей,
Мне так легко, привольно стало
В расцветшем мире бытия!
И все от сердца вдруг отпало,
Чем прежде мучилась я:
И этот взгляд столь горделивый,
Что прежде так меня колол,
Потопный, страшный тот глагол,
Которому нетерпеливо
Внимала я... Все как во сне! —
И мирно стало все во мне:
Дыханье Божье прохладило
Меня в священной тишине,
И все опять мне стало мило
И я сказала: «пусть оне
Идут: у них *своя* дорога!
За суетой гоняться мне ль?
Я здесь так ясно вижу Бога
И жизни постигаю цель!..»

Осветление

Страданье духа есть страдание благое;
Когда душа в огне скорбей перегорит,
То верх над ней берет начало световое,
А темный дух далеко отбежит
От пленницы своей, теперь уж просветленной,
И ничего не может он над ней:
И, световым елеем умащенной,
И путь земной ей станет уж светлей!

Дайте простор мне, душа как в темнице!
Скучно и грустно, и мрачно вокруг,
Нет утешенья мне даже в цевнице!
Горе наводит тоскующий звук!..

Но посмотрела на свод я небесной:
Звезды золотые так ярко сияют!
Стало просторней в юдоли мне тесной,
Песни цевницы живее звучат!..

Нет, отступись, пыльный ум!
Ты только жжешь меня и мучишь;
Где ты, там нет уж светлых дум,
Ты только хитрости все учишь;
Сурова, тягостна мне власть твоя:
Ты явишься — и сердце замолкает,
И дух горит, ничто его не охлаждает:
Товарищ твой с тобой — ужасный я!..

Как жизнь мне райски расцветала!
Жила я в чудной стороне:
Надежда радужно играла,
Суля несбыточное мне...
Но никогда не мог он сбыться,
Сей чудный обаянья сон,
Должна же жизнь была раскрыться,
И мир предстать разоблачен...
И он предстал, разоблачился,
Сей призрак лживый и пустой,
И дух мой бедный истомился,
И я не знала, что со мной.
А вы, бродящие, как тени,
Вы, мелочные торгаши,
Погрызши в мраке заблуждений,
У вас просила я души!
В вас нет елика сострадания,
Дыша и завистью, и злом,
Вы носите печать изгнания
На вашем празднике земном!..

Как было б, смертным, нам на свете жить,
Когда б бессмертье нам не обещали?
Тогда зачем боренья и печали,
И безотчетных чувств таинственная нить?
И все, чего так безгранично мы желали?
Вопросов столько: почему?
Догадок множество, развязки — ничему!..

Природа! Чувствую, как ясно
Ты мне о Боге говоришь,
Когда, порой, меня дивишь
Своею роскошью прекрасной!..
В безмолвной тишине твоей
Таинствен смысл твоих речей!..

Мечта

Под пальмою, так мне мечталось,
Была у стен Солимских я;
Над Палестиной загоралась
Тогда вечерняя заря.

Как там дышать мне сладко было, —
В тех ароматах мест святых!
Там душу что-то отманило
От мыслей и сует земных...

Какие звуки набегали
От чьей-то арфы золотой!
Им, чудилось, со стен внимали
Все лики с дивной красотой!..

Но вдруг — шумит!.. Я пробудилась.
Исчез Солим, и звуков нет!
А что ж со мной? я очутилась
Все в том же говоре сует!..

Вой волков, шипенье змей, —
Вот что, в жизненной пустыне,
Слышится душе моей!
Все заветные святыни,
Все давно схоронены,
Все бывшие это сны!
Даже искры не зажжется
Благородных чувств нигде,
Кто найдет теперь их, где?
И слезами обольется
С лирой изгнанный поэт,
Он и петь давно не смеет:
Где сочувствий к песням нет,
Лира скорбно там немеет!..

15 ноября 1846

Вот туча в полдень набежала,
И ветер воет и ревет;
Мне отчего-то грустно стало:
Какие песни он поет?
О чем он спорит с деревьями?
Что высказать он хочет им,
То свистом резким над лесами,
То тенором порой густым?..
Из тона в тон он переходит,
Пред ним все стихло: он гневлив!
И на сердце тоску наводит;
И вот опять его порыв...
Окно так сильно застучало! —
Когда б понять, что хочет он?!
А то мне только грустно стало,
А он заводит новый стон!..

19-е августа

К душе

В область мысли, в область духа
Полети, душа моя!
О земном где нет и слуха,
Где бесплотных лишь семья,
Где так любят, так жалеют,
Где святых стоят полки,
И слезами где не сеют,
Где грызущей нет тоски.
Здесь ты мало находила
Отголоска чувств святых:
Много чувств похоронила,
И твоя угасла сила
Без любви — и у чужих!
Так наслушайся ж в эфире,
Как бесплотные поют:
Там твоей умолкшей лире
Свет и силу отдадут!..

Обитель веры

Вот он — мой край обетованной!
Покоя светит в нем фанал,
И я у цели уж желанной, —
А сколько миновала скал!..

Да, в пристани лишь *веры* можно
От прошлых отдохнуть тревог:
Здесь не коварно, здесь не ложно —
Дает обитель эту Бог!..

Опять солнце

Солнышко опять блеснуло,
Оживилось все вокруг,
В мире радостью пахнуло,
Лишь повеял Божий дух!
От ненастья оживая,
Птички весело поют:
Будто чуют, что из Рая
Горний луч им с неба шлют.

31 августа

Что нужды до чужого дела,
И что вам до души чужой?
Чем радовалась, чем болела?
Все это для меня одной!..

Вас не займет такая повесть,
Толпы не рассмешит она:
Рассказом, как тревожа совесть,
Меня лишала часто сна!..

В огромном мире что ж заметно?
Беды и счастье скользят:
Мир думы не поймет заветной, —
Его так горд и хладен взгляд...

Тем лучше, пусть никто не знает,
Перестрадаешь что душой:
Но есть Один — Он сосчитает
Все вздохи странницы земной!..

Пока есть свет, пока есть свет,
Твори как можно все благое,
Быть может, спросят там ответ
За Бытие твое земное.
Не беспрестанно ль все творил

Учитель на земле небесный?
И нам, в залог любви своей чудесной,
Не *Он* ли заповедь святую подарил,
Чтоб мимо страждущих никто не проходил
С спокойствием холодно-равнодушным,
В мирскую суету спеша;
Чтоб не считали голос их докучным,
И чтобы помнила душа,
Что Сам Господь дарит незримо
Нам счастье, как Он трудится *еще днем*;
А мы идем, слепые, мимо,
И хоть бы в омут, — все идем!..

Когда гляжу на твердь небесную,
В душе так мирно и светло,
Я забываю землю тесную,
Людей и страсти, грусть и зло!..
Лети ж, душа, в пределы вечные
И принеси из тех миров
Дар неба — слезы мне сердечные
И дар молитвы и любовь;
Чтобы гневливый он и пламенный, —
Мой я земной — был просветлен,
И сей питомец воли каменной
Любви елеем умягчен!..

В своей загадочной судьбе
Таинственной кажусь сама себе:
И сколько вдруг явлений разных
Таятся, вижу я, во мне:
То ряд картин разнообразных,
Но недоконченных вполне...
Себя я вдруг возненавижу,
Худое все в себе я до пылинки вижу,
И вдруг я возгоржусь опять,
И думаю: во мне лишь все прекрасно,
Других начну ценить и укорять,
На все глядеть и криво, и пристрастно.
Мне мнится, два бойца во мне живут,
Со мной и меж собой они непримиримы,
И тот, и тот войну ведут,
И тот, и тот неутомимы;

Во мне подымут страшный бой
И редко мне дают покой:
Затих один, другой терзает,
Уныньем душу обдает:
Один — от неба отвлекает,
Другой — на небо все зовет!..

Нет, не отдам за ткани дорогие,
За ваш блистающий чертог
Мои минуты золотые,
Мой сладкий отдых от тревог.
Кому-то все тогда с души сдается,
И радостно, завидя тихий свет,
Она светлеет и несется,
И как легок ее полет!..

Душа

В душе кипят рои желаний,
И все различных меж собой!..
Она — то жаждет бурь, страданий,
То вдруг завиден ей покой;
За безграничные пределы
Так и летела бы она...
Но сдержит вдруг полет несмелый,
Тоской предчувствия полна...
В ней так таинственности много!
Чего-то ищет, жаждет, ждет...
Ужель, ненасытимой, Бога
Ей одного недостает?..

О, дорогой купила я ценою
Спокойствие души моей:
Он был со мной, своей рабою,
Средь пасмурных и ясных дней!..
Я много плакала, я часто унывала;
Но все Он был защитник мой:
Вот отчего я устояла
За этой крепкою стеной!..

Мы все язычниками стали,
У всякого божок есть свой,
И оттого-то мы увяли,
С поникшей ходим головой:
Отцов мы веру позабыли
И все, что свято было им,
Тоской наносною изныли
Под платьем и с умом чужим.

14 октября

Как небо убралось звездами!
То все миры горят над нами
Своим негаснущим огнем:
Но каждая звезда, блистая,
Своей подруге не мешая,
Течет начертанным путем!

Нет, нет, мне это не несчастье,
Что вы так гоните меня,
Не взять вам у меня то счастье,
Которым наслаждаюсь я:
Оно молитва — созерцанья;
Подчас на лире я бренчу,
И, в мир стремясь упованья,
К вам не хочу, вас не хочу!..

Отчего?

Зачем? — дознаться я желала,
Все грустны, все унылы мы,
Все так волнуются умы?..
От одного: греха в нас жало,
И он-то, грех, тоскует в нас
И заглушает Божий глас!..

От своих, от присных я страдала,
Вонзалось прямо в душу жало,
И упал мой слабый дух;
Порой, встревоженная птица,
Забыв гнездо, летает вкруг:
Так было и со мной! И грустная цевница
Моя без голоса была!..
Без чувств живых, без дара слова,
Я ощупью, в туманах грусти шла,
Как путник по зиме суровой,
Когда слепит его метели мгла!..

На шум людской, на их волненье,
Люблю я издали глядеть,
Пусть нравится им их круженье
И позолоченная сеть,
Что так манит их, ослепляя.
Пускай! А я уж отжилая;
Утех их с ними не делю
И только издали глядеть на них люблю.
30 июня 1846

У нас Он отнял наше лето
За наши мысли и дела:
Мы все — фальшивая монета,
И ложный быт наш полон зла.
Души молитвой мы не греем,
Не просим благодати мы,
Одним тщеславием тучнеем,
И наши гордые умы
Все угадали, все узнали,
Не в Бога верим, а в *прогресс*;
Что нам до Бога, до небес!
От века только б не отстали!
Бутырки
3 июля 1846

Жизнь прямая, жизнь святая —
Быть подале от людей,
Все молитвой освежая
Степь унылой жизни сей;

Жить — и детски предаваться
Воле мудрой Одного,
И с надеждой дожидаться
Повеления Его!..

3 июля 1841

Что мне за дело до людей,
До встречи их со мной мгновенной!
Не стану я от них умней:
Не успокоят дух смущенной,
За все мне отвечать самой:
Они судьбы мне не устроят,
Ни тайн небесных не откроют,
С своей бессмыслицей земной!

Как невесту одевайте
Мысль, — вам Бог послал ее:
Словом красным убирайте:
Света в ней зерно!
Велика есть тайна эта!
Люди тайны не поймут:
Но в ней жизнь, душа поэта
И его высокий труд!..

8 сентября 1846

Что со мною повстречалось?
Голова моя больна;
Что ж такое с нею случилось?
Мыслей нет, пуста она!
И душа затосковалась,
Труд привычный — на разлад,
Отчего так затерялась?
Отчего все невпопад? —
У людей я побывала, —
Тяжко стало мне от них,
И у них я потеряла
Светлость дум и чувств благих!

Поэт, поэт! в душе твоей
Или печально, иль игриво:
Богат ты в бедности своей,
В богатстве же тебе тоскливо:
Отдельное ты существо;
Тебе отраднее страданья,
Чем этот хлад существованья,
Где чувствуешь во всем беззвучие одно!

Не пускайте, не пускайте
Нынче никого ко мне:
Отдохнуть не помешайте!
Нужно быть мне в тишине:
Так навеяло отвсюду
Чувств каких-то тяжких груди;
Как их снять с груди моей?
У поэта прозорлива
Так душа — способность в ней
И страдать, и быть счастливой
За людей и от людей!..

14 декабря 1846

Непрестанно все молиться
Нам велел Господь,
Чтобы немощная плоть,
Как стеною, оградиться
Здесь могла мольбой с крестом
От того, кто ходит львом!..

Есть время унынья, есть время тревоги,
Есть время покоя, есть время утех!
Какие ж этого выйдут итоги
И кто поручится в делах за успех?

Ищу я Господа, ищу,
Чего ж искать еще другого?
Я лучшего не приищу:
В нем *путь и жизнь, и истины живой Слово!*
31 дек<абр> 1846

Если в сердце разольется
Огонь поэзии святой,
Знай: то свыше нам дается;
Вслушайся, поэт, и пой!

То глаголы неземные,
То не лепет праздных слов:
Звуки с мыслью то живые,
Это дар нам из даров.

Пусть не слушают поэта,
Пусть осетила их мгла;
Но поэтом песнь пропета, —
Все с души его сдала!

29 янв<ар> 1847

Одне, одне минуты те блаженные,
Когда, Господь, я стану пред Тобой,
Тогда грехом все чувства засоренные
И от грехов меня палящий зной,
И все во мне придет в успокоение,
Источник слез пробьется из очей;
Я чувствую, что близко исцеление,
Что сжалился Ты над рабой Твоей!

2-е февр<ар> 1847

Где нет молитвы теплой силы,
Где нет поэзии, любви,
Там веет холодом могилы,
Там счастья нет, там люди отцвели.

27-е февр<ар> 1847

Давно прошло и отболело,
Что прежде мучило меня:
До внешнего что мне за дело,
До торжествующих всех я!..
Они кипят, они несутся,
А я иду, и ощупью иду:
Быть может, и они споткнутся,
И я, быть может, не дойду!..

Да, да, одной молитвой и смиреньем
Мы блага все найдем:
Исчезнет мир с его киченьем,
С его тлетворным злом.
Искать Христа — стезя прямая,
Молитва — лестница к Нему:
И мы, молясь, терпя, страдая,
Преодолеем ада тьму!..
19 апреля 1847

Прошла пора несбыточных желаний
И полусумрачных мечтаний,
Давно, давно пора прошла;
Все унеслося легким паром;
Им много жертв я принесла:
То вдруг они, горя пожаром,
Болезненно мне грудь сожгли,
Или как лютые змеи
Мне сердце мучили тоскою.
Жила я в мире сиротою...
Но пожалел Он обо мне
И в этой мрачной стороне
Мне стало весело, привольно,
Я не мечтаю, но молюсь;
Подчас и уязвят хоть больно,
Но я к нему — и исцелюсь.

Какое пышное убранство
Всему Бог дал,
И безграничное пространство
Как Он убрал...
Окружены мы чудесами,
Не видя их,
Но мы все тешимся грехами
В цепях златых.
На место хвал, благословенья
Творцу миров, —
Мы, гости одного мгновенья,
Среди Его даров,
Умеем быть все недовольны,
Остря умом,
И, к благам пристрастившись дольным,
Забуть о Нем!

Мая 12. 1843

О, если бы не слезы, что порою
Душе отраду подают,
Что б было с жизнью земною,
И где б найти себе приют?
Нет взгляда, не услышишь звука,
Чтобы с кем сердце отвести:
Везде условная наука,
Везде условные пути!

Нет, не может истощиться
Божья благодать:
Вечно будет ток сей литься,
Вечно будет утешать,
Как дар неба, дар заветный,
Как из Рая луч приветный
Для земного бытия!
Эта Божия струя,
Где коснется — станет ясно,
И в душе нет мглы ненастной:

Крылья, свет даются ей —
И летит уж по лазури,
Позабыв земные бури,
Между звуков и лучей!

Как дым, как сон, они ушли,
Утехи все твоей земли,
И что ж от них тебе осталось,
Когда душа не наслаждалась?..
Один увянувший букет
И недосказанный обет...
Все, все как призрак промелькало...
И ты, вздохнув наедине,
Расскажешь, как о легком сне:
Прошло — и будто не бывало!..

24 февраля 1845

Опять, опять так сердце заболело,
Заньло так в груди моей,
И вот теперь, с душою онемелой,
Я рвусь уйти от вас скорей;
Причуды ваши, роскошь, злато,
Столбы игрушек напоказ,
Все так для сердца не богато,
А только лишь пестро для глаз!
Твердит мне что-то: «Это ль надо?
И может ли здесь быть отрада,
Без слез, молитвы и любви
И в этом холоде земли?!»

Моя звезда

О, светлая звезда Востока!
Хоть ты от глаз моих далека,
Но светишь все по временам
Ты для души моей унылой,
И тайною своею силой
Мне льешь целения бальзам.
Ты мне твердишь: «Не здесь, а там,
То, что ты ищешь здесь напрасно,
И здешнее там будет ясно;

Ты духом все стремишься ко мне
Из стороны своей туманной...
Лишь верь — и свет, тобой желанной,
Зайдет в незаходимом дне!..»

Марта 11-е. 1846

Сухость

Изнемогла я духом, телом,
Не весело, не скучно мне:
В бесчувствии я онемелом
И не в воде, и не в огне.
Все равнодушие такое,
Крещусь лишь только, не молюсь,
Хоть мне безвкусно все земное,
Но духом к небу не стремлюсь.

<?> *Ноября 1846*

С людьми охота быть пропала:
То когти выпустят, то жало,
И так ужалят, так кольнут,
Иль сердце грустию зальют,
Что убежишь от них подале.
Нельзя ж все с ними воевать:
И лучше быть у них в опале,
Чем жизнь меж ними отравлять.

Я на пирах бывала у вельмож,
И вокруг меня кипели волны мира:
Я видела, я слышала — и что ж?
Осталась печальна я и сира!

Бывала я в беседах остряков:
Там речи их сверкали как кинжалы,
Я видела надменность их умов,
А все они мне показались малы!

Случалось мне сидеть у знатных дам,
Между цветов поблекших в их гостиных:
Там гул один, значенья нет словам,
И много птиц простых в хвостах павлиньих.

Когда ж я в храм входила Твой святой
И с скорбною душой Тебе молилась:
Вдруг исчезал весь хлам сует пустой, —
Входя в Твой мир, со всеми я мирилась!

Вчера

Есть слово страшное — *вчера*;
Оно, сдается нам, пропало,
Коль в лоно вечности упало!
Но, может быть, придет пора,
Оно, ужасное, предстанет
Со всем, что было в то *вчера*,
И яркою картиной станет
В том новом мире бытия.
Хранитель на *него* укажет
И нам с слезою грусти скажет:
Зачем не слушали меня?

Душа тоскует от того,
Что пищи нет ей здесь небесной:
Она лишь тратит бытие
И, помня все свой край чудесной,
Свой благородный с неба род,
Она тоскует, быв рабою,
Что суета ей не дает,
Ни вверх лететь, ни здесь покою!

Я воспитана несчастьем
И под бурею страстей,
Не балована участьем,
Ни любовью людей:
Оттого ко мне, порою,
Налетает и тоска,
Упаду тогда душою
И от Бога далека!..

Как ни исчерпай мир глубоко,
В нем ничего. — Не может он
Весны твоей исполнить сон,
Обманет только он жестоко:

Бродить в нем будешь пришлецом,
Без цели все искать чего-то
С исчахлым телом и умом
И с вечной в мелочах заботой!..

17-е февраля 1847

День всякой есть для нас торжественный,
Затем, что к Богу ближе мы,
И капитал мы невещественный
Должны собирать в свои сумы.
Не ум, не золото, не знания
(Для неба это только тлен,
Души проказа, духа плен)
И не тщеславия деяния
Нас чистых к Богу приведут!..
Нет, на земле покорный труд
И то смиренное сознание,
Что мы исполнены грехов!..
Тогда подаст нам врачевание
Прощающая все *любовь!*..

29 апреля 1847

Когда б могла я погрузиться
В Твой сладкий мир, в Твою любовь,
Тогда б могла я укрепиться
И от страстей, и от грехов!..

Тогда б я боле не грустила,
Жила б, как ангелы в раю:
И все любила б и любила,
Как любят там, в Твоем краю!..

13 мая 1847

Один дух Божий нас светлит!
Напрасно думаешь, что можно
Найти у сильных крепкий щит
Иль мудрость у людей!! Все ложно:
Одни вам спину повернут,

Другие в омут заведут.
На первых плохи упования,
Вторых послушаешь — беда!
Но, в Боге все вместив желанья,
Останешься с умом и без стыда!..

Неизменный

Кому, когда и где Он изменял,
Творец, и общий наш Спаситель,
И наших недугов целитель,
И истины единый идеал!
Ужели Он теперь нас не услышит,
Ужели Он не тот же Бог,
Не той ли благостью Он дышит,
Не также ль нас хранит среди тревог?!..

Куда же мне деться, куда мне укрыться
От стольких волнений, от стольких тревог? —
Молиться, молиться, молиться!
И верить: — устроит все Бог!..

Давно уж все мне изменило;
Но не изменишь Ты, Отец!
Со мною страшно что-то было:
Всему я видела конец —
И юности моей беспечной,
Волшебным призракам и снам,
Когда я, с теплотой сердечной,
Так верила еще словам,
Когда любви и дружбы ожидала,
Мечтала их найти легко;
Но все от сердца отпадало
И становилось далеко!..

Уже суды твои готовы!
Они идут, они пришли
И потрясают гор основы,
И ось колеблется земли:
Цари, и царства, и народы,

В века вместившиеся годы,
Полны предчувствий и тревог!...
Не знают как, за власть иль за подданство
Стоять — и каждый потерял
Свою и меру, и пространство
Между взволнованных начал!..

Он и теперь целит,
Все Тот же Он и неизменной,
Отец благой и Царь вселенной,
И от врагов надежный щит!..
К Нему идут без опасенья;
Он не отвергнет никого:
В нем жизнь, блаженство и спасенье;
А больше нам желать чего?

Измена, скорби и боренья!..
Вот жизни этой все цветы!
И редко канет капля утешенья;
Все грусть несбывшейся мечты:
Дано прозреть, и то мгновенно,
Что счастье есть — и может быть.
Но где ж оно? В пустыне ль утаенной,
Иль там, где вечно будем жить? —

Божий гнев

Гнев Божий видим мы во всем:
Красноречив живой тот гром!
Ужели даром он несется?..
От всех краев, по всем краям земли.
Народ, как ураган, мятется:
Ему как будто поднесли
Питье с губительной отравой:
Бушует, не зная сам,
Земле ль войну, иль небесам
Он поднял с жаждою кровавой
На все дела, на весь свой быт.
Его рассудок омрачился;
Он на своих, как зверь, бежит,
На все прекрасное озлился
С желанием на горах тел

Остаться одному! — Ужели
Не Божий гнев в нем загремел,
Когда, для гибельной лишь цели,
Глас совести и Бога позабыл? —
И вот война, кровавою чертою,
Подняв знамена грозных сил,
Уж косит страшною косою
Надежд прекрасные цветы!..
А там и власть, и связи, и поверья
Разорвались — и светлые мечты,
Все в массу собралось безверья!
Уж сердце и душа обобраны,
И все прошло, как детства сны!
Ужели то, не *гнев* к нам Бога?!
Он руку снял Свою с людей, —
И в них кипит одна тревога
И буйство дикое зверей!..

Великопостный звон

Как мил мне этот звон протяжной!
Как он приятен для меня:
О чем-то говорит он важно
В водовороте бытия;
Он призывает к покаянью,
Веленье Бога слышно в нем!..
Последуем Его призванью
И, прокаженные грехом,
Пойдем во храм, чтоб просветлиться
И ношу снять с себя грехов,
Чтоб со Христом соединиться
Через Его Святую кровь!..

Как пред Тобой, о Боже, значат мало
Величия земные все:
Единый миг — и не бывало!!
Все стерлися под общим колесом;
Тот нынче едет в колеснице,
Увенчано его чело,
И власть, и мощь в его деснице;
Взглянуть не хочет он светло;
В свою гордыню погруженный,
Не хочет и заметить он,
Как кто отдаст ему поклон,

И мнит, что правит уж вселенной
И царствами уж завладел.
Еще не сделал славных дел,
Мечтаешь править ты судьбами;
Но что же ты, скажи пред Тем,
Кто, восседая над звездами,
Так зорко всякого следит
И наблюдает над сердцами,
Кто вмиг все славы раздробить,
Даст жизнь, иль страшную могилу?!..
Признай же ты хоть эту силу,
Гордец, минутный временщик!..
Ты слышишь ли народов крик?
Они идут и с диким ревом
Гордыни в прах стирают все:
Они и ты — под Божьим гневом
Сотреться в общем колесе!..

Я не поэт

Я не поэт: между людей,
В беседе их так шумно говорливой,
Под говором их суетных речей
Я остаюсь их гостьей молчаливой!..

Я не поэт, где на показ
Собираются на праздные гулянья,
Где душно, где пестро для глаз,
Где выставка тщеславья в одеяньи!..

Я не поэт на балах: — там,
Где люди шумно веселятся,
Я не могу их божествам
Безумно льстить и поклоняться!..

Я не поэт, где говорят
О суете, в вздорах моды важно,
Где только то одно ценят,
Что дорого и что продажно...

Я не поэт, где остроты
Так метко сыплются как стрелы,
Где нет душевной простоты,
Где ум бושует опьянелый!..

Я поэт

Я там поэт, где люди дышат
И благородным, и святым,
Где говорят они и пишут,
Как Бог велит, неподкупным!..

Я там поэт, где мне сияет
На небе пышная луна:
Она душе моей вещает,
Что есть чудесная страна, —

Страна, где чувства — не расчеты;
Где полный истины есть свет;
Где нет греха, где нет заботы,
И где есть Ангелов привет!..

Тогда поэт, когда с природой
Дадут мне отдохнуть в тиши,
Где ни приличием, ни модой
Не стиснуть пыль моей души!..

Когда ж придется в храме помолиться,
То там уже я боле, чем поэт:
Там дух развязанных светлится,
О суете помину нет!..

Блаженство, жизнь — и жизнь прямая —
Поэтом быть!..
В тот миг, как благодать святая
Сойдет светить!
Вот от нее и убежали,
Как мрак ночной,
Тоска, заботы и печали:
Стал свет дневной!..
Тогда и сам поэт едва ли
Уж стал земной!..

Мне тяжело подчас бывает,
Когда забота налетает
С потребою о нуждах дня!
Толкую важно об обеде,
И в той вещественной беседе
Заносит так душа моя!..
Но что же делать? надо, надо
Иметь земной ночлег и дом,
Зато уж после — рада, рада
Услышать вести о святом!..

Высший дар

Всех выше благ во всей вселенной
Ценю я дар твой драгоценный,
Что Ты вложил в меня, мой Бог!
Средь испытанья и тревог
Он был мне пристанью спасенья,
Среди безжизненных бесед;
Когда бросал мне взор презренья
Богач — то в сердце был ему ответ:
Нет! на твое не купишь злато
С небес сокровище мое:
Забудется твой мир богатый
И все тщеславие твое;
Но песнь молитвы и страданья
Далеко может прозвучать
И долго слезы иль мечтанья
В душах все будет возбуждать.
Поэта мысль — живое слово —
И сквозь темницу пролетит:
Оно утешит иль сурово
Печатью правды заклеит!..

Люблю глядеть на звезды ясные:
Какой в них кроткий свет горит!
Как часто мысли несогласные
Он успокоит, усмирит!
Тогда молитва благодатная
Елей свой на душу прольет,
И тут же сила непонятная
Всю грусть от сердца отведет!..

Или мы не примечаем,
Или знать мы не хотим,
Отчего мы все страдаем,
Косо как-то все глядим?..
Зависть, зависть — наша рана, —
В наших рдеется сердцах:
Ею мы лишились сана,
Что в эдемских дан садах!..

Вопросы

Кто распростер нам небо голубое?
Кто дал нам солнце золотое?
Кто звездами осыпал небосклон?
Для отдыха кто дал спокойный сон?
Кто дал ключи воды нам чистой?
Кто дал, в лесах, хор птичек голосистой
И на полях цветы и дивный аромат,
И сень дерев, — цветущий вертоград? —
И кто ж послал еще нам в утешенье
Хоть несколько здесь добрых душ для нас?
И кто за скорбь нам обещал спасенье,
И в сердце чей зовущий слышен глас?!

Младые души затворились
Поэзии, молитве и любви,
И живоносные ручьи, —
Чем раны прежние целились,
Чем заменилися у них? Умом!..
Но эта пагубная сила,
Как темная для нас могила,
Сковала все мертвящим льдом!..

Когда болезнь моя начнется,
То я грустить сперва начну;
Когда ж целение польется,
То к сладкому склоняюсь сну.

Но то не сон, а лучше *что-то*:
Меня *отделит* от людей:
Хоть все я под земной работой,
Но легче от ее цепей!..

Все благодатью осветлится,
Из сердца звуки побегут,
И долго, долго сладость длится,
С людьми ж опять болезнь и труд!..

Я ничего! — Я глыба земляная,
Жива — движеньем лишь страстей,
И в них, томяся и сгорая,
Я верная добыча для червей...
И каждый миг волнуема как море,
Остановить я не могу ума,
И из всего лишь добываю горе, —
К небесному глуха я и нема!..

Одна нам здесь необходима
Для жизни благодать:
Все можно приобрести, достать;
Но без нее душа томима;
Нигде, ни с кем отрады не найдет,
Хотя весь мир приобретет!

Когда бы вера в нас была,
И жизнь светлее бы текла:
Терпенья более б имели
И все б сносить тогда умели!
Но мы идем наперекор,
И жадный наш к утехам взор,
Везде, во все так и вонзится,
Все наше существо зажжет:
Тогда наш Ангел удалится
И мы вкушаем горький плод!..

Не утечи, не забавы
Нам Христос здесь завещал:
Он, напротив, отвергал
Мира почести и славы;
Говорил открыто нам:
На потребу есть едино:
Чтоб взвивался к небесам,
Духу дан полет орлиной,
Должно бегать от грехов,
Не желать мирския славы,
Обновлять в себе дух правый
И в душе носить любовь!..

И спокойно, и смиренно
Будем жизнь мы проводить,
Чтобы гостье нам мгновенной
Здесь ничем не повредить,
Чтоб туда она предстала
И, не в пятнах и грехах,
Бриллиантом бы сияла
В чистых гранях и лучах!..

Как много благ Господь дарует нам:
Поэзия, молитва, звуки, слезы,
Они-то — жизни нашей розы:
Мы с ними ближе к небесам!..

Когда прошел путь жизни вполнину,
И редко где цветущую долину
Встречали мы на долгом сем пути —
А надобно ж идти — и все идти...
То как же нам тогда не обратиться
К источнику, что бьет живым ключом,
Как не желать в него душою погрузиться,
Сгорающим и скорбью, и грехом?!..

После молитвы, покаянья
Люблю я более людей,
А после шумного собрания
Я все на них бываю злей!..

В час страдания, в час волнения
Все бегите вы к Нему
И просите исцеления
Духу, сердцу и уму:
Он дохнет — и сердца бури
Все рассеются как прах:
Так из тучи свет лазури
Вновь заблещет в небесах...
Он все тот же — дивный, сильный!
Тот же все могущий глас,
Тот, любовь обильный,
Что спасти желает нас!..

Кто же может устоять,
Когда огненной стрелой
Он пронзит, — и благодать,
Быстро хлынувши рекою,
Душу, сердце обольет,
До мозгов костей достанет?
Как же силен, дивен Тот,
Кто тут милует, — там грянет!..

Земному жильцу

На все гляди с благоговеньем,
С небес что ни пошлет Отец:
В незыблемом Его творенье
Премудро все!.. Так верь, земли жилец!..
Тебе ль понять законы Бога,
Твой век тебе на краткий срок;
Тебе ль, когда в тебе все так убого,
Возможно дать Тому урок,

Чье все — и ты Его создание?
Не лучше ль, с детским страхом и в слезах,
Просить, чтоб Он, ведя чрез испытанья,
Ввел наконец тебя в отчизну — в небесах!..

Куда от стрел летящих,
От этих уст злоговорящих,
Куда?! Защиты где искать?
Земли владыки нас не слышат;
Кладут на истину печать
Враги, что адской злобой дышат;
Везде встречаем их силки...
О, как не чувствовать тоски!..
«Помилуй, Господи, помилуй!» —
В слезах лишь можешь говорить!
Коль Сам ту попускаешь силу,
То можешь Сам и защитить!..

Приютися у Христа,
У него спасенье верно;
Остальное все мечта,
Грубо все иль лицемерно:
Где ж укрыться, где защита?
Где сердце согласен бой?
Жизнь корыстию убита:
Даром Он Один дает
И своих не выдает!..

Любовь, молитва, жалость, слезы —
Всегда несутся к небесам;
А злоба, ненависть, угрозы
На долю достаются нам!
Из первых в небе нам венцы плетутся
Из камней дорогих;
Другие ж в сердце так вопьются,
Что прямо в полчище идем духов мы злых!..

Ты, лира золотая, мне в жизни унылой —
Отрада, товарищ, заветный мой друг;
Когда изнеможен стесненный мой дух,
Я вдруг оживляюсь таинственной силой,
И звуки, и слезы потоком бегут!..
Все грустное с сердца ты, лира, омыла,
И, снится мне, Ангелы в небо зовут!..

Лето

Смотрю кругом, и все прекрасно:
Трава, как чистый изумруд,
В реке, как в зеркале, все ясно,
И птички весело поют:
Убор природы летом пышен,
В лесах нерукотворный сад,
Уж говор суеты не слышен,
И льется щедро аромат...

Долго, долго я бродила
С думой грустной меж людей;
Ничего не находила,
Чем бы жить душе моей:
Все изменчиво-надменно,
Все туман или обман;
Где ж душе, где утомленной
Отыскать целенье ран?
Этих ран и не покажешь,
В тайне слезы лишь прольешь,
С теплой верой только скажешь:
«Царь небесный! Ты поймешь!»

Вот что земная суета:
В ней то противно, то ничтожно,
В ней и без цели так тревожно,
Что станет голова пуста,
А сердце? сердце каменеет!..
Зачем же в омут тот идут,
Где без плода тяжелый труд
И где никто друга друга не жалеет?!..

Как я люблю уединенье!
Я с ним так счастлива порой;
Скорее справлюсь я с тоской:
Придет с молитвой умиление,
И горькое забуду я!..
Когда ж толпа вокруг меня,
Мне тяжело, мне душно, мне ужасно:
Затмится все в душе, что ясно,
И мне захочется других язвить!..
Вот что толпа мне навевает!..
Так лучше избегать подобных встреч:
Душа там много растеряет
Средь этих без сраженья сечь!..

Любезность светская — обман живой:
Душа устам всегда противоречит;
Хоть вас порой словами кто заметит,
Но этих слов значенье — звон пустой!..

От угнетений, от потерь
В душе звучит уже другое:
«Довольно мучилась, не верь!»
Вот заменило что в ней прежнее, святое!

Хотите ль ехать в маскарад?
Нет, право, нет на то желанья:
Там только духота и смрад,
Без мысли и без слов — шатанья!..

Не всякому понятно будет,
Что в сердце женщины таится глубоко:
Кто по наружности о ней лишь судит,
От истины тот будет далеко!..
Да, в сердце женщины любви так много,
Что лишь из-за нее она на все глядит;
Так не судите ж вы о ней так строго:
О том, что в ней, она немногим говорит!..

Иссушили слезы,
Истомили грозы,
Надорвали грудь...
Вот каков был путь!
Горе утолилось;
Горем просветилась,
И теперь иду, —
Как Господь прикажет,
И *куда* укажет,
С Ним я все найду!..
От людей отстала,
Много отстрадала,
Я узнала их;
Пусть они лукавы,
Подают отравы
В почестях земных;
Всякий с своей долей,
Всякий с своей волей
На свой лад живет;
С ними ж веселиться,
Горем поделиться
На душу нейдет.

Непонятное

Да, странное со мной бывает,
Сама не знаю отчего:
Вдруг что-то налетит и улетает,
Как пар исчезнет все!..
Я расскажу: Я лягу спать спокойно,
Вчерашнее все без тревог прошло;
Встаю — и уж в душе нестройно,
Хоть все по-старому, но мне так тяжело.
Домашние противны приказанья,
Глядеть на книги не могу,
А музыка? — одно страданье!
Пусть арфа простоит в углу...
А люди? — С ними тяжелее!
Что ж хочешь ты? Хочу бежать!
Куда? — Бог весть! Хочу я там гулять,
Где чувствую, что небосклон светлее,
Долины чудные и лес густой,
А неба цвет — прозрачно голубой,

И воздух веет ароматно:
Кажись, без устали хожу по тем местам,
И в сердце станет благодатно!
Мне хорошо бывает там!
Затем, что никого не повстречала
И оттого уж не страдала!
Но все прошло... Опять за труд дневной.
Но как-то легче становится
И я опять могу молиться
И под житейской стать волной!
Вот иногда бывает что со мною!
Но что ж? Отраднo *там* побывать,
Где дышит все нездешнею тоскою,
Где можно многое забыть!..

Обновы

«Как много к празднику приготовлений!
У всех обновы в головах,
И все в ужасных хлопотах,
Чтоб больше только наслаждений
Везде, где можно залучить;
А денег множество на это нужно:
Себя, жену, детей принарядить,
Минуты даже нет досужной,
Едва успеешь закусить!» —
Так рассуждал при мне отец чадолюбивый.
Да, праздник ведь такой большой!..
И, от избытка чувств счастливый,
Он продолжал с сердечной теплотой:
«А на гостином чудные товары:
Все заграничное — береж с воланами какой!
Как не купить его для дочери Варвары,
Жене ж мантилью, чепчик и пальто;
А как же я-то не утешу
Свою затейницу, малютку Стешу?..
Неужто ей остаться без манто
И шляпки с перьями? Ведь девочка милаша;
Так мило говорит: “купи, папаша!”
Ведь поведут ее по Невскому гулять,
Все скажут: “видно, что уж знать:
Все бархат, да атлас”, а мне и любо это!»
Обдумав так, пошел и всем купил:
«Нельзя же нам отстать от света!

Хоть и последний грош спустил,
Но сделал все для праздника как надо,
Семья наряжена — и вот моя награда!»
Так, после этих слов,
Отец семейства в восхищенье,
Что много накопил обнов,
Глядел на всех с сердечным умилением...

Слышу и вижу я головокруженье,
Мыслей расколы, боренье речей:
Знать, человечество в муках рожденья?!
Что же, каких оно даст нам детей?!

Мир глубокий, мир священный!
В лоне Бога только ты:
В нашей воле развращенной,
Избалованной мечты
Не найдешь его святого,
Чтобы свет ни подносил, —
С властью своей суровой
Хоть наружность подбелил!..

Былое

В бесцветном быте сем ужель еще осталось
В возможности найти хотя один цветок?
Нет, сердце, право, отказалось
Все вторить меж людей затверженный урок:
Оно, печальное, давно уже рассталось
С своею прежнею заманчивой мечтой!..
Когда людей еще я мало знала,
Не мудрено, что я тогда мечтала
И верила, что можно жить душой,
Что можно принимать людей в объятия
И все заветное им поверять, и что мы все, рука с рукой,
как братья,
Пойдем Отца небесного искать!..
Но это был порыв воображенья,
Восточных сказок пышный сон!
Я с грустью отдала прошедшему поклон,
И уж не здешнего желаю утешенья!..

Есть тайны страшные для нас:
То тайны смерти и могилы!..
Чей оживит могучий глас?
Пробудные какие силы
Тогда поднимут мертвецов
Из заколоченных гробов?
И встанем мы тогда *другими*,
Хотя с приросшими страстями,
Но уж духами, не людьми,
Не с притязаньями земными;
В одеждах новых мы пойдем
Куда ж? к кому? — и что найдем? —

Теперь сижу у пристани забвенья,
Пройдя земных событий ряд,
И этот вечный маскарад,
Что для иных без пробужденья,
Давно мне горько надоел:
Я думаю: «как им не надоело
Все завлекаться так пустым?
Как человечеству шутить так смело
И заниматься все одним!..»

Искусство только в том,
Чтоб чаще Богу нам молиться,
Гоняться меньше за умом
И менее с людьми возиться!..

Ужель придет тот страшный час,
Когда я, плоти в угожденье,
Не стану слышать сладкий глас
Любви, молитвы, вдохновенья?..

Нет, целый мир блаженств и наслаждений,
Не заменят в душе тот кроткий свет,
Что сходит к ней в миг светлых осенений
И ей дает на небеса полет!..

Разберут там, разберут
Низкий и высокий труд,
И дела все пояснятся,
И загадки разрешатся,
Всех поставят по местам!..
Не богатству, не чинам,
Не тому, кто здесь гордился,
Но тому, кто здесь смирился,
Будет место и почет:
Там другой во всем расчет!

Сперва очистися бесстрашьем
И ничего не требуй от людей,
Там развяжися с самовлашьем
Бушующей мечты твоей:
По очищению — *другое*
Вольется в душу, — ожидай:
Тогда поймешь ты все святое,
Войдешь любви в небесный край!..

Так часто мне и грустно, и тоскливо,
Затем, что я кружуся меж людей:
Бессмысленно у них и суетливо
От дел пустых и их пустых речей:
К прекрасному нет чувства никакого,
И ценят все лишь только, как товар,
И гордо их иль ядовито слово,
А потому, что в них угас душевный жар!!!

Не беспокойтесь, я подале,
Подале сяду я от вас,
Мне незачем быть в вашей зале,
Где сердцу тяжело... и для глаз
Где все блистательно, так модно,
И гордо так, и холодно;
Где для души все так бесплодно
И для ума так не умно!..
На *старых* взглянешь: — так спесивы,

И так презрителен их взгляд!
Не так ли — духи злобы — *Дивы*
На смертных с завистью глядят?..
И отчего же гордость эта?
Иль отнимают что от них?
Не то ль, что дочка их одета
И хуже, и дурней других?!..
А *молодым* — давайте с полькой
Трястись по зале поскорей;
Еще ж что знают?!.. Только, только!
Каких еще искать затей?
Ведь боле ничего не нужно, —
Любовь и чувство, — это бред:
Все в форме было бы наружной,
И что большой прикажет свет...
Так вот, картинкою журнальной,
Пред вами всякая стоит, —
В руках букет, и в сфере бальной
Вам затверженное пищит!..
Так что ж мне с вами?.. Я подале,
Подале буду я от вас:
Мне незачем быть в вашей зале,
Где трудно сердцу и для глаз!..

Звезды ярко разгорелись,
Небо стало как сапфир;
Очи долго загляделись
На прекрасный Божий мир!..

Все торжественно так было
Средь небесных тех огней,
И так много говорило
О Творце душе моей!..

Над грудями истлевших тел
И над обломками и царств, и зданий,
Где дух и ум людей перекипел
В огне торжеств, в огне страданий,
Высокий крест стоял,
И странник, проходя над этим царством тленья,
К кресту с надеждою припал,
Прося меж мертвыми и *жизни*, и спасенья!..

Шар огненный, воспламененный
Спустился за леса,
И на поляне освеженной
Блестит алмазами роса!..
Идет домой лениво стадо
На свой ночлег ночной,
И я гулять бываю рада
Под угасающей зарей!..

И страшно, и буйно так ветер вопит,
Что гнутся деревья и окна трясутся,
Хозяином ходит, кругом все молчит.
Один он и смеет сурово надуться!
Послушай же, ветер ты, буйный, меня:
Лети, у тебя ведь на путь все готово,
Туда, где мой друг, где зазноба моя,
Не пугай, не свищи, приголубь его словом;
Ты скажи, что люблю, что по-прежнему мил,
Чтоб он девицу красную также любил! —
Засвистал, завопил наш рыскун в чистом поле,
Чем сильнее ревет, пуще сердце гнетет:
Аль сжалился, буйный, над девичьей долей,
И взвился, и уж к другу он вести несет!..

«Вот осень и с дождем!»
Так внешность говорит, не рассуждая,
Что именно та милость в нем,
Что почва с семенем сухая
Давно уж ждет его!..
С небес поток сей благотворный
И льется для нея!..
Когда же наш умолкнет лепет вздорный,
В невидимых делах бессмысленный судья,
А в внешности лишь гордый я?
Ужели в суете живя надменной,
Мы можем здраво рассуждать?
Не нам, — а только мудрости смиренной
Дано небесное душою постигать!..

Иди, иди путем страданий,
Толпой не uznанный поэт!
Иди меж терний, испытаний;
Но все смотри, чтоб горний свет
Не угасал в душе смятенной;
Твой дар — он свыше благодать;
Им, чрез страданье просветленный,
Не будешь боле унывать!..

И каждый день молю я Бога:
Услышь, Господь, услышь меня,
Чтоб не опасна мне была дорога,
И чтоб не оступилась я:
Былое, грешное, чтоб я не забывала, —
С ним тяжело так бывало мне,
И сколько слез я проливала
В неугасимом том огне!..

Как часто на душу ложится
Неотразимая тоска,
Я не могу тогда молиться:
Как будто сильная рука
Всю внутренность мою схватила,
И мне ничто уже не мило!..
Напрасно слезы я зову,
За часом час считаю время,
И это тягостное время
Как смутный сон мне наяву!..

Все земные наши блага —
Точно белая бумага:
Издали они блестят
И прельщают глупый взгляд;
Подойдешь — что ж прочитаешь?
Пусто, бело — ничего:
Кто напишет что? не знаешь!
И писать-то было б что!..

Меня безделица смущает
Все от того, что я слаба,
Что я страстей своих раба:
Вот отчего и дух страдает!..

Под шумом ветра я люблю гулять,
Смотреть, как рвет, несет и мечет,
Как встречному он поперечит
И никому не хочет уступать:
Затем, что он посланник смелый,
Что велено, то говорит:
Свое он совершает дело,
Куда велят, туда бежит...

10-е сентяб<ря> 1858

С. Кузнецово

Отчего?

И отчего всегда я не могу хранить
В душе и свет, и жаркую молитву?
И отчего опять вступаю в битву?
И отчего опять я не могу любить?!..

Вот и осени ненастной
Вестник, желтый лист, упал,
Вот и небо уж не ясно,
И цветник уж мой опал!
И мне что-то грустно стало:
Надо чаще в дом входить!..
Лето! ты зачем так мало
Нас приходишь веселить?!..

Никого не люби
И себя не губи,
Ты, родная моя!
А полюбишь — беда,
Будешь ныть завсегда:
Вот и доля твоя!..

Сошлись, наряды осмотрели,
Сказали много слов пустых,
Друг другу горько надоели,
Вот как всегда в гостиных их!..

Что ж привезли вы из гостей домой?..
Одну лишь скуку, утомленье;
Да лишний грех! — Ну, полноте, какой?..
— Насмешку колкую и осуждение!..

Прекрасен Петербург: гранит, дворцы и храмы
И вечно подвижной базар:
В атласах, в бархатах гуляют дамы,
От зрелищ может полный быть угар.
Чего ж еще? — блестит наружно!..
Когда же солнышко захочет проглянуть,
Все лучше, все светлей, и есть на что взглянуть.
Кажись, все есть и ничего не нужно:
Гляди, ешь сладко, пей, пляши, гуляй,
Гони из головы докучность думы,
В душе все чувства заглушай:
Они дают ведь вид угрюмый;
О ближнем никогда не вспоминай.
Смешно! Лишь только б нам миллионы,
А до других нам что? пускай себе живут!
Все счастье нам — то лучшие законы; —
Зачем из жизни делать труд?!..

Живу я просто, как живется,
И не мешая никому;
«Зачем?» — вопрос мне достается. —
«Зачем вы так и почему?»
Им отвечать мне нет охоты,
О том, что чувствую, сказать:
И у меня бывали недочеты,
Зато привыкла я молчать!..

Вот и лето миловалось,
Холодно и желтый лист;
Ветра слыша вой и свист,
Я как будто стосковалась!..
Отчего ж и почему?
Можно в осени ненастной
Жить по сердцу, по уму;
Можно и в стране прекрасной,
И под небом голубым,
Быть к прекрасному слепым,
И в садах, где дышат розы,
Могут часто литься слезы!..

Вот я одна, одна осталась,
И как отраднo стало мне:
Я ними много волновалась,
Как будто бы в тревожном сне:
Я не могла писать, молиться,
А что же хуже для души?
Пора, пора мне отрезвиться,
Пора пожить опять в тиши!..

Розы

И при своих седых уж волосах,
Все розы я люблю, любуюсь ими:
Нет лучше для меня цветов между земными!
— Конечно, в небесах
Другие расцветают розы:
Ведь там небесный сад,
Здесь тернии у них, как и у нас есть слезы,
Но и при терниях остался аромат!..

Нет, не отнять вам у меня
Мой скудный дар и теплое моление:
Они даны мне Богом в утешенье
На путь земного бытия!..

Блестите всем — у вас все чудно:
И празднеств много, и пиров,
Вам не известно слово *трудно*,
Легко порхать вам меж цветов;
Прелестна обстановка эта;
Но мне, поверьте, не нужна,
За то, что жизнь отшельника-поэта
Без ваших благ земных полна!

Все хорошо — весна, зима и лето:
Они закон все исполняют Твой;
Равно быть может и зимой
К Тебе душа любовью согрета;
Равно и в самый летний зной
Она холодною быть может;
А если что ее тревожит,
И летом будет грустно ей
Под солнцем, меж цветов и в неге красных дней!

Дружба есть — оазис, насажденный
Богом нам — в пустыне жизни сей:
Как спешит под тень его и к ней
Странник, скорбью истомленный!
Ждет, с души чтоб сбросить гнет,
Что таил, то радостно сдает:
Ведь у дружбы есть целенье: —
Странника к груди прижать,
И слезами раны обмывать —
Лишь у ней одной и есть уменье.

Давно мне люди изменили,
И видно так и быть должно:
Когда-то ведь меня любили, —
Любить им долго не дано!
И так приятна перемена;
А старое — ведь уж прошло!
Что ж это? скажем ли: измена!
Нет: как пришло, так и ушло!

Возле роз

Здесь тихо так и ароматно,
И розы, и жасмин блестят,
Кругом листы чуть шелестят,
И на душе так благодатно!..
О! если б долее продлить
Минуты тихих наслаждений!
Нельзя! — Опять придется жить
Под шум тяжелых треволнений!..
Как Богу благодарна я
Теперь за передышку эту:
Он дивно подарил меня,
Отрадно дав вздохнуть поэту!..

Я рада видеть вас, прекрасные поля,
Чтоб вы мой взор и душу освежили:
По городам так много пыли, пыли,
Что утомилась душа моя!..
Природа — Божий храм нерукотворный;
Как славен и велик Он в ней!
О, если б выучить людей
Быть, как она, — *Ему похрной!*..

У ручья

И все б я долго так сидела
Здесь, у журчащего ручья,
Гляди, как дивно Божье дело
И как теперь счастлива я,
Что уж простилась с духотою,
Могу не пылью я дышать,
И столько лиц, — их пестротою, —
Глаза не буду утомлять!..
Да, взор мой сладко отдыхает
На яркой зелени полей,
Где каждый лист благоухает
В одежде праздничной своей;
Шум листьев, меж берез, отрадно
Мне что-то мирное сулит:
В природе все и ненаглядно,
И много сердцу говорит!..

Мое перо
Не ремесло,
Но вдохновение благое:
Когда меня смутит земное,
То тотчас за перо возьмусь,
Но только прежде помолюсь!..

Мы как болячки все ходячие,
А на ходулях все умы!
Не холодны мы, не горячие,
А только тепловаты мы!
Не лучше ль был для нас бы холод,
Иль жар, чтоб уж сгорели бы:
Душевный ощутили б голод,
И к Богу б вознесли мольбы!..

Куда?

О Боже мой! куда деваться,
В смешеньи этом языков?
Кого услышать, кем держаться,
Что разобрать меж этих слов,
Бессмысленных иль заученных,
Где мыслей нет и мнений нет,
От этих кукол заверченных?
Откуда же сойдет к ним свет?
Они все горнее попрали,
Закон нашли себе другой,
Заветное все закидали,
В чем голос правды был живой!
Наперекор и горделиво
Летят, как буйные кони,
Иль в тине, шевелясь бурливо,
Кидают грязью в нас — они!

Все здешнее все так непрочно:
Блаженство, знатность, жизнь, — пройти должно,
И все дано нам не бессрочно,
А только лишь в заем дано.

Но Божью милость и с Его дарами,
И с помощью Его мы можем обрести:
Усеяв ближних жизнь цветами,
Легко к Нему дойти!..

Беспокойство души

Когда в душе кипит,
И в глубине ее нестройно,
Тогда природы чудный вид
И неба свод, где все так стройно,
И испещренные поля,
И мудрых разговоры,
И все пленяющие взоры,
И летнее дыхание дня —
Все, все покажется постыло:
Ничто не может утешать,
Доколе вновь, с живою силой,
В душе засветит благодать!..

Зачем?

Зачем манит нас часто даль,
Рисуясь чудной стороною,
И дальних звезд златой хрусталь,
И море с шумною волною?
Зачем летим мы в небеса?
Зачем на темные леса
Глядим, глядим, не наглядимся?
Зачем так жадно мы стремимся
За летом птиц и облаков?
Во всем какой-то *странный* зов:
Туда лететь, чтоб погрузиться
В тот край, неведомый для нас,
Чтоб отдохнуть, чтоб насладиться, —
Туда нас кличет тайный глас!..

В дороге, полночь

Звезда! Как ярко ты горишь,
Как красишь полог наш небесной!
На много ты миров глядишь,
И многое тебе известно,
Чего еще не знаем мы, —

Так наши коротки умы!
Но широко твое гулянье:
Лазурь небес тебе легка!
И ты ж, счастливое созданье,
К подножью Божию близка!..

Прислушалась я к разговору:
В нем ум острее был огня;
Но в содержанье много вздору,
Чему дивилась много я!
Ужели в вечном одуренье
Жить человек здесь осужден?
Всю жизнь свою гасить в круженье
И только слышать вальсов звон? —

Я странница на этом белом свете:
Куда Господь меня пошлет,
К какой велит стремиться мете,
Какую помощь Он дает, —
Все хорошо! — Приму все благодарно,
Лишь только б Он не оставлял меня,
И в этой тьме, и в сфере сей угарной —
Душа к Нему стремилась бы моя!..

Да, слезы, скорби и страданья —
Вот с чем осталась я
От прежнего очарованья,
От прежнего в душе огня!
Прочитанная книга эта,
Меня не может занимать:
Ищу теперь другого света,
Желаю Богу угождать;
Молю, чтоб Он судил меня не строго,
Я без того уже без сил,
Чтоб наказал меня не много,
А много б, много пощадил!..

Кто под уныния страшной силой
Прожил хоть несколько минут,
Тот ознакомился с могилой
И слышал над собою суд,
Неотразимый, неизбежный!..
И он совсем бы изнемог,
Когда б, из пытки безнадежной,
Его, любя, не вырвал Бог!..

21 декабря 1848 г<ода>

Молитвы, молитвы могучая сила
Есть наше спасенье, охранный наш щит,
Когда нас внезапно тоска охватила
И сердце предчувствием страшным горит!..

Да, в жизни мы много играли в игрушки,
Исчерпали все уж забавы до дна:
Играли мы также и в славу, и в пушки,
И чаша с краями теперь уж полна!..

Но встретили что ж мы среди упоений?..
Все ходим да бродим, — везде пустота,
И даже средь этих блестящих явлений
От жажды душевной засохли уста!..

Не лучше ль покинуть чад этих веселий,
И жизни, и света искать на пути:
Глава уж кружится от вредных сих зелий!
Мы сами не знаем, куда нам идти!..

Поищем и същем мы *воду живую*,
Чтоб нас напоила, омыла бы нас;
Оставим скорее дорогу большую
В тот мир коловратный безумных зараз.

Пойдем! а заблудшим давно все готово:
И жизни трапеза, и отческий зов,
Туда приведет нас *обетное Слово*
И снимет с нас тягость нажитых грехов!

Скажите мне, как это странно,
Что часто чувствую в себе:
То голова размыслится пространно,
И, с мыслями в мучительной борьбе,
Не знаю, что и делать мне с собою
И как управиться с грозой?!
Устанут мысли, сердце затоскует:
С какой-то жалобной мольбой
Противно голове толкует...
Чего-то просит, что-то ждет...
Кого ж послушаться?.. И вот
Стараюсь их унять, отняв их силу,
И говорю Ему: «О, Господи! помилуй!»
И все опять во мне на лад пойдет!..

Когда я, скорбная, Спасителю молюсь,
И жаркими лицо горит слезами,
Лежу пред Ним, в раскаяньи, с грехами, —
Он мой Отец, Он видит все! — Я не боюсь!..

Когда ж с людьми — другое выраженье
Стараюсь я придать чертам моим, —
Сквозь слезы засмеюсь: у них уменье —
Кто глубже нож вонзит один перед другим!..

Когда у нас внутри засветит свет,
То из него все выльется прекрасно,
И воскрылится наш полет,
И визнаешь, что не напрасно
Страданий, мук и бед на них напор!..
Итак, не унывать в минуты роковые!
Все к небу обращать должны свой взор,
Все в сердце сохранят *Его слова живые*:
«Дерзайте! у Меня источник сил,
Прискорбны будете, гонимы,
Но той же силой вы хранимы,
С которой мир Я победил!»

Я враг себе и враг другим,
Когда меня Христос не освещает;
С зловредным семенем таким
Душа, конечно, погибает!..

За звездами, за звездами
Бога и Отца — чертог:
Он все видит, Он все с нами...
И среди жизненных тревог
Он любовью отогреет
Жесткость наших душ и хлад,
Райским воздухом отвеет
Он от нас палящий ад!..

И где, и что мы сделаем *без Бога*,
Когда в нас зло как ад кипит,
Когда мы все — лишь вечная тревога,
В которой наш бессмертный дух грустит?!..

Пусть кинет все меня, пускай с презреньем
Мир гордый на меня глядит:
Все буду ждать с благоговеньем,
Что Он меня, Отец мой, защитит
От тяжких духу *столкновений*,
Где без обид уж тяжело,
Где столько умственных затмений,
Что и при свете не светло!..

Едва лишь душу что взволнует —
Печаль ли, зависть, или гнев;
Про ближнего ли потолкует
Язык, от злобы накопив:
В тот день наверное простится
Ты с вдохновеньем — не придет,
Скорей, с слезами, помолися:
Молитва весь нагар сотрет!..

Погрязшие в страстях земли,
Израильтяне не могли
Снести сиянье Моисея,
Когда с Синая он сошел,
Где Бога слушал он глагол, —
Как смертный, пред Творцом робея,
Сошел, лицо свое покрыл,
Беседой Бога просветленный:
И люд, грехами прокаженный,
Его сиянья не сносил!..

Свет, бодрость, и любовь, и жалость,
Светильники должны б быть здесь;
Но злоба, ненависть и спесь
Вселяют в душу хлад и вялость:
То все орудия врага,
Чтоб утомил жильца земного;
Поддайся... и врагу победа не долга, —
И жертва для него готова!

Вы на меня оставьте притязанья:
Что, бедная, могу вам дать?
Я так же, как и вы, *раба изгнанья*,
Прошу, чтоб Божья благодать
Меня с грехами развязала: —
Как тяжело мне здесь от них! —
Прошу, чтоб я туда и шла, и достигала,
Где нет коварства, зла... и злых!..

Зачем?

Когда я Господу молюся,
Когда я плачу о грехах,
Когда я с жизнью борюся,
Тогда на сердце ляжет страх:

Ужели это все пропало
И я могу все потерять?!
Ужель вотще, порой, сияло
Светило жизни — благодать?!

Тогда зачем же испытанья,
Зачем в душе жестокий бой,
Зачем утраты и страданья,
Коль жизни нет для нас *сругой*?!

О, как невыносимо станет,
Когда затмится горный луч,
Он мимолетен так, летуч:
Едва сквозь облако проглянет,
Уж улетел — и где его искать?!..
Опять душа застелется тоскою...
О, как о нем не плакать, не стенать?
Как без него идти стезей земною?..

Божий мир

И с чем же может он сравниться,
Твой, Боже, мир — души покой?
Кому он дан, тот породнится
С небесным в жизни сей земной:
На все глядит он равнодушно,
Пусть все проходит между ссор;
А он, покорный и послушный,
На небо свой вперяет взор!..

«Сегодня миг, а завтра вечность!» —
Так нам сказал один мудрец;
Что ж скажешь ты, земной жилец,
Когда желаний всех конечность
Увидишь ты? — Узнаешь ты,
Чего безумно так желал ты,
Чем безрассудно так играл ты
В крутящем вихре суеты!..

Есть в жизни сладкая приправа,
Но невещественна она;
Не лести светской то оправа,
Не обаятельного сна,
Не чар фантазии летучей

Налет воображенья жгучий; —
Ее приход таинствен, тих;
Но плод ее для жизни вечной!
Кто благодать ее постиг
В блаженный просветленья миг, —
Стяжал тот счастье сердечно,
И сладость, и душевный мир:
Не будет никогда он сир
С подругой этою небесной,
И сбудет многих тот грехов,
Кого чрез путь страданий тесной
Проводит за руку *любовь!*..

Не люди судят нас, не люди:
Другой есть суд — и грозен он,
Он с нами здесь, он в нашей груди;
Неумолим сей *внутренний* закон;
Поставлен в нас Самим он Богом
Для нас сей страшный судия,
И должен нас судить он строго,
И подкупить его нельзя:
В нем нет ни лжи, нет и пристрастья:
Тут ангел близ него стоит,
А он душой не покривит
Для выгод неземного счастья:
Он прямо Богу говорит!..

О, как душой я настрадалась,
И как измучило меня,
И как я много надрывалась,
И горько плакивала я!
Но так как солнца теплотою
Сгоняет с гор весенний лед,
Так благодатною струею
Все смылось и душа поет!..

Себе

Ты испарилась, — на себя пеняй:
Ты суетилась слишком много;
Молитву и себя лишь знай
И чаще призывай в ней Бога:

Тогда воротятся опять
Молитва, благодать и слезы,
И уж не тернии, а розы
Путь жизни станут осыпать.

Как миросерд Он и как благ
Христос! Он грешных нас Спаситель!
С Отцом, в Раю, на небесах,
Его небесная обитель
Не то, что наш земной чертог:
Живет там Сам вселенной Бог!..
Но как доступен, как Он слышит
Страдания тайный лепет, вздох!
Он благостью единой дышит:
Вот тем-то и велик наш Бог!..

Очисти сердце ты свое,
И благодать его согреет,
И зацветет вновь бытие,
И то замолкнет, притупеет,
Что душу мучило твою,
Что жизнь так горестно чернило.
Почувствуешь себя в Раю,
И все с любовью станет мило.

Плавно, мирно прокатися,
Ты по жизненным волнам;
Хоть мечтай — но все молися,
И вполне не верь мечтам!..

Облака слетят — и мрачно
Станет вдруг — беда придет,
Затемнят кристалл прозрачной
Ветер парус разорвет!

Утлый челн твой одинокой,
В этой битве роковой,
Занесен меж волн далеко,
Где ж фанал на путь прямой?

Где ж, куда в волненьи бури
Пристань верную найдешь?
Кто откроет свет лазури,
Где от страха отдохнешь?
Тут-то вспомнишь, что забыла
Ты, в несбыточных мечтах,
Что есть свыше бурей сила
И целитель в небесах!..

О, если б золото и знатность
Нас избавляли от грехов
И дали б нам и вероятность
Идти к Христу в Его любовь!
Будь так; все силы напрягите
И, чтобы выше стать, ползите!
Начните честью торговать,
И все копить, приобретать,
И миллионы накопите:
Употребляйте хитрость, лесть,
И ползайте, чтоб выше сесть;
Ум, душу, сердце продавайте
И не щадите ничего,
Всех на пути своем толкайте,
Чтоб выиграть меж всеми все!
Но *это все*, увы! напрасно:
Грехи за нами лишь пойдут! —
Посмотрим же на дело ясно
И сбросим с плеч напрасный труд!..

О, есть минуты незабвенные,
Которых описать нельзя:
За грань земного бытия
Летишь — и блага ветротленные
Все разметаются как прах:
Зане твой дух уж в небесах! —

Терпеть с любовью и смиряться,
Вот доля наша, — наш завет,
Не унывать, а помогаться,
Чтобы увидеть горний свет:

И этот свет нас, без сомненья,
И озарит, и просветит:
Он нашим ранам даст целенье,
Он нас и с Богом примирит!..

Я куплена — и дорогой ценою,
И от того я не могу пропасть,
Хоть часто отверзает пасть
Дух злобы предо мною!

1858

И как нам не признать Творца
Во всем, что видим и не видим,
Когда живые бьются в нас сердца,
И мы с сознанием любим, ненавидим...
Когда в природе все идет
Прекрасно так и стройно;
Когда мы видим, как спокойно
Несчастный скорбь свою несет!..
Где ж сердцу взять бы упование
И кто б его утешить мог,
Когда б не верил он, что на его страданье
Взирает Бог!

Не всякому, признайтесь, можно,
Что на душе есть, рассказать:
Или участие будет ложно,
Иль с вами станут рассуждать! —
Не лучше ли, в тиши келейной,
Сказать все Богу: — Он поймет
И, с благостью Своей елейной,
Он горькую слезу отрет!..

Нам только нужно замечать
Всегда, что Господу угодно,
И зло, что так природе нашей сродно,
Не будет нас одолевать!

А Он для нас так делал много,
И милует, и все зовет;
Но жмемся мы вдали от Бога
Под своеволья страшный гнет!..

Он все лучше нас устроит,
Только вверьтеса Ему;
Наградит и успокоит;
И не нашему уму
Выбирать пути прямые,
Что от пропасти ведут:
Мы ведь дети, и слепые,
И нас сильно страсти жгут! —

1858

Запрос душе

Зачем, душа, зачем не хочешь
Всегда ты с Богом быть?!
О бренном только ты хлопчешь
И думаешь тем жить;
Другое жизни есть значенье:
Всю душу Господу отдай!..
Вот радости твои, — твое спасенье,
И ты себе откроешь Рай!..

Что от Бога — то прекрасно,
Что от нас — то все опасно:
Как слепые мы бредем,
Вся премудрость только в Нем;
Жизнь прямая — жить с Христом.
Много слов в нас — дела мало,
В языке вертится жало!..
Коль взглядимся мы в себя,
Мил не станет нам наш я!..

Пуская и часто льются слезы,
И часто скорбью дух стеснен,
И часто внутренние грозы,
И часто страшен жизни сон:

Но все, порою, освежает
Молитва теплая в тиши,
И благодать Божия снимает
Всю горечь едкую с души!..

Хрисос страдал, и победил,
И одолел Он смерти жало,
Ужель нам уверенья мало,
Что ниспошлет Он столько сил,
Чтоб не видать нам двери ада.
Лишь только бы Ему служить,
Лишь только б ближнего любить:
Вот это только нам и надо!..

Нам надо Господу молиться,
Не для Него, для нас;
А то легко нам с толку сбиться,
Забывать Его небесный глас,
Когда *Его* благодеяньем
Мы только на земле живем:
К кому ж, с грехами и страданьем,
С сей тяжелой ношею, пойдем?!..

Одной молитвой и слезами
До Бога можем мы дойти:
Он сжалится тогда над нами,
Простит и будет нас вести,
Чтобы мы ближе узнавали
Его премудрость и любовь:
Тогда не страшны ни печали,
Ни нападения врагов!..

Когда уж страсти укрощенны,
То жизнь как тихая струя,
И человек как дух блаженный,
Хоть он среди игл земного бытия!..

Да, сердце надо охранять,
Чтобы оно спокойно было,
Чтобы в него не допускать
Страстей с неистовой их силой!
От их волнений и тревог
Его ужасно растревожат,
И утомят, и уничтожат:
Хранит его Один лишь Бог!..
1858

Он плакал раз, и плакал Он ужасно,
Христов Апостол, Петр Святой,
За то, что изменил, несчастный,
Под наущеньем силы злой!
А часто ль мы, — мы слезы проливаем,
Размыслив о неверии своем?
Ужель Христа еще не знаем,
Что каждый день Его мы предаем?!

И грустно мне, и страшно мне,
Но видно так душе и нужно,
Чтоб не была она досужна
И понимала бы вполне,
Что здесь она в стране изгнанья;
Но много ей за то дано
Святого, светлого на Бога упованья,
Хоть и страдать ей суждено!

Да, в нас огромная есть сила,
Но эта сила от Него;
Когда Его с слезами я молила,
То Он и даровал ее:
И я тогда спокойна стала,
Печали унеслись как дым,
И я вполне тогда узнала,
Что можем все мы — только с Ним!..

Мой силен Бог, меня заступит
От всех земных на свете зол;
Его никто уж не подкупит;
На ангелах Его престол:
Он весь любовь, премудрость, сила,
Все нужды ведаёт детей;
Пред Ним душа уж все открыла,
Он знает все, что было в ней!..

Я счастлива, когда могу молиться
И признавать ничтожность всю мою:
Тогда во мне все отрезвится,
Я весело на все смотрю.
Тебя во всем я понимаю,
И чувствую присутствие Твое;
Как будто жизнь я новую вдыхаю:
Так сердце радостью полно!..

1856

Да, Именем Его нам все возможно
Преодолеть, достичь и получить;
Обетование Его не ложно:
Он не по-нашему умеет нас любить!..
И никогда своих Он не оставит, —
Ему лишь верен будь:
Мир обесчестит — Он прославит;
Он истина, живот и путь!..

1858

Есть сила в нас, но мы не знаем,
Как нам ее употреблять:
Мы только часто унываем,
Тем отгоняя благодать!..

Не людям верь, — а только Богу,
И хорошо тогда пойдет:
Неровную Он выровнит дорогу
И уж *своих* везде сохранно проведет!

Да, люди у меня все отнимали,
А Бог Один давал мне все!
И к счастью у меня осталось одно,
Что я свою тоску, свои печали
Привыкла лишь Ему сдавать:
Ведь Он вполне Один все может дать!
От Бога льется все благое:
Богат Он милостью Своей!
Желала б только я забыть все злое,
 Что я терпела от людей!..

Да, с верой только и надежно
Укрыться под Его покров —
И станет в сердце безмятежно,
Оно услышит отчий зов;
То дар Его!.. и чувство это
От скорби оградит меня;
Тогда, поняв призвание поэта,
Бодрей пойду меж терний бытия!..

Как важно сердце сохранить
И не пускать в него худого!
Тогда оно — сосуд святого —
Без мук небесно станет жить!..

Лишь чадо может услаждаться
В дому Отца — а я раба,
Умею лишь Его бояться,
Затем, что зла я и слаба:
Я угождаю лишь из страха,

А редко из любви к Нему!
И, дочь я суеты и праха,
Все делаю *по-своему!*
За что ж давать мне услаждение,
За что и отдых от трудов?..
Мне надо *вымолить* прощенье
И после заслужить любовь!..

Когда под липою густою
Одна в своем саду сижу,
Не щемит сердце так тоскою...
Я всяким мигом дорожу,
Что благодатию дается,
Чтоб жизнь была для нас милей;
Молитва в сердце вдруг прольется,
И слезы брызнут их очей!..

Он один

Нет, не изменит Он
Среди беды, среди страданья,
Средь моря, средь кипящих волн,
Среди земного истязанья!..
Так чувствует душа моя,
Хотя порой она тревожна:
С одним лишь им верна стезя,
И *Вера* лишь в *Него* не ложна!..

Когда терплю, сижу, молюсь,
Тогда бывает так приятно!
Я ничего уж не боюсь
Под сению святыни ароматной:
Я слышу шум житейских волн
И их кипенье беспрестанно,
И говорю: «Мой утлый челн
Привел Господь уж к пристани желанной!..»

И в лете нет нам теплоты,
Нет Божьего на нас дыханья,
И мы стоим на точке замерзанья
Среди житейской суеты,

Среди утех, среди науки:
Всего у нас так полны руки,
Уж каждый изучен предмет,
А лета нет, — а лета нет!!..

Христос наш вечный победитель,
Как это видно из всего:
Напрасно хищный наш губитель
Везде рассеивает зло
И зло плоды свои гнилые
Приносит людям в дар с собой.
Смотри, как беспокойны злые!
Не спит в сердцах их *червь живой!*..

Он все

Все волею Своей могущей
В единый миг Он сотворит:
Смотрите: ураган ревущий,
И дождь, и мрак, и гром гремит!
Минутное все это дело,
А там и солнце — все прошло!
Куда ж с лазури улетела
Вся эта мгла, как ворона крыло?!
Он повелел, и прояснилась
Лазурь небес, встал солнца свет:
Опять все к жизни пробудилось,
И грозного уж тени нет.

Что за мысли нас смутили?
Что за век такой пришел:
В вере холод и раскол!
Божество мы разделили:
Мы святую благодать
Все умом хотим достать;
Но ведь гордым не дается
Этот дар святой небес,
За металл не продается...
Отыщи ж его, мудрец!

Есть в жизни странные мгновенья,
Где веселиться мне нельзя,
И нет тогда во мне хотенья
И помечтать! — Душа смутна моя:
Все тяжело ей и печально,
Как будто на нее кто камень наложил!
Тут бродишь меж людей опальной,
И будто нет для жизни сил!..

Как в ночь осеннюю темно, темно!
Как в ночь осеннюю и холодно!
Нет ни одной звезды на небосклоне,
И слышится лишь вой да рев зверей:
То в битве здесь, а там будь в обороне,
То яд глотай язвительных речей!..
И как не остывать душе среди хлада,
Как не терять ей силы и полет?..
Так, задушенная тлетворной сферой яда,
Она уж не поет!!..

Смотри, как здешнее все гнило:
Едва блеснет, и уж прошло,
И лоно вечности сокрыло,
И время быстрое крыло
Все беспощадно унесло
Туда, отколе нет возврата!..
Но и за этот быстрый миг
Всему готовится уплата...
Скажи ж, надменный временщик!
Какие ты воспоминанья
Оставил людям по себе?
Ты вслушивался ли в стенанья
Страдальцев в горькой их судьбе? —
Ты помогал ли, пресыщаясь,
И думал ли когда о них,
Иль, только в роскошь погружаясь,
Мечтал все выше стать других?!

Нет, не спасут тебя ни розы,
Ни пышный золотой чертог,
Когда чрез тебя лилися слезы,
Которые сочел Сам Бог!..

Могут ли выразить потоки ощущений,
Что так теснят и пронизают грудь?
В них вопль, болезнь от грустных впечатлений,
И не дают они свободно мне вздохнуть:
Нет часто слез, молитв — одно мученье!
Все сердце стиснуло мое:
Надгробное как будто слышу пенье,
И замирает будто бытие!
Не так ли есть оно? Вы схоронили
Все, что на жизнь прекрасного дано:
Дух *мертвой* буквой обложили,
И от того у вас темно и холодно!..

Все благодатное давно отпето,
Поминок даже нет по нем;
В груди одной забытого поэта
Таится грусть *о счастье* *былом!*

И отчего ж так скоро все забылось?
Где ж чувства, в коих был небесного залог?
Ужель тогда напрасно сердце билось,
Ужель тогда не тот был Бог?!..

Восстало общее смятенье,
Налеты *темных* сил — пожар!!
Неясных мыслей столкновенье,
Всеобщий мировой угар! —
И вдруг, восставшие в гордыне
И на челе народов став,
Толкуют о правах святыни,
Законы Божии поправ,

И, на ходулях, исполины,
Вращая жалы их змеины,
Мечтают дать народам суд,
А сами в гибель их ведут!..

«Я натерпелась голоду!» —
Душа мне говорит.
«Я натерпелась холоду!» —
И сердце то ж твердит.
«А я так зачадилась!» —
Мне шепчет голова. —
«И спуталась, и сбилася,
И уж держусь едва!»
«Ну, чем же успокоимся?» —
Все завопили вдруг.
«Помолимся... помолимся!» —
Мне тихо молвил дух!..

Как много надобно душевной силы,
Чтоб вынести стольких чувств напор,
Когда встречается вдруг призрак милый:
Его красноречив так томный взор;
Не у него ль в устах заветное то слово,
Что нам блаженство подарит,
А сердце полное давно готово
И жизнью трепетной горит:
Так, упоенные мечтою,
Безумно предаемся ей,
Хотя рассудок нам, с холодной головою,
И говорит: «Постой, крепись, не пей
Из этой чаши — в ней отравля!
Расплата будет тяжела»,
И мир, хоть часто и лукавый,
Но говорит: «Смотри, подстерегла
Тебя от зависти подруга,
Уста ее готовы клеветать...
И вот за то, под бременем недуга,
Ты умирай — но ран твоих не открывать!
Танцуй в цветах, в алмазы наряжайся,
Сквозь слез бездушных улыбайся
И принимай нелепых дань похвал:
Так мир тебе холодный приказал!»

Как скоро, скоро пролетели
Весна и лето — грустно мне:
Они так душу сладко грели,
Мелькая, как в прекрасном сне...
Мне помнится — и благодатный
Тот свежий воздух ароматный,
И шелковой цветов ковер,
И тот высокий, чистый бор,
Где веял мне то смоленистый,
То запах ландышей душистый...
И как, их свежестью полна,
Свободно грудь моя дышала!..
О, возвратись скорей весна
И лето!.. С вами б отдыхала
В тени развесистых лесов
От светских я, томительных оков!..

О, сколько тяжкого мне на душу легло!
Не знаю, как и где укрыться:
Везде лукавство, ложь и зло:
Все это даже не таетя...
Как грустно! как устала я!
Так все ничтожно и бесплодно!
Нет никого, кто б руку благородно
Мне протянул; — глядишь — змея!..

Вопрос

Попробуй разгадать загадку мне,
Тогда уж мудреца я дам тебе названье,
Где счастье, скажи, найти вполне?
Где место, где нет слез и вздыханья?
В быту ль простом, в чертогах у царей,
Иль в шалаше, или в тиши келейной,
В науках ли оно, или у дикарей,
Иль в жизни сыщется семейной?..
Я все прошла: все чаще жалобы неслись,
Чем счастья сознанье,
И чаще слышалось: «не удались

Ни цели, ни желанья!»
Так научи ж, мудрец, нам этот клад найти
(Кому ж бы счастья не желалось?),
Кто стережет к нему пути?
И кто он тот, кому оно досталось?!..

К вылетевшей птичке

Он вылетел, взмахнув крылами,
Мой милый пленник!.. Бог с тобой!..
Гляжу — высоко надо мной
Уж он взвился под облаками.
Лети ж, тебе нельзя остаться с нами:
Тебе назначено летать,
А нам идти!.. Но мы идем все криво
И редко прямо можем стать,
А все так пышно, горделиво
И свысока на все глядим,
Хоть очень, очень низко мы стоим!..

Когда к нам солнышко проглянет,
Как станет весело, тепло:
Как будто что-то в душу канет
И станет на душе светло;
Тогда бывшее вспомнится,
Все то, чем жизнь была мила, —
И так легко опять живется,
Когда проходит тучей мгла!..

Нет, сердце никогда солгать не может!
Всегда ума светлей оно:
От скорби только изнеможет,
Но не предаст того, кому уж отдано!..

Жизнь женщины

Лишь сердцу женщины возможно
И так любить, и так страдать,
И в тихой жизни жить тревожно,
И чувства от людей скрывать!..

Ей часто обещают розы,
Но редко видит их она,
А чаще льются только слезы,
И те скрывать она должна!..

Женская доля

Да, много слез на долю нам досталось,
И сколько чувств непонятых
У нас в душе еще осталось!
Кто их поймет? И что кому до них?!
Так наша доля все терпеть в молчанье,
Чтоб чашу полную допить;
Порой, любя свое страданье,
И все любить, и все любить!..

Разноголосые несутся клики, —
На разных языках там речь идет;
Порою слышится: «Смотрите, я великий!»
Все слушают и всяк чего-то ждет!..
Хаос ли то, столпотворенье?
Знать, разучились мы друг друга понимать:
Кипит везде *подспудное волненье*,
Никто и ни о чем не хочет знать!..
Что ж будет? Боже! сжался Ты над нами!
Умы и души просветли!..
Друг другу скоро станем мы врагами;
Тогда что ж будет на земли?

Скажи, далекий друг, порою
Ужель не вспомнишь обо мне?..
А я всегда, везде с тобою
И тем живу, чтоб жить вполне!..

Совсем бы человек пропал,
Заброшен в этой сфере смрадной,
Когда бы луч с небес отрадней
Порой его не освещал.

Он здесь, всегда в борьбе лукавой
С стихиями, с людьми, с собой:
Ему подносят все с отравой,
И скрытый враг грозит стрелой!..

С какой-то ношею тяжелой
Ты ходишь странно меж людей;
Ты ни печальный, ни веселый,
И пустота твоих речей
Ни в чьей душе не отзовется:
Ты холоден, ты скучен, сух,
К прекрасному угас твой дух!
Хоть, может быть, тебе сдается,
Что дипломат ты: — вздор мой друг!..

Мы на больных, на мертвецов глядим,
Как будто бы на представленье:
А нам они — высокое ученье,
Что мы и наше все — есть дым!..

О, как лазурь твоя чиста!
За ней, что выше, все светлее:
Небес полна там красота,
И воздух чище и святее;
С земли хоть вьется горький дым,
Но он не высоко доходит:
А нам оттоль сюда, к земным,
Небесных веянье нисходит!..

Нет, вы не можете понять
Все, что в душе моей таилось:
И сколько я смогла страдать,
И сколько я тогда молилась!

Мне было целый день тревожно,
Я даже знаю отчего:
Заняться не было возможно
И налетало то и то!

Зачем безбожно отнимали,
Что я люблю, чем я живу?
Довольно и без них печали
И снов ужасных наяву?!..

Как скучно мне, куда уйду я
От мелочных дневных забот!
И только все хожу, тоскуя,
Как бы на мне тяжелый гнет!
А все вокруг меня прекрасно,
Цветут поля, душист и лес,
И в реку смотрится так ясно
Прозрачная лазурь небес!..

Здесь отраднo дышишь
В тишине полей
И не столько слышишь
Уж пустых речей:
В поле золотистый
Колос лишь шумит,
А в лесах душистый
Ветром лист дрожит:
Этот шелест милый
Мир душе дает:
Тут не тратишь силы,
Греет тут, не жжет!..

Как блещет Петербург! но он не всех дивит,
Хоть там прекрасного и много,
А если кто поглубже поглядит,
Сквозь блеск увидит, как убого
В чертогах пышных и златых:
Сидят в угаре беспрестанном,
Нет чувства, мысли нет живой, —
И так, в дремоте мертво-странной,
Проходит век их золотой!..

Что ж делать мне с моей тоскою?
Она преследует меня!
А тяжело жить с больной душой!
Но есть ли в мире те края,
Где б верное найти целенье
От этих безыменных мук?..
В Твоем небесном лишь селенье
Спадет с нас здешний наш недуг!..

Есть в свете у людей особое мученье:
О шляпках думать, о чепцах;
Наводит эта мысль смущенье,
И с ней рождается глупый страх:
«По моде ль ты теперь одета?
Ведь пышных дам вонзится взор
На скудный твой убор!»
Как это грустно для поэта!..

Напрасно здесь душа любви просила,
Ее не сыщешь у людей:
У страждущей угасла сила
От разных жизненных цепей!..

Любить и прощать — прощать и любить!
От неба даны нам *заветных* два слова:
Они возвращают блаженство нам снова,
И жизни пароль есть: — *прощать и любить!*..

Романс

Нет, лучше с ним уж не видаться!
Пусть будет счастлив без меня:
Когда приходится расстаться,
То возвратиться уж нельзя!..

Пускай другую он полюбит,
Ей те ж, что мне, твердит слова:
Их обаянье сердце губит,
От них кружится голова!..

Видаться больше нам не надо;
Так, видно, суждено судьбой;
Пусть будет жизнь ему отрада,
Моя — с безвыходной тоской!..

Чего не додал здесь, то дашь мне там;
Душа моя любви алкала;
Но на земле ее так мало:
Зато нередко к небесам
Она, несытая, летала!..

Как часто людям непонятно,
Что чувствуешь и чем живешь:
Толкуют все они превратно,
И оттого что ж с них возьмешь?
Не могут дать они дары благие:
Все — то искусство, то расчет!..
Так лучше чувства скрыть святые,
Чтоб не был горький недочет!..

Так грустно мне, так тяжело!
Душа чего-то все желает,
О чем-то все она вздыхает,
Так много на нее легло!
То безымянное страданье
Меня гнетет, меня крушит,
И я без сил, без упования...
И страшно все во мне болит!..

Мир (дума)

Уж время для тебя падения настало,
Оборванный и гибнущий скелет!..
В тебе давно прекрасное завяло,
Мишурный сбор тщеславья и сует!
О, гордый мир! Твои ходули
Уж ломаются — и ты разоблачен;
Твои поклонники беспечным сном уснули;

Но знаешь ли, что это смерть, не сон...
Скажи ж, в тебе что уцелело
Под блеском? много ль славных дел?..
В тебе лишь смрадное перекипело,
А для высокого один пробел!..
Где дух Христа, любовь, смиренность?
Ты золотом одним хотел слепить,
Стараясь ласкою, обманом, ухищреньем
Заблудших в плен к себе манить!..

Как я люблю шум ветра сильный!
Как будто что-то хочет он сказать...
В своих речах разнообразный,
Ни перед кем не станет он молчать!..
Приятно было мне, когда по саду
Он вихрем бурным листья гнал:
В своем бессилии я видела отраду
И говорила: «Он его послал!»
То не земной посланник лживый,
Что нам кидает пыль в глаза:
Нет, предвещает он, сей вестник горней силы,
Что уж собирается гроза!..

Дума

Ужель я дар тот потеряла
(Им жизнью чудной я жила),
Чем так душа была светла?
Она загадок много понимала,
И не томили так ее
Людей прикосновенья;
Она, в минуты вдохновенья,
Земное забывала все!..
Я не нуждалась в участие
Людей, среди шума их бесед,
И в мире, где любви и дружбы нет,
Мне непонятно было счастье!
И часто странная во мне
Была неведомая сила:
Она мне что-то чудное дарила
И наяву — и не во сне!..
Теперь минуты те святые
Находят реже на меня,
Оборваны цветы земные

Под испытаньем бытия,
И мир с заманчивой мечтою
Разоблачился и исчез,
И я, с молитвой и тоскою,
Жду каплю горною с небес!..

Вот и осень

Изменилася погода,
Ветр осенний засвистал,
Грустно!.. барометр упал,
Начинается невзгода,
Обнажились деревья,
И желтеет уж трава;
В речке волны мутно-черны,
Небо облегло свинцом,
Дико свищет ветер горный,
И бежишь скорее в дом...
Вот и окна уж вставляют,
Лето красное прошло!
Журавли уж улетают,
И на сердце тяжело!..

Люблю тебя, как жизнь! — А что же лучше жизни?
Люблю тебя, как аромат цветов,
Как душу чистую, без укоризны,
Все это жизнь, а в ней все лучшее — любовь?..

Кому же будто бы и нужно
Знать, чем больна душа моя:
Ведь всякому — здесь страх как недосужно,
Ведь всякому — здесь до себя!..

Мой кабинет

Мой кабинет как мне отраден!
Здесь все мое, со мной;
Не будуар он, не параден;
Но в нем знакомое с душой
И, хоть и тяжкие порой, воспоминанья,
Но расставаться с ними жаль!..
Душа хранит их как преданья,
А пища им — души печаль!..

Ведь тут и мать моя скончалась,
И сладко думать мне, что с ней
Душа моя молитвою сближалась!
Тут память юности моей
Кругом во всех предметах оживает:
И пред иконами я здесь одна,
Когда душа моя страдает,
Все Богу я сдаю сполна!..

В беседке

Я все глядела и глядела
На эту зелень, на цветы,
Все станет чуждое мне дело,
Смотря на эти красоты.
Что до людей, до их желаний!
Пусть летят, пусть идут;
У всякого свои есть грани,
Пусть блестят, пусть ползут!
А я, беседа с цветами,
Так счастлива, глядя на них,
Им говорю: «Мне любо с вами, —
То отдых от тревог земных!..»

Под шум столицы суетливой
Считаю я себя счастливой,
Когда с души мне можно сдать,
Что грустью так ее стеснило;
Могу порою Бога прославлять,
Чтоб укрепиться новой силой
И вновь на прежний бой идти
По этому тернистому пути!

Есть милосердие... Оно неизреченно!
Оно над нашею преступною главой!..
Хотя стояли б мы над самою геенной,
Все обретем его — и чем?.. одной слезой
Из глубины души и покайнем!
Он милосерд! Его мы слышим зов!..
Ужели все под адским обаянием
Мы будем оскорблять Его любовь?!..

Как я себе бываю тяжела:
То грустно мне, то так тревожно,
Вокруг взгляну — все так ничтожно —
И я, и все мои дела!..

Когда блеснет нам благодать,
Тогда мы духом просветимся;
Ее нельзя насильно взять,
Хоть мы досыта упоимся
Всем сладостным, что в мире есть:
В богатство ль, роскошь погрузимся,
Удастся ль нам всех выше сесть,
Породой, знатностью ль кичимся, —
Все мы как ночь осенняя темны,
И все лишь плоть с болезнями и смрадом,
Безумные! здесь видим мы,
Сдружаясь только ближе с адом,
Без благодати мы ничто с своим умом,
С своей искусственной силой,
Как без хозяина заглохший дом
Или как челн, погибший без кормила...

Немного есть таких мгновений,
Где б сердце чисто было в нас,
Чтоб без нечистых помышлений
Услышали мы Божий глас,
Увидели б всю мелочь притязаний
И на себе, и на других
И оценили б ряд страданий,
Ведущих в области святых!..

Мир мятежный, мир лукавый!
Уж пора забыть тебя!
Ты блестяшь мишурной славой,
А богов твоих семья

Так горда! Но блеск в ней срочной:
Занят всяк там сам собой,
Славясь формой узорочной,
Обдающею тоской!..

Жизнь прекрасна — в ней мы много
Можем Богу угодить:
Лишь себя судить бы строго,
Боле ближнего любить!..

Я счастлива, когда могу я
Молиться, верить и любить:
Тогда нигде не пропаду я,
Тогда земных событий нить
Не удивит, не растревожит:
Ведется мудро все Одним, —
Один всевластно Он все может,
Чего же нам бояться с Ним? —

Тучи будто не бывало!
Солнышко опять блеснит,
Уж не грозен неба вид.
Туча нас так напугала,
Но Господь наш всем богат:
Может той же Он рукою
Наказать нас то грозою,
То помиловать, как чад!..

6 июля

Христос нам благ земных не заповедал,
А повелел терпеть нам до конца:
Он злобу всю земли изведаль
И был царем — тернового венца!
Так что ж нам здесь? — Одни страданья,
Да по Его идти стопам:
Просить, чтоб дал Он светлость упования,
Награду же за верность — там!..

В молитве чудная есть сила:
Она любви есть фимиам —
Душа земное с ней забыла
И мигом вьется к небесам!..
Там получив, чем исцелиться,
Я тяжкое с себя все сдам,
И хоть придется возвратиться,
Но, принеся оттоле благодать,
Я буду знать, как лучше здесь страдать!..

Я не хочу на разум упираться:
Он буен, горд и шаловлив,
Самонадеян и гневлив.
Не лучше ль верой укрепляться,
По-детски к Господу идти:
О! помоги мне на пути!..

Доверчиво, без рассужденья,
Двух милостей нам надобно просить:
Одной — в грехах своих прощенья,
Другой — чтоб ближнего любить!..

Господь велик и справедлив,
Но нам понять Его не можно:
У нас все мало так и ложно,
И все страстей нечистый взрыв!..

Во мне добра нет никакова,
Я это чувствую вполне:
Когда ж, Господь! посветишь Ты во мне,
Тогда на всякое добро и я готова!..

На слова апостола Павла

(к Коринф. XIII, с. 13)

«Вера и надежда, но любовь из них больше!»

Любовь — потребность нам святая,
И что ж мы будем без любви?
Мы будем только плоть, изгнанная из Рая,
С которой в Рай нельзя войти!..

С надеждой, верой лишь возможно
Нам много дел благих творить;
Но будет все пред Господом ничтожно,
Когда не станем мы любить!..

И где, и что мы сделаем без Бога,
Когда в нас зло, как ад, кипит,
Когда мы все — лишь вечная тревога,
И дух в земное наш зарыт?..

Я враг себе и враг другим,
Когда меня Христос не просвещает,
И, с скрытым в ней началом злым,
Душа бесщадно погибает!..

Снимается все понемногу
С души, что отлюбила мир:
Ей хочется быть ближе к Богу, —
Она войти в другой желает мир!..

Все притязания земные
Ко мне нейдут: я так грешна!
Раскаянья потоки огневые
И очищения волна —
Вот что мне нужно, вот те сласти,
Чем душу надобно питать,
Спасти ее чтоб от напасти
И чтоб привлечь к ней благодать!..

Тогда, тогда мы хороши,
Когда все области души
Наполнятся небесной ратью
И животворной благодатью;
А то мы мгла, и грех, и смрад,
Нет места в нас нигде живого,
И путь заглох нам в райский вертоград:
Мы затеряли ключ от жизни слова!

Во дни Ламеха то ж бывало:
Все погружалось в грехах;
Пророк громил — ему внимали мало
И погибало все в волнах!..

Вдруг хляби отверзлись, моря взволновались,
Потоки ярятся, режут с облаков...
Увидя погибель, пред ней содрогались:
Пришел *Судия*, а не к чадам любовь!
Ковчег же спасенья для них затворился,
И, зыблясь на волнах, все выше взносился!..

Христианин, в путь тяжелый,
Между скал и между льдов,
Должен ты идти веселый,
Много понести крестов!
Крестный путь твой — пусть сраженья
И с другими, и с собой:
Так насмешки, оскорбленья
Разразятся! — только стой!
И тоска тебе наляжет
Тяжко на сердце свинцом...
Тут уж христианин скажет:
«Боже! сжался над рабом!
Дай молитвы умиленья,
В этой битве дай терпенья;
Хоть скорбна душа моя,
На все *воля* будь *Твоя!*..»

Сноси, сноси и все проси!
Вот, что нам нужно на дороге
Во всякой жизненной тревоге:
Отец Твой там на небеси!...

Мысль из Штиллинга

Ужель Господь Своей вселенною не правит?
Ужели Он рабов Своих
Ужели навсегда оставит
В руках у злых?..
Нет, нет! мне сердце говорит другое:
Он видит все — гоненья, слезы и вражду,
Он силу подает и честному труду,
Благославляя все благое,
И из враждующих крамол,
Из терний, сыпанных на путь смиренных,
Из всех кипящих адом зол,
Из замыслов их потаенных,
Сумеет Он охранный сделать щит,
Спасет, избавит, исцелит!..

Страдать и чувствовать — есть то же и одно;
Двух этих тесно так сдвиженье,
Что через них блаженство иль мученье
Уделом сердца быть должно!..

Как я люблю приют мой скромный:
И в осень мрачную он мил;
И даже солнца луч, уж томный, —
Что летом ярко так светил, —
На сердце грусть мне не наводит;
И лист желтеющий, и мутная река —
Меня к отрадной мысли сводит,
Что *есть* Премудрая Рука,
Что дивно все в гармонию приводит!..
И этот мертвенный теперь покров,
Что красоты пред нами застилает,
Как много праздничных обнов

С *весною* новой обещает!!
Неутомимо в мастерской
Великий Зодчий наш трудится!
Без образцов, — лишь волею Его одной —
Пред нами чудное творится!..
Возможно ль нам глядеть на все
Без трепетного умиления,
Когда и мы, и все творенье
Живем и силою, и милостью Его?!..

Луне

И серебро свое, и злато
Так щедро сыплешь ты, луна!
А все светла и все богата!..
Люблю глядеть я из окна,
Как ты, промеж берез, мелькаешь!..
И бриллианты рассыпаешь,
И запоздалого в пути
Ты веселишь и оживляешь! —
Свети ж подолее, свети,
Небес чудесное светило!
Любви ты Божьей знак живой,
Когда-то творческою силой
Зажглась ты в темноте ночной!..

И он любил, и я его любила
И вырвала из сердца моего:
С тех пор мне свет и все, что в нем, — могила!
И все еще — я ведь люблю его!

Когда под бременем страданий,
Которых я не в силах рассказать,
Погаснет свет прекрасных упований,
И я не верю в благодать,
И мрак вокруг с тоскою безнадежной:
На все гляжу я в черное стекло,
И пышет зло в душе моей мятежной,
И горный свет метелью занесло.
Вдруг эта вся ужасная тревога
Рассеется, когда нам с небеси
Повеет чудное от Бога —
Помазанье святой Его любви.

Молитва, пост, смирение:
Вот крылья к небу полететь,
И на земле они спасенье,
Чтоб все тяжелое стерпеть;
А ведь тяжелого так много,
И страшно часто за себя.
С одной надеждой лишь на Бога
Нам дар понятен бытия.

Вопрос

Чем исцелить болезнь души моей?
Чем утолить мне сердца муку?
Кто мне подаст с участием руку?
С кем будет мне недуг сносней?

Ответ

Не утолится грусть отрадою земною,
И в людях нет участия, ни сил.
Взгляни: Спаситель, в язвах, пред тобою:
Так за любовь Его — мир этим отплатил!..

Как все, что нам сказал Спаситель, *верно!*
Какою мудростью и благостью безмерной
Нам дышит от Его бессмертных слов!!
Не все ли в них и жизнь, и разум, и любовь?
Он говорил: «Обремененные придите
И отягченные ко мне,
И сколь Я благ, тогда вкусите!»
Не все ли здесь вполне?
Найдется ль кто из них не отягченный
Или грехом,
Или трудом?
И даже тот, обремененный,
Кто в славе, в почести земной,
Так часто, может быть, сдается тоской!..
Чья сила недугам таким поможет?
Один лишь тот блажен,
Кто все грехи, как тяжкий жизни плен,
Все горькое душе к ногам его положит!..

Господь обремененных звал,
Не веселящихся: — Он знал,
Что этих утешать не надо;
Страдальцев взял в свое Он стадо,
Затем, что, в мудрости своей,
Во глубь сердец с любовью проникая,
Узнал, как мучится душа больная
И как ей трудно у людей!..

От душевных огорчений
И от тяжких сердца мук
Верьте — не угаснет гений,
Струны издадут свой звук!
Но угаснет непременно
Среди светской пустоты:
Пищи нет — оземленный
Он забудет высоты!..

Ужели здесь страданья наши
Приятны Богу могут быть?
Он Сам испил из горькой чаши,
Чтоб только дать нам вечно жить!
Нет, страсти наши и пороки
В нас нашу внутренность мутят:
Их ежедневные уроки
Об этом ясно говорят!..

Бурю Он пошлет и силу,
Чтоб снести Его грозу,
И увидит Он слезу,
И услышит: *«Нас помилуй!»*
Все в руке Его одной —
И награда, примиренье,
Наказанье, и покой,
И болезни, и целенье!

Когда б мне до того дойти,
Чтоб говорить всегда: «Твоя да будет воля!»
Как счастлива моя была бы доля!
Как были бы прямы мои пути!..

Не знаю, что душа моя
Чего-то все она желает;
И часто ей, в течение дня,
Так многое надоедает:
Никто отрады не дает!
Одни напрасные желанья!
Беги ж к Христу, Он уж давно зовет:
Там утолишь свои страданья!..

Вступает в жизнь — тут плач и крик,
Бесчувственность, непониманье;
А говорят, что человек велик!
А будущность его — страданье!..
Но жизнь, быть может, хороша;
Когда пойдем ее и вникнем боле,
Когда очистится душа,
И будем жить по *Божьей воле!*

Да, выше всех даров земных
Молитва, кротость и терпенье:
И мы при спутниках таких
Не будем чувствовать волнение:
Пускай и зло вокруг нас кипит,
Пускай среди врагов ехидных
И жертвы мы речей обидных:
Все Дух Твой в сердце помирят!..

И горькое все нам от Бога,
И если что тревожит нас,
Спасительна и та тревога:
В ней слышен тайный Божий глас,

И Он глядит, глядит Он ежечасно,
Во всем следя детей своих:
Он знает все, и беспристрастно
За то и судит их!..

В *присутствии Его* ходи,
Тогда всегда спокойно будет
В твоей растерзанной груди!
Пусть и все тебя забудет,
А Он все будет пред тобой,
И вступишь ты уж в мир другой!..

Ему я предаюсь,
Ему я отдаюсь, —
И станет все вокруг прекрасно,
И станет все во мне согласно:
Престанут страсти бушевать,
Не стану *суетных* желать!..

Молитва — есть успокоенье
Молитва — есть дар Божий нам,
Душе усталой освеженье
И путь надежный к небесам!..

Один и есть, кому возможно
Все раны сердца исцелить:
Его участие не ложно;
Один умеет Он любить!..
Хоть в небесах Он обитает,
Но *все* доходит до Него:
С любовью раны осызает
Целитель сердца моего!..

В печали кто же успокоит,
Как не Спаситель наш и Бог?
Он лучшее для нас устроит!
Когда б везде не Он берег,

То что бы случилось с нами?
Бродили б ощупью впотьмах
Все с опустелыми душами
Или горя в своих страстях!..

Он жизнь, Он сила, Он любовь,
И нам дает Он все без меры,
Нас избавляет от грехов
И требует не много веры —
С зерно горчичное... И с ним
Все зло, что в нас и вне, мы победим!..

Все сотворил Господь Один,
И сотворил чудесно;
Хоть человек, сей карлик-исполин,
Мечтает о себе так неуместно;
Но что же был бы он, когда б не подавал
Он с высоты отеческую руку
И столько благ ему б не посылал,
То мог ли б вынести он жизни муку?..

Лето, лето, как ты мило!
Ты из Рая к нам пришло,
Замиравших оживило:
Как с тобою жить тепло!..

О Юнг! смиреньем и слезами
Снискал ты Божью благодать;
Я теми же хочу путями
Блаженства достигать!..

Что наша жизнь? — Одно мгновенье,
И боле в ней страдания, чем благ,
И весь итог того мученья
Есть тот, что всяк идет в могилу — наг!..

Нам надо пристально вникать,
Отколе веет благодать:
Когда кого я в жизни встречу,
То рассмотреть должна его:
В кровавую ль вступить с ним сечу
Иль убежать лишь от него?!..

Зачем я в городе опять
И что я здесь за единица?
Я не миллионная девица,
Чтоб женихов богатых ждать;
Я все давно уж прочитала,
И весь итог мой вышел нуль;
Ужели слушать мне сначала,
И как, и где льют сколько пуль?!

Зачем копать и выгребать
Мне из чужих сердец худое?
За них не буду отвечать;
А за себя, быть может, вдвое!..

Сластей мирских я испила все чаши,
Что подносили, говоря:
«Прикушайте, как сладко, *будьте наши!*»
Но после та ж осталась я,
И с той же злобой, и грехами,
И с той же мрачною тоской:
Прощайте, Бог да будет с вами!
Пора костям уж на покой!..

Хотела часто своевольно
Я действовать и говорить;
Меня всегда язвили больно
И говорили: «Нет, тому не быть!»

О чем мечтаешь ты! Не нужно
Нам в помощь твоего ума!» —
Так, чтоб с людьми остаться дружной,
Слепа я буду и нема...

Благодарить нельзя поэта, —
Поэт дагерротип живой:
Коснется ль горний луч души поэта,
И льется ток струю световой!..

Я глубоко-осталая,
Я давно полуживая,
Отщетила от земли,
От земли высокомерной,
Где корыстно, где неверно...
И смотрю я, издали,
Точат как ножи и колят,
Как драгие травы полят,
Оставляя плевела;
Океан разлился зла!!..
Так не лучше ль удалиться
Мне от этих смрадных мест,
Обо всем в тиши молиться
И носить с терпеньем крест?!..

Птичка в клетке сильно бьется,
Улететь из ней нельзя:
Так душа порою рвется
Из земного бытия!..

Бытия, — что засорили
И страстями, и суетой;
В смраде этом позабыли
Веры сердца глас живой!..

Как душе от вас не рваться,
Истрадавшей меж сетей?
Чем небесной напитаться
От голодных вас, теней?

Вы замучили, убили
Все дары небес благих;
Вы жизнь духа схоронили
В притязаниях пустых!..

Любовь, молитву, вдохновенье,
Как клад души заветный, береги!
И от нечистого к нему прикосновенья,
Как мать дитя, *от злого глаза стереги!*..

Давно поэт, с поникшей головою,
Давно уж бродит меж людей,
И с исстрадавшею душою,
И с лирой сиркою своей!..

Загробный скиталец

Идет, идет, — стучит ногою
Скиталец замогильный сей;
Лик бледен, с мертвой синевою,
И страшен блеск его очей!..

Идя стопой своей громадной,
С собой несет он смерти клад
И дышит мукой безотрадной;
В душе его бушует ад...

Его присутствие ужасно:
Пугает стон его глухой;
По виду он мертвец бесстрастный,
Но не развязанный с землей!..

И нет уж чувства в нем живого,
Как остов он — и сух, и прям:
Не дух, не плоть — в нем нет земного,
Нет и стремленья к небесам!..

Земных страданий чрез горнило,
Конечно, он не проходил,
И оттого-то грубой силой
Безжалостно людей давил!..

Он по земле ходил высоко
С высоко поднятой главой,
И никогда надменность ока
Не увлажалася слезой!..

Молился ль он, про то не знали, —

То тайна для людей была:
Одно об нем всегда слышали,
Что речь его коварно-зла!..
С лукаво-хладною улыбкой
Просящих важно принимал
И, — в изворотах слова — гибкий,
Отказ свой тонко украшал!..
Лепил какое-то он зданье
Из пуха, пены и паров
И призрачным тем обаяньем
Морочил много он голов!..
В нелепо-мнимом просвещенье
Он сердце утопил свое;
Меж неба и земли хождение
За то ему присуждено!..
И вот за то, что злой наукой
Он портил юные сердца,
Теперь своею страдает мукой,
Сменив любовь на гнев отца.
Сойдя сперва с прямой дороги,
Тропу он к небу потерял,
И вот уж ни в земные боги,
Ни в ад, ни в небо не попал!
От этого так тяжело бродит
Он ни живым, ни мертвецом;
Но уж в обманы не заводит:
Все видят труп ходящий в нем!..

Напрасно, напрасно, — бесплодны заботы!
Давно не понятен друг друга язык:
Несвязны, непрочны у вас все работы,
Затем, что ваш лозунг: «Один я велик!»

Нет у меня блестящего наряда,
Нет у меня двух тысяч душ;
Какая ж людям в нас отрада?
Поэты мы — и я и муж!..

Затем я мир ваш не люблю,
Что там о Боге нет ни слова:
Я на худое там готова,
И в нем я все в себе гублю:
И свет, и разум, и рассудок,
И часто порчу мой желудок,
И ближнего... не так люблю!..

Все так мертво, и лживо, и уныло
Вокруг меня;
Как будто саваном покрыло
Мир бытия!..

Но что же мне делать? Молиться, молиться —
Молитвой живой!
И чаще душою все к Богу стремиться
В юдоли земной!

В стихах, в поэзии прекрасно изливаться
И все с души сдавать;
Но *лично* никого не задевать
И не ворчать, и не ругаться!..

Звездное небо

Я шла — и на небо глядела
И сколько в нем я видела чудес:
Как ярко каждая звезда горела
На темной синеве небес!..
И как-то мне просторно стало, —
Свободнее дышала грудь моя,
Мне ничего не доставало,
И долго бы хотела я
Глядеть, глядеть и любоваться
На эти звездные миры,
Благоговеть и сознаться,
Как Он велик, как малы мы!!..

Приелось все, все надоело
На этой мне земле гнилой:
Измучились и дух, и тело
И от людей, и от самой!..

Земли не касаясь,
Хотела бы жить;
С людьми не сдружаясь,
А чтоб их любить!..

Как уйти нам от печали,
И от себя, и от людей?
И есть ли место, где бы дали
Целенье верное? — В природе всей
Нет ни аптек, ни магазинов,
Где бы купить состав такой,
Чтоб сжал печаль... У исполинов
Над нею власти нет земной!..

И все во мне, все так несовершенно,
Ничто войти не может в полноту:
То недостаточно, то увлеченно,
То в небеса порыв, то в суету!..

Когда б я не могла писать,
Любить, молиться, уповать,
То жизнь мне стала бы несносной,
И в вашей суете уносной
Я не могла б существовать!!

Пускай останусь я с болезнью моею
И незаметная в мире пройду;
Но пусть я в нем не холодею,
А, может быть, еще найду
Хоть мало душ,

Чтоб протянуть им руку,
Чтоб с ними проходить путь трудный и земной,
Где в разных видах встретишь скуку,
Но редко слышишь звук живой!..

Быть может, завтра и ненастье,
И дождь, и холод — все пройдет,
И солнышко опять блеснет...
Надежда эта — наше счастье!..
Так с жизнью тоже на земли:
Вдруг тучи грозные нашли,
И горизонт надежд затмился,
Луч счастья опять сокрылся;
Проглянет завтра, может, он,
А в ожиданье мирен сон;
Что ж завтра нам еще покажет?
Хоть, может, будет тож обман;
Но счастлив, кто с *надеждой* ляжет:
Ей утолится боль от ран!..

24 мая

1848

В годину скорби и несчастья,
Где кара Божия видна,
Где чаша ярости полна
И виден суд Его всевластья,
Где помощи уж людям нет
От угрожающих им бед...
Еще одно, одно осталось:
Посылав пепел на главы,
Сказать: «О Боже! грешны мы!
От страха сердце наше сжалось,
И кости все трепещут в нас,
Заслышав Твой гремящий глас! —
У нас одни грехи и слезы...
О, пощади ж и обнови!
И отклони тлетворны грозы
И нас казни *судом любви!*»...

Меня, меня он охладил —
Гранитный город, шум мятежной,
Душа где тратит столько сил,
Под суетою неизбежной,
Где в форму все одну вошло,
Где все нарядно и приборно,
Все с виду гладко, как стекло,
И моде глупо все покорно:
Из этих кто дерзнет оков
Уйти и чувствам дать свободу?
Живут они меж страшных льдов,
И исказили так природу,
Что не найдешь ни чувств живых,
Ни теплого из сердца слова,
Лишь всяк идет с своей обновой
На выставку дразнить других!..

И что ж вы в вихре суеты найдете?
Какой для неба будет плод?
Вы душу ей и тело отдаете,
А червь в вас все растет, растет!..
Смотрите, без того как много
Сгубили Божьих вы даров,
С безумной вашею тревогой
И с лепетом все праздных слов!..

Может, может быть звонче
Лиры вещая струна,
Если солнышко теплее,
Если чудная страна,
Если небо голубое,
Если сердце к вам живое
На один забьется лад,
Если вам протянут руку,
То с души всю снимут муку:
Ярче струны зазвучат!..

Увидеть никогда не может
Орел ползущего червя,
Как он свою былинку гложет,
Чтоб прокормить себя.
Хоть червь всползет порой высоко,
Но все не может полететь:
Нет крыльев, нет орлиного и ока,
Чтобы на солнце поглядеть!..
Так всяк из нас во всей вселенной
Останься в колее своей;
Кто сотворен без крыл, — ползи себе смиренно:
Он видит и тебя, наш мудрый Царь царей!..

И под кущей виноградной,
И в стенах монастыря,
И где синие моря,
И в гостиных, где нарядно,
Где для взоров ненаглядно,
И в разгуле, и в степях,
И в чертогах у вельможей —
Все тоска людей заглохнет,
Если Бога нет в сердцах!!!

Скучно под свинцовым небом
И без солнечных лучей:
Все под грязью и под снегом
И для чувств, и для очей!
Все мертво и так уныло,
И без солнца стих нейдет.
Все так вяло! Только с силой
Дворник грязь с двора гребет!..

К себе

Куда летишь, куда стремишься
Из смрадной здешней тесноты?
Ничем ты здесь не насытишься:
Порой неясные мечты
То сердце обдают тоскою,
То в восхищенье погружат,

А там — опять все на разлад!
Крутятся вихрем предо мною
Толпы несметные людей!
Как хладно их прикосновенье!
Невнятен лепет их речей;
От них душа моя в волненье,
Ее все хладом обдает!..
Чем отвести, куда деваться?
Нельзя стерпеть, ни оставаться —
И лира звуков не дает!..

От них мне грустью, скукой веет,
Не по душе мне этот мир:
Там только человек не сир,
Где все его любовью греет:
Тогда ласкается мечта,
Все оживает как-то чудно;
Там жить нам не бывает трудно,
Где заодно и сердце, и уста!

Ветру

Шуми, бушуй ты в облаках,
Напоминай мне, что есть сила,
Которая б меня тотчас сразила,
Когда бы не был Он так милосерд и благ!..

О, как глубок сердечный мой тайник!
Как много ран внутри его скрывалось,
Пока туда луч горький не проник!
И как я духом истерзалась,
И много слез, я много пролила,
Пока они омыли сердца раны!
Тот горный луч рассеял все туманы,
И светлая заря опять взошла!..

Но вот опять во мне все онемело:
Не чувствую, не мыслю ничего!
Как дерево, что в осень облетело:
Ни листьев нет, ни жизни у него!..

Из недр земли нам выгребай
Как можно золота поболее,
Чтобы пожить нам в сладкой доле
И на земле устроить рай!
Чтоб яства были дорогие
И ложи мягкие как пух,
И чтобы блага все земные
Нам услаждали ум и слух;
Чтобы пять чувств все сыты были...
Так больше ж злата выгребай,
Чтоб славно на земле пожили
И чтобы здесь устроить рай!..

Меня оставьте, отсталую,
Я не богата, не знатна;
Об вас я вовсе не тоскую,
Меня вы не лишите сна;
Я за границей не бывала,
Душа не просится туда,
От веры предков не отстала,
Еще не чувствую стыда
Быть Русской, все люблю родное,
Люблю я Бога — наш язык,
Люблю жить просто и в покое,
И не по мне ваш глупый крик!..

Мои земные притязанья
Невелики — лишь было б мне
Хоть от людей немного состраданья
Да уголь свой, чтоб в тишине
Пожить без роскоши, скромнее,
Немного книг, немного и людей, —
Чтоб вера все росла во мне живее,
И чтоб в миру быть с совестью своей!..

Со мной случается порою,
Что и самой так странно мне:
Случится что-нибудь извне,
И вдруг я становлюсь иною:
Острее вдруг мой станет взор,
И вижу душу я чужую:
Ее мне внятн разговор...
Но вдвое я тогда тоскую! —

О, если б иногда, порой,
Взлететь над этою землей,
Туда, куда б не доставало
Людских языков с ядом жало,
Ни спеси горделивый взгляд,
Ни перед знатными поклоны,
Ни многогрешные мильоны,
Что так невежество кичат! —
На все глядела б без тревоги
Из поднебесной стороны:
И все то было б — только сны
Иль перейденные пороги!..

Не чувствуем, что мы под наказаньем,
И ходим все и в злобе, и в грехах,
И нет границ земным желаньям,
Кичимся только на пирах:
Все подавай! все мало прокаженным,
И всех и все мы рады обобрать!
Ужели, благ небес лишенным,
Возможно так бесстыдно пировать?!

Какое-то во мне волнение,
И дух тревожно так занял,
Как будто слышу приближенье
Каких-то грозно-страшных сил!..

Я чувствую, что я поэт,
Хоть под свинцовым я живу наметом,
Ко мне участия хоть нет;
Но я живу тем благодатным светом,
Что льется в душу мне порой:
Он мне дает и слезы умиления,
И светлую минуту вдохновенья,
Чего не даст ваш мир земной.
Гляжу на свет с ним равнодушно,
Без зависти — мне с ними только душно!..

Как весело! Уж снег сошел,
Вода бежит по улице ручьями,
И жавронок — весны посол, —
Все вьется резвыми кругами
И песнь заводит в облаках;
Деревья саван свой уж сняли,
Так долго возрожденья ждали,
Сурово стиснуты во льдах!
Везде и все возвеселилось,
Чтоб гостью милую встречать!
Дай, Господи, чтоб сердце обновилось,
Пошли Твою нам благодать!..

3 апреля

О, если б духу был простор,
То я летала б по лазури,
У ног моих стонали б бури,
И видела б я темя гор,
Где гнезда лишь орлы свивают;
Но смертные туда не достигают!
Отголь летела бы к звездам,
Увидеть этот мир блестящий
И поглядеть, ужель и там
Корысть и зной страстей палящий?
А там, где ангелы поют,
Туда для отдыха б летела,
С восторгом слушала б и млела;
С души там смылся б дольний труд!..

Ужель истрак источник ясный,
Что был во мне живым ключом?
Ужель затмился мир прекрасный,
Где, забывая о земном,
Душа с небесными свыкалась
И так легко бывало ей?!..
Ужель опять одна осталась
Средь тяготеющих цепей!..

Вот пасмурно, вот снег, вот холодно...
На сердце так уныло стало:
Гляжу бессмысленно в окно
И говорю себе: «Как мало
Нам нужно, чтобы дух упал:
Вчера была ты бодрое создание,
Тебе казался мир весь мал,
Теперь где бодрость? где всезнание?
Ты, подгорюнившись, сидишь
И, с грустию глядя на снег, — молчишь!..»

26 апреля

Остерегись, не допускай:
Он стережет тебя — губитель!
Он заграждает двери в рай,
Игрушки кажет искуситель:
Поддайся им — и ты пропал!
Он повелителен жестоко:
Ты в пропасти — и уж глубоко
С его ж насмешкою упал!..

Лишь в тишине, лишь в тишине,
Невидимо нам все дается:
И в этом, наяву блаженном сне
Не по-земному уж живетсЯ:
Когда в нас страсти не кипят,
Тогда и ум наш просветлится,
Небесным светом озарится,
И входим мы в эдемский сад!..

Птичке

О, пропой еще немного,
Птичка милая, пропой!
Ты, в эфире, славись Бога,
От того глас звучен твой!..
Над тобой лазурность неба,
Знойных ты чужда страстей,
Не трудишься ты из хлеба
И не слышишь злых речей!..
Нет заботы о ночлеге:
В роще ветки все твои,
И в такой беспечной неге
Светлы песни, светлы дни!..
Так, ты можешь веселиться:
Ты невинна и не зла;
Нам, как ты, нельзя забыться:
В сердце нашем грех и мгла!..

Среди душевного волненья
И суетливых всех тревог
Где ж пристани искать спасенья,
Чтоб жизни путь нам стал легок?
А на пути там встреч так много,
И терний столько, и преград!
Во всем мы здесь судимы строго,
Кто ж руку нам подаст как брат?!
А сколько колют и враждуют,
И всякий яму рыть готов;
Друг друга всякий лишь волнует,
И все забыли про любовь!..

Напрасно мы бесплодным восклицаньем
Все думаем себе помочь,
И неуместным притязаньем
Беду отгоним ли мы прочь?!
Нет, лучше детски ей поддаться,
И, право, легче станет нам:
Ужель, как Дон-Кихот, начнем сражаться
И бить по мельничным крылам?!..

Чуть невидимо крылами
Ангелы коснутся нас,
Дух — как разными огнями
Заблиставший вдруг алмаз —
Заблестит... душа летает
По заоблачным странам:
Там ей что-то подается...
В сердце жизнь тогда забьется
И заблещет по струнам...

Едва, едва зазеленели
Младые липы по садам,
И гости-ласточки запели,
И стало весело так нам:
Мы все, как Лазарь, встрепенулись,
Оставя саван гробовой;
От веянья весны молодой
Мы к жизни сызнова проснулись:
В себя вдыхаем аромат
Цветов и зелени душистой;
Нам душно в комнате, — бежим мы в сад
А там он, гость наш голосистой,
 Поет на ветке соловей!..
Уф! жизнь *гостиных* миновалась,
Душа там сильно промоталась
Средь шума и пустых речей!
И что ж у нас от этой пищи,
Остался нам запас какой?
Здоровью вред, дух вечно нищий,
И все как будто бред больной!..

Все хорошо, когда бывает
Душа чиста у нас:
Когда страстей в ней буря затихает,
То слышится в ней Божий глас!..

На шум людской, на их волненье
Люблю я издали глядеть;
Пусть нравится им их круженье
И позолоченная сеть,
Что так их ловит, ослепляя, —
Пускай!.. А я, уж отжилая,
Утех их с ними не делю
И только издали глядеть на них люблю!..

Не отвлекай!.. Оставь — минуты эти,
Они дороже всех сокровищ в свете;
Их блага ваши не дадут,
В них сладость есть и без отравы:
Они благословенный труд,
Пред ним ничтожны все забавы...

Напрасно думаешь напиться
Из чашей мира ты вполне:
Их чадом можно, как во сне,
И то надолго ли? — забыться!..
Но стерегись! — в них скрытый яд,
И пробуждение опасно:
Они ведут в тот страшный ад,
Хоть он людьми описан и прекрасно!..

Когда во мне тщеславья дух
Взволнуется, зажжется вдруг,
Я, обезумевши, мечтаю,
Что высоко уж восседаю!..
Но трон мой — из моих страстей,
Весь из тщеславья и затей...
Сама ж меж тем без памяти кидаюсь,
Прошу как нищая у всех:
«О, дайте капельку утех!»
И посреди их — все терзаюсь!..

Когда орел взвился
И пьет эфир небесной,
Ему не до того, что там змея
Ползет, шипя, тропинкой тесной!..

Полог звездный, полог ясный!
Любоваться дай тобой:
Божьи то миры прекрасны,
Созданы Его рукой.
Начертал Он им законы
И, покорствуя, плывут
Тех алмазов миллионы,
Что нам свет чудесный льют!..

Там же может худо быть —
Там, за чистым тем эфиром, —
От него так дышит миром!
Взглянешь: хочется любить
Все прекрасное, святое;
Опостылет так земное,
Что не хочется в нем жить!..

Все чувства здесь, все ожидания,
Все так неверны, неполны,
И под корой очарованья
Все выйдет ложь и только сны,
Которые когда едва ли
Сбываются нам в жизни сей:
Минутно с нами поиграли,
И вот они уже пропали,
Потешив взрослых нас, детей!..

Дар высокий песнопенья
В сердце мне вложил сам Бог, —
И, в минуты огорченья,
Душу ль посетит восторг,

Вдруг то грустно запоеется,
То летит веселый звук! —
Из каких-то подается
Мне невидимых то рук?!..

Безоблачно лазурь небес стояла,
Как зеркало, над нашею главой;
Но чья рука вдруг разостлала
Покров и серый, и густой?
Ведь это Он — ведь у Него так много
Лучей, и туч, и молний, и громов!
То поразит Он нас тревогой,
То вдруг дохнет Его любовь!..

И чем успокоить мне сердце больное,
Что мигом блаженства в страданиях живет,
Средь холода света горит как живое,
И силу любить оно где же берет?..
Хоть жизнь ты свою обливаешь слезами,
Но хочешь все чувство любви сохранить;
Зовут его в свете пустыми мечтами,
А сердце все рвется любить и любить!..
Но как тебе с жизнью теперь помириться?
Меж камней подводных проложен твой путь!
Как муче с блаженством в душе поместиться?
Устала давно молодая уж грудь!..
Не здесь же, а там — там душе есть родные,
Они съединятся нетленным венцом;
Не будут стеснять уж оковы земные
В том мире любви просветленных крестом?..

Бывали ль счастливы те боги,
Что были в капищах? У них
Бывали — пышные чертоги
И много утварей златых...
Едва заря на небе занималась,
И пурпуром ее облит был храма свод,
Уже теснился к ним народ,
И храмина хвалами наполнялась,
И всяк с собой усердно нес —

Иль благовонные куренья,
Или венки из свежих роз
И вместе теплые моления,
А много, может быть, и слез,
Чтоб их исполнились обеты,
И всякий жадно ожидал,
Чем свыше разрешат советы,
Какою милостью своей?
Но боги те — без смысла, без ушей,
Сидели с важностью пышной,
И никогда им не бывали слышны
Мольбы, и стон, и жалобы людей!..

Звезде

Изумрудом загорелась
Ты, звезда, во тьме ночной:
Мне желалось, мне хотелось
Сердцем сблизиться с тобой;
Не за то, что ты играешь
Над Петрополем моим,
Не за то, что освещаешь
В нем сует и славы дым;
Но за то, что все лучистой
Ты горишь лампадой чистой
Пред Создателем своим!..

Любить как жизнь! — Как это много!
Все внешнее, все люди могут дать;
Но жизнь есть дар прямой от Бога,
Один ее Он может дать и взять!
Она мила, чудна, — в ней все прекрасно,
Когда ее с другим делить!
В ней все тогда созвучие согласо,
Когда его, как жизнь, мы можем полюбить!..

Видение

Мне снился сон и дивный, и прекрасный,
И мне его забыть нельзя:
Он ввел меня в неведомый мир ясный
И мне открыл всю ценность бытия!..
Я видела, что чудный кто-то
Меня с любовью манил,

Жалел меня и, с нежною заботой,
Мне ласково блаженство посулил!..
И нет его! — сон этот быстро скрылся,
И я грущу, и я опять одна:
Зачем же этот сон приснился?
По нем тоской душа моя больна!..

Заветное чувство

Ужели выскажешь все, что в душе таится?
Где слов найти на языке земном?
Пускай же в глубине души и сохранится;
Пускай перед людьми, в сочувствии немом,
Узнает он один, чем сердце дышит,
Пускай душа его услышит,
Что жизнь моя земная меж людей
Отрадою одушевилась:
Я стала лучше! — и, смотря на все теплой,
Я чрез него и с ними помирилась!..

Нет, не должна с тобою я расстаться:
Во всем я вижу, чувствую тебя!
И с этим чувством как же не остаться,
Когда лишь в нем вся ценность бытия!..
Нет, неразлучны мы с тобою!
Так сердце мне само твердит;
Под этою земною суетою,
Где все шумит наш пестро скучный быт,
Оно так чисто, пламенно горит!..

Впечатление

Я слушала, смотрела, утомилась,
И ничего не принесла с собой;
Когда ж оттуда возвратилась,
В тот вечер худо я молилась,
А сердце облилось тоской!
И долго, долго было сжато,
И ум как будто отупел,
Как будто с горестной утраты
Иль надо мной туман висел!..

Нет, видно, жизнь совсем иная
У них, в чертогах золотых:
Зачем же к ним, когда от них
Я возвращаюсь больная?!..

Зачем опять, опять воспоминанья
Теснятся в грудь,
Когда от них остались лишь страдания?..
Где отдохнуть? —
Не лучше ль позабыть, коль справлюсь я с собою,
Не легче ль станет мне?
И я скажу: «Он был тогда со мною;
Но это ведь во сне!..»

Да, тяжело! Еще я помню с детства
Страдание мой осветило путь!
А как в душе моей пылали ярко
Заря надежд и луч святой любви!
И я на все смотрела так светло,
Казался мир мне райский вертоград,
Я всякому протягивала руку
С участью в сердце, с чувством теплой дружбы!..

Через людей и от людей не надо
Земного счастья достигать:
Не то ль оно преддверье ада,
Где человек готовится страдать!?
Да и страдание бесплодно!
Теряет веру он во все:
Порыв угаснет благородной,
Бесцветно станет бытие!..

Поэт глядит на мир иначе:
Он в мелочь жизни не войдет;
К прекрасному с душой горячеей,
Ничтожных целей не поймет!..

Под благодатным вдохновеньем
Поэт надежно простоит;
Займется ль он земным волненьем,
Когда он в небеса глядит?!

Какое духу утешенье,
Что я могу писать,
Чтоб высказать или презренье,
Иль светлых мыслей благодать!..
Когда тоска порой захватит
Всю глубину души моей
И до того покой ее утратит,
Что станет все кругом мрачней...
Я за перо... пробьются слезы,
И в них-то все то изолью,
Что душу мучило мою!..
Случится ль мне побыть в салоне,
Где вижу гордость, слышу вздор,
Где истомит тщеславья сор...
Скорее к той же обороне,
Я за перо — опять пишу
И тут свободнее дышу...
Хоть и повеет мне могилой
От безмогильных — помолось:
Писать нельзя, — а свыше силой
Я разогреюсь, — укреплюсь!..

Гляжу на небо голубое,
Гляжу на зелень, на цветы,
И что-то тихое, святое, —
Не говор праздный суеты, —
Мне в душу льется благодатно,
И мысль тревожная молчит:
Все здесь под сенью ароматной
Мой истомленный дух живет!..

Не хвастать я хочу своим убором.
Ни деньгами — их у меня и нет,
Ни остроумным разговором,
И как, и чем отделать кабинет!

Мне хочется — сочувствия живого:
Всегда поэт им дорожит, —
За то, что с чувством сказанное слово
Так на душе тепло лежит!..

Когда вступала гостью новой
Я в этот мир во цвете лет,
С душой, к прекрасному готовой,
Которой чистых дум полет
Еще ничем не отягчался
И опытом не помрачался,
Не знала грустных я потерь,
Про всех вещало сердце: «Верь!»
Я верила, и горько стало,
И много, много было слез,
Несчастья и ужасных гроз!..
Меж них отрадно прозвучала
И, хоть на чуждом языке,
Беседа с музой утешала!..
И в безотрадной я тоске
То приняла за дар заветный,
И облегчилась грусть моя,
Знать, был мне тот призыв приветный
Усладой грусти бытия,
И я в тиши им наслаждалась:
Он все пока мне заменил;
Но лишь с тобою повстречалась,
Другой меня ты жизнью подарил!..

Мой обед, хоть не роскошной,
Лучше яств мне дорогих:
От него не будет тошно,
Не лишится струй живых
Плотью дух отяготелый:
Он не станет только спать
И, к земному прикипелый,
О небесном забывать!..

Кипит, кипит, и закипело,
И взволновалось в груди...
Зачем? Ведь не твое то дело,
Оставь, и лучше ты поди
К Тому, кто на земле, с терпением,
Сносил все недуги людей,
Твое утихнет раздраженье
И будешь с ними ты — добрей!..

Как тяжело мне от людей,
От их прикосновений ложных:
Порой, мне кажется, что я среди степей,
Что даже мысли невозможны,
Что люди были или есть!..
Потом, когда неистово засвищет
И ненависть, и гордость их, и месть,
Когда со тщаньем всякий ищет,
То место сердца, где б воткнуть
Свой нож поглубже!.. Ноет грудь
И тяжело так становится,
Что я хотела б меж зверей
Жить лучше — только чтоб сокрыться
Мне от людей!..

С молитвой, цевницей и совестью чистой —
Вот райская жизнь, без сокровищ земных:
Пускай суетятся в тревоге огнистой,
Ни с чем не сменяю подруг я моих!..
Пусть спесь на меня взоры гордые мечет,
Пусть я недостойна делить их пиров,
Чертог их хоть пышностью, золотом блещет;
Но он для меня лишь подобье цветов,
Слепленных из воска искусной рукою:
В них нет аромата и жизни в них нет!
Так с вашей трапезой земною
Придет ли на пир ваш — поэт?!

Когда б мне хорошо *там* было,
Как здесь, под тению древес,
Когда бы благодать грехи мои покрывала
В селениях небес!..

На миг хоть ускользнуть отраднo
Из мира тягостных цепей,
Побыть с природой ненаглядной
И подышать свободой в ней!..

Ветер вoет, снег валит,
Грустно на сердце так стало,
И метели покрывало
Перед окнами висит;
Что тут делать? — так уныло!
И молитвы сладкой нет,
Все так мрачно и постыло,
Обескрылен дум полет!..

Юной красавице

Резвись, красавица младая,
И в локоны цветы вплетай!
Уж не придет весна другая,
Другой не будет жизни май!
С цветами, пляской, с ароматом
Мешай воздушные мечты,
И в этом мире, всем богатом,
Живи царицей красоты...
Твое волшебнo приближенье,
Чарует блеск твоих очей;
И ты легка, как вдохновенье,
С тобой поэту мир светлей!..
Но берегись сама поддаться
Очарованиям любви,
И чтоб *там* с небом не расстаться,
Здесь по-небесному живи!..

Чего-то нет

Чего-то нет — а все так мило:
От ламп так нежен полусвет;
Есть все, чтоб взоры усладило,
Чего, чего еще здесь нет?!..
Роскошно стелятся растенья
По белым мраморным стенам;
А здесь ума произведения —
Минутная забава дам —
Ковры, диваны, все богато!
Здесь перс с индейцем данник был;
Да, тут не дорожили тратой,
Чтоб кабинет их всех дивил!..
И в комнатах других чудесно,
Утешен вкус, прельстился взор:
Все так отчетливо, прелестно...
А что ж безжизнен разговор
И вял?.. Чего ж недоставало?
Плодов, цветов ужели мало?..
Чего-то нет!.. Чего же нет?
Кто даст на это мне ответ?!..

Зачем и гордо, и вельможно
Ты так взглянула на меня?
Твой краток блеск, величье ложно,
Ты перед Богом то ж, что я!..
Не в бархате, не с жемчугами
Предстанем мы туда на суд,
А только с нашими грехами:
Ценимы ж там лишь скорбь да труд.
Зачем же почестью кичилась:
Пред Богом всех зовут рабой!
Про здешнее ж, за гранью гробовой,
Ты скажешь: «Это все мне снилось!»

Совет

Берегись, младая дева,
Сладких взглядов, сладких слов!
Звуком сладкого напева
В сердце просится любовь.

Неприметно, незаметно
Птичка впорхнет в сердце вдруг
И чарующей, приветной
Песню твою уловит дух.

И тогда уж все пропало
В обаяние дивных чар!
Ты почувствуешь в сердце жало,
Очадит тебя угар!

Как от тайно-темной силы,
Круговой себя чертой
Очерти, чтоб не ходило
Без рассудка сердце в бой.

Ты на это скажешь: «Трудно!
Грустно вечно сторожить:
В жизни есть один миг чудной,
Как же тебе не любить?!..»

На разлитие вод

Разливайтесь, воды, воды,
По равнинам, по холмам
И как вестники невзгоды
Подходите к городам!..

Вы о власти той скажите,
Что во гневе так грозна,
И заснувших пробудите
От губительного сна!..

С вестью радости, ковчегный
К ним уж голубь не влетит:
Не отец к покорным нежный, —
Судия у врат стоит!!..

27 января

Ей

Ты голос тайного послышала призыванья,
И взор твой отуманен стал,
Ты поняла, что ты в стране изгнанья,
Где человек науку зла познал;
Ты на земле страданьем искупила
К святому верный путь,
Твоя хоть истерзалась грудь,
Но все тебя порой свежила
Небесная роса!

Хоть слезы горькие текли ручьями,
Хоть часто ты была под вражьими стрелами,
Но все твой взор и дух стремились в небеса,
И на прямой стезе ты все крепилась,
Чтобы ее не потерять.
И вот за то уж засветилась
Перед тобою благодать!..

Василию Андреевичу Жуковскому

Когда еще я, детским языком,
Дитя — по-детски лепетала,
Твои стихи уж я читала
И выросла с *Людмилой* и певцом.
Боясь и радуясь с ними,
Задумывалась я с тобой,
И вместе с песнями твоими
Я полюбила мир *иной*,
Мир непонятный, но чудесной!..
И наяву, и в сладком сне
Гуляла я в той стороне,
Куда влеклась стихов гармонией прелестной:
Мир здешний чары потерял,
И засветлел *иной* мне идеал!
Через тебя ж другое наслажденье
Открылось мне на языке родном:
Германский бард мне стал через тебя знаком:
В тебе я дум его постигла вдохновенье,
И оба вы слились в душе моей! —
Когда ж пришла пора страданий,
С зарей моих расцветших дней,
Я укрывалась в твой *мир мечтаний*,
Где, вместе с Шиллером, тебя встречала я,
И ваши неземные звуки
Целили грусть, целили муки,
Меня в эдем поэзии вводя!
И с той поры, для сердца трудной,
Сама не знаю отчего,
Следила я, поэт, твой жребий чудной:
Я гения следила твоего!..
С каким-то страхом и уныло
Глядела я, когда поэт,
Под обаятельною силой,
Оставля тихий кабинет,
Вошел беспечно в бурный свет,

Где не найдешь угла мечтанию,
 Среди тревог, и чар, и золотых сетей:
 «Что ж там, в чертогах у Царей,
 Остался ль верен он призванью?
 Все той ли дышит чистотой?
 Все с той ли к нам воротится душой?» —
 Так говорила я сама с собой.
 Я каждый звук поэта поверяла
 И думала: *«Нет перемены в нем!*
 И вот — вы видите — он тот же, что сначала:
 Он устоял в призвании святом!»¹

А.А.М.

при посылке перевода с немецкого

Тревоги жизни, суеты
 Затмили ясные мечты,
 И я давно уж не певала;
 Лишь песням сладостным певцов
 Я только изредка внимала.
 Давно не находила слов
 Душа — она в тоске томилась,
 И все несносно стало мне,
 Со всем прекрасным раздружились,
 Жила как в беспокойном сне:
 Как тени люди мне мелькали,
 У них души просила я,
 Холодные — не понимали,
 И больше грусть росла моя!..
 Под свистом вихря, в шуме бури,
 Не запоет певец лесов,
 Он любит солнце, блеск лазури,
 Лобзанье легких ветерков. —
 Когда я свет, людей узнала,
 Глубоко в душу грусть запала,
 И что-то часто сердце жмет.
 Не так, бывало, я мечтала!..
 Теперь мне чужд мечты полет.
 Один лишь гений утешитель
 Душевный хлад мой согревал:

¹ В ответ на это послание Ав. Павл. получила от Жуковского самое дружеское, прекрасное письмо.

То муз германских предводитель —
То Шиллер, — чудный идеал!
В моем к певцу благоговенье
Вполне я в душу приняла
И дивное его творенье
Стране родной передала¹.
Вам перевод мой посылаю:
Увы! в нем подлинника нет!
Каков-то будет, я не знаю
Ваш приговор и ваш ответ?! —

Я *Русской* именем горжусь,
Люблю душой святую Русь
И никогда не преклоняла
Колена пред чужой страной,
С восторгом пламенным внимала
Я звукам родины святой,
Что разливаются широко,
Как наши реки по степям,
И западают в грудь глубоко,
И много говорят сердцам.
В громадных все объемах щедро
Дано России — видим в ней
От гордо взвившегося кедра
До пышных роз и до лилей!
Ей, изобильной, плодородной,
Чужая помощь не нужна,
Любовию сильна народной
За то, что верю сильна!
За хлебом Русские в чужбину
Не едут — сыты у себя,
И как согласная семья
Делились в гладную годину...
Горжусь, что предки лили кровь,
Сражаясь за Россию славно,
Служили власти предержавной,
И их к тому вела любовь.
Пускай ничтожество из пыли
Бесславит все святые были,
Но их бессмертны имена,

¹ «Песнь о колоколе». Перевод Ав. Павл.

Им честь Россией отдана,
Они и кровью, и делами
Вписались в Русскую скрижаль
И были твердые, как сталь,
Отчизне верными сынами.

Я не хочу, чтобы читали
Мои мечтанья и печали,
Пройду украдкой в тишине:
Мой дар дан в утешенье мне,
Чтобы с души с ним все снималось,
И в ней ничто не накаплилось,
И ясность не мутило б в ней
Под тинной скорби и страстей!..
Я духом быть должна свободна
И — благодатного огня
Сосудом чистым, благородным
Я быть должна — вот цель моя!..

Часть III

Везде кипит водоворот:
Жизнь мелочей, тщеславья, взор обидный...
И все так грубо, все так видно;
Корысть и хитрость заодно!..

К львице

Душа устала, заболела
От приближенья твоего.
Что адское в тебе кипело?
Мне страшно стало — отчего?..
Твой взор какой-то странный, дикой,
Кипел неистовым огнем,
Он явной был тебе уликой,
Каким полна ты божеством!
И это бурное волнение,
Так охватившее тебя,
Не ада ль самого кипенье,
Не зарево ль его огня? —
Твои отрывистые речи
Забрызгали, как водопад,
И твой язык, как меч средь сечи,
Разил впадал иль невпадал.
Твое веселье оглушало,
Несносен резкий хохот твой,
Везде выказывалось жало,
Мне в душу веяло тоской!..
Нет, тяжело мне быть с тобою!
Ты в мир язычества спеша
И, с страшною своей душою,
В толпе с вакханками пляши.

И вот опять меня зовете,
Опять? — На что я вам нужна?
Какое пиршество даете,
Чем чаша радости полна?
Какую жертву на закланье
Мне вашим идолам принести?

Именье ли мое, иль мужа, или честь?
О чем, о ком повествованье
Возбудит в вас веселый смех?
На что глядеть мне, что мне слышать?
Чем душу с вами отвести?
От вас каким-то зноем пышет
И ваши страшны мне пути!
Нет, у меня стезя другая,
Противны роскошь мне и свет:
Я уж меж вами отжилая,
В пирах мне ваших — места нет!

Нет, я, княжна, вам не отдам
За весь блистательный ваш хлам
Мой светлый мир, моих былых мечтаний,
Которых молодость моя была полна.
Оставшись на земле одна,
Я много так душой перестрадала
И много, много тайн узнала
В минуты тяжких мук своих,
Невыносимых, безотрадных,
Между существ жестоко хладных
И мертвецов живых!..
Теперь же я не та уж стала,
С тех пор как вас и мир ваш разгадала;
За это я хоть дорого дала,
Зато душа спокойна и светла!..

Зачем?

Зачем идти на ваш базар,
Где все на свете продается:
Гасить тот дух — заветный дар,
Который свыше нам дается?
Нет, это хуже чем зарыть
В земле талант свой многоценный:
У вас легко засуеченной
Себя и Бога позабыть!..

К К...

Гори, гори тщеславьем света,
И в этот огонь ты подложи
Дрова коварного навета
И духа гордости и лжи!
И будешь ты, мертвец ходячий,
Все с обездумленным челом
Бродить, как не слепой, не зрячий,
И разгораться тем огнем...
Томительно в огне том тлеет
Душа, покуда не замрет...
И вот тогда в тебе дозреет
Для ада насажденный плод!

27 января

Трапезы ваши и пиры,
Как мне ужасно надоели!..
В глаза друг с другом вы добры —
А за глаза — друг друга б съели!..

Неверующим

Смотри и знай, есть много уверений,
Что нас не забывает Бог:
Среди всеобщих треволнений
Есть верный путь в Его чертог:
Раскаянье, молитва, слезы
Туда надежно проведут,
И все врагов твоих угрозы,
Как лист осенний, отпадут!

6 октября

Поклоннику света

Скажи, седой поклонник света!
Что выиграл и чем теперь ты стал? —
Везде являясь как комета
Среди своих и чужестранных зал,
За все придерживаясь мненья,
Без внутреннего убежденья,
Ты выдохся! ходячий труп уж ты!
Они умчались, тщеславия мечты:

И вот, с душою помертвелой
И с дряхлым телом и больным,
Ты бродишь, сгорбленный и поседелый,
А все за то, что много им
Ты кланялся — *богам земным!*

Напрасно ты, богач надменный,
Взглянул так гордо на меня:
Даров есть много выше тленных
И тайн есть много бытия!
Ни дать, ни взять их невозможно:
Они меж Бога и душой:
А прочее все сон, все ложно
И все умчится суетой...

Напрасно ты так много хочешь
И требуешь так много от людей,
Напрасно обо всем хлопочешь,
И сыплешь остротой речей,
И тратишь много на уборы,
Чтоб приманить вельможей взоры.
Поверь, напрасно все — они слепцы
И ровно то ж, что ты со мною:
Что могут дать они? — терновые венцы
И после стать к несчастному *спиною!*

Кабинет и тоска Лидии

На мягком ты лежишь диване,
И плющ, и розы над тобой:
А ты, в каком-то все тумане
Глядишь с бессмысленной тоской.
Сын Африки, степей песчаных,
Пушистый тигр в твоих ногах;
Кругом французские романы,
Альбомов кипы на столах.
А там сигары, папиросы,
Карикатур огромный сбор —
И долгоносых, и курносых,
Чтоб усладить усталый взор.

Слетится рой пустоголовых,
Сигары дружно задымят,
И, развалившись на пуховых
Диванах, небрежно лежат!..

И пустяки болтают важно:
Кто лучше польку танцевал,
Или танцовщицу отважно
То вызывал, то освистал!..

Со скольких стран взяла ты дани,
И сколько тут ума, затей!
Парижа и Китая ткани,
А с ними ты — не веселей!..

Да, радости найдешь ты мало
От этих странных всех причуд:
Едва ты с ними поиграла,
А враг — тоска твоя уж тут!

О, все напрасно! Мир сей внешний
Не в силах грустных утешать:
Что ж может гостье он нездешней,
Твоей душе — что может дать?!

22 ноября 1846

Под мнимым блеском — так коварны!
В словах осахаренных — лесть:
За ласки вам — неблагодарны,
И за услугу плата — месть!!

Счастливец, право, ты какой!
Как много сделал ты для праздника Христова!
Всем от тебя чудесная обнова!
Но вспомнил ли Того, Кто праздника виной,
И чем же день Его тобою освятился? —
Ты сделал все для светской суеты
Так искренно, что чуть не разорился,
А для Христа что ж сделал ты?..

Влюбляйтесь, сватайтесь, женитесь,
За золотом ездите в Сибирь,
Торгуйте, ссорьтесь, разводитесь
И на душу навесьте гирь!

До этого мне что задело?
Мне в этом мало барыша:
От этого не страждет тело
И не грустит моя душа!..

Рязвязьись с грехом,
Будешь ты счастлива,
Светел будем сердца дом,
И ты станешь прозорлива;
Ангелов услышишь глас,
Благодастью просветлишься
И от всех былых зараз
Мигом исцелишься!

Января 2. 1847

От тебя тревогой веет,
Страшно мне лице твое!
То краснеет, то бледнеет,
Так и дергает его!..
Видно, буря закипела
В глубине души твоей,
Помолись, чтоб онемела
Буря грозная страстей!..

Января 28-е. 1847

Стань на месте, укрепися,
Посмотри кругом:
Все идет вверх дном,
Стой, крепись, молчи, молися!

27-е марта, час ночи. 1848

Не любит сердце, коль умом
Холодным чувство поверяет
И об союзе душ святом,
Как об товаре рассуждает!..
Нет, дева, нет! беги его!
Дыханье в нем могильно-хладно,

С ним будет грустно бытие,
Он вестник муки безотрадной.
Оставь его, оставь изныть
В борьбе какой-то бесполезной,
Когда не хочет он любить,
Зачем же, право, быть любезной,
И красоту свою терять,
И блеск очей мрачить слезами,
Гасить и песней благодать?
Ведь мы живем не с мертвецами!..
Когда любви не понял он,
Пусть грезит жизни странный сон!

Вертитесь, кружитесь, бегите
И день, и ночь, и до утра!
Кружась, пируя, грех ловите,
Пусть толще все растет кора,
И вы во мрак все далее, далее!
Вам все равно, что в Божьей вы опале,
Что Бог уж не глядит на вас,
Что беса вы потехой стали;
И только он отдаст приказ,
Вы и к ногам его упали!..

Вопрос

Что ищешь ты, что ищешь ты?
Когда сверкаешь так очами,
Лица искажены черты;
Какими ж вся горишь огнями,
Скажи, скажи, дочь суеты?..
Твой новый дом блестит обновой,
Все житницы твои полны,
Ты молода и ты здорова,
Еще твои спокойны сны;
Тебя так тешит блеск уборов,
Гостей ты любишь принимать
И острой солью разговоров
В толпе поклонников блистать!
Даров тебе с небес немало,
Цевница слушает тебя!..
Зачем же выпускаешь жало
Что ж твой еще желает я?

Что такое поэт?

Иль ты думаешь, поэт —
Купленный тобой невольник,
Иль недоученный школьник,
Или мебель в кабинет,
Иль убранство для гостиной,
Где он должен с сладкой миной
Слушать ваш нелепый вздор,
Иль ценить тщеславья сор,
Добытой большой ценою,
Насыщаться суетою
И в наружности одной
Жить лишь телом — не душой?
Брать за золото хлам ваш пыльный,
Вашей гордости базар
И считать пузырь тот мыльный,
Непросыпный ваш угар,
За прекрасное, святое!
Нет, напрасно! хоть поэт
И дитя душой, но злое
Знает он — изведал свет!..
Знайте ж, он сосуд избранный,
В нем небесный огонь восжжен,
Он пророк, народу данный,
Чистых дум вместитель он!
Через его уста несется
Жгучий истины глагол,
И земле не поддается
Этот высшего посол;
Быть нахлебником не может
И не может быть льстецом,
На позор ваш песню сложит,
Но не будет век рабом!

Кометы

Кажись, одеты все прекрасно,
У всякой есть свой кабинет,
Все говорят так громогласно,
И шляпки от мадам Аннет!..
Но мысли, чувствами согреты,
Найдутся ль в этих существах?
Оне, как яркие кометы,
Блеснули ярко на балах,

И где ж их ореол блестящий?
Их праздник — скоропреходящий;
Букет едва их облетел,
Уже волнами мира смыты
И уж на место их, забытых,
Другой воздушный рой слетел!

Все разговоры знатных дам,
И все блестящие собрания,
И выставок базарный хлам —
Минуты лишь очарованья!
И что ж весь этот звон глухой?
Он смерть душе, он телу гнилость!
Ужели сей итог пустой
Свести к нам может Божью милость?

Княгиня! как меня вы одолжили,
Что так стихи мои хвалили!
Поистине, подарок ваш велик!
Но гибко-сладкий ваш язык
Хвалить привык налево и направо,
И всех с улыбкою одной!..
Иль мните вы такой приправой
Поэта наградить?! Нет, гул пустой
Лишь сердце натомит?! — Вам непонятно
То, что в душе его горит!
Он свыше награжден за чувство благодатно
Не вы его, — а он вас подарит...

Убиение Линовского

Ужели в жизни этой можно
Спокойным и веселым быть?
Все призрак, обольщенье ложно,
И все готово изменить!
Ум, младость, красота, наука
Блестят мгновение одно,
И из всего родится мука,
И все в объеме неполно!
Не здесь ли взгляд вельмож кичливый
И без значенья много слов,
Базар изделий суетливый
И руки дерзкие рабов!..

К Ж.З.

Доколь ты будешь, дочь сомненья,
 В твоих бессмысленных мечтах,
 Языком лжи и ухищренья
 Вещать о тайнах в небесах?
 Тебе ль, — погрязнувшей в земное
 И чаду суеты, страстей, —
 Созданье колебать святое
 Безумной дерзостью своей?
 То осуждать его, то мерить
 И заставлять людей не верить,
 Когда не знаешь и сама,
 В гордыне твоего ума,
 Какой держаться веры хочешь...
 А над таинственным хохочешь!
 Ты, может, жаждешь веры той,
 Где буйность воли развязали,
 Где скромность с чистою душой
 За плод невежества считали,
 А узы брачные за вздор
 Или условный уговор,
 А не обет пред троном Бога;
 Где со всего снята узда,
 Где вопреки и чувства, и стыда
 Открыта для страстей дорога;
 Где пенится с вином бокал,
 Сигары, чаша пуншевая:
 Вот вера где твоя живая,
 И твой эдема идеал!..
 Зачем посты? зачем молитвы?
 То бредни прежние глупцов,
 Зачем с собой и с миром битвы
 И небывалый полк бесов? —
 Все это выдумки пустые
 (Сказала ты) бывалых дней,—
 И поколенья молодые
 Заразу пьют твоих речей...
 По выбору, своей дорогой,
 Иди, кружись, вертись, пляши, —
 То дело лишь твоей души; —
 Но буйною твоей тревогой
 Не заражай умы других
 И не касайся до святости,
 Несясь на крыльях гордыни
 В разгулах жизни пировых!..

Совет

Храни, храни, младая дева,
Младую душу от страстей,
От гордых замыслов, от гнева,
Из чаши зависти не пей,
Не увлекайся обаяньем
Безумной, светской суеты,
Не будь под пагубным влияньем
Своей заманчивой мечты;
Блаженства не ищи в нарядах
И слов не говори пустых;
В улыбках и лукавых взглядах
Не расточай ты чувств молодых!
Но будь как жрицы той богини,
Что, для заветных святыни,
И жизнь, и юность в дар несли,
И, отделившись от земли,
Любовь земную отвергали,
И, в чистых думах о святом,
С благоговеньем сохраняли
Священный огонь пред алтарем!..

Картинкой журнальной на бал ты влетела;
Камелия с розой трепещут в кудрях,
Какая же фея тебя так одела?
Свежа ты, как чудный букет твой в руках!
Но как мне узнать, весела ль ты, печальна?
Как это решить? Ты так странно глядишь,
Танцуешь без жизни и, в сфере сей бальной,
Болезненно, трудно ты ноги влачишь.
Где ж юности живость, и пылкость, и чувство?
Уже ли ты вся — лишь модистки искусство?..

В сердце перлу ты драгую
Береги, как клад святой!..
С ней пройдя стезю земную,
Ты душе найдешь покой:
Если злобой и страстями
Ты ее не заморишь,
А молитвой и делами

Все заветную живишь!
О, расстаться с ней ужасно!
Смерти хлад тогда сожмет:
С ней ничто нам не опасно, —
Перла в небо проведет!..

Много объехал ты стран на чужбине,
Много наслышался, много видал,
Что ж из всемирной ты этой святыни,
Что же, запас ты какой нам набрал?
Света ль уму, или сердцу покоя,
Тайну ль, чтоб в жизни не лить боле слез,
Или, чтоб краткий ты век свой удвоя,
Мог бы без терний набрать себе роз?
Или нашел ты ту тайную силу,
Чтобы семейство людей съединить?
Иль безответную нашу могилу
О таинстве жизни загробной спросить?..
Чем же гордишься и что же ты знаешь?
Что же ты *нового* нам рассказал?
Так же, как мы, ты в тоске утопаешь,
Так же в несчастьи становишься мал!..

Чувства Н.К.Р.

Да, чтоб там ни было — люблю;
Как бы меня ни мучили, ни гнали,
Какие б ни были страданья и печали,
А сердце будет все твердить: «люблю»!

Ты весела так и спокойна,
Блаженствуя в своей семье,
Твое лицо всегда так стройно,
Что, сознаюсь, завидно мне;
Свежи твои ланиты алы,
И ярко так глаза блестят!
Твои желанья, видно, малы,
И мысли душу не мутят!..
Зачем же я так беспокойна?!
Вдруг слезы брызнут из очей,
И станет так лицо нестройно,
И закипит в душе моей!..

Л.А.

Изныла ты — чего-то в жизни ждешь,
И ищут все — все с тайною заботой —
И здесь и там — глаза твои кого-то...
Вот иногда и речь с улыбкой заведешь,
Но слезы тут как тут: — они готовы
Потоком брызнуть из очей;
Приличий света тягостны оковы:
На золоте, в цветах, меж радужных огней,
Все ты, как тень тоскующая, бродишь
И все желанного для сердца не находишь!..

Тоска негра

Я расстался с тобой,
Как с своею душой,
И пустыня кругом,
Нет отрады ни в чем!
Что родная страна,
Что мне пальм вышина,
Что оазис густой?
В нем один я с тоской!..
Где же очи твои,
Бриллианты мои,
И коралл на устах?
Что мне в светлых звездах?
Что мне конь ретивой,
Мой товарищ лихой?!..
Без тебя пропаду,
К зверям лютым уйду...
Зора, Зора! вернись,
Ты обрадуй меня,
Здесь тепло, здесь маис
И твой верный друг, я!..

После бала

Как пролетел — и ожиданье
Чего-то — быстро все прошло!..
Да, помню, в зале было так светло,
И дамы пышные, и офицеры,
И много фраков было там,
Для польки были кавалеры
И счету не было цветам...

Я слушала, мне говорили
Все на лету, схватить нельзя,
Везде по залам мы ходили
И все ждала чего-то я!..
А что ж осталось после бала?
И сожалеть ли мне об нем?
Проснулась поздно и устала!
Чего ж на бале я искала,
И грустно мне теперь... О чем?!

Да, есть огонь, который плоть пожрет
И сокрушит состав могучий тела:
Он так *бессмертную* схватил и жмет,
Что вся, в пылу его, истлела!..

Беллини! где ты эти звуки взял?
Их увлекательная сила
Нам что-то чудное открыла:
Не ангел ли к тебе слетал?..
Он пел, он пел... а ты писал!..

Тебе не может быть понятно,
Что кроется в душе моей:
Ты молода, — и благодатна
Заря твоих прекрасных дней:
Цветешь — и вдаль еще надежно
И весело глядишь на всех,
Перед тобой мелькает рой утех,
И жизнь, тебя лаская нежно,
Еще лелеет и дарит,
А сердце без тревог — еще молчит!..

К играющему ребенку

Как счастлив ты, ребенок милый!
Беспечно всем играешь ты.
Страстей не ведаешь ты силы,
Далек от всякой ты мечты:
Но обруч, карты, каски — все игрушки,
И с ними поиграть тебе равно,
И молодые, и старушки —

Все для тебя — лице одно!..
Без грез, печалей и желаний
Живешь легко, беспечное дитя!
Но ведь в кругу таких очарований
Остаться долго нам нельзя.
Так продолжай играть, не зная,
Что ждет тебя, мой милый, впереди,
И сколько новых чувств в твоей груди
Забьется — и, под пыткой их страдая,
Ты вспомнишь детства дни свои,
Ты вспомнишь их — но невозвратно
Все унесут печали и года,
А ты не знал того, что в миг тот благодатный
С тобой твой ангел был всегда!

Прежней подруге

Ты мне былым, прекрасным промелькнула,
Подруга юности моей!
Весною средь зимы дохнула,
Опять в душе свежей, светлей!
Опять так чувство разогрелось,
Вся тяжесть лет куда поделась!
Я вспомнила наш прежний быт,
Все наши тайны молодые,
И свежесть девственных ланит,
И белизну твою, и очи голубые, —
Тогда для всех была ты хороша!
А для меня ты *прежнею* осталась,
За то что все в тебе — та прежняя душа,
Как в первый раз с тобой я повстречалась!..

Весенним птичкам

Они поют, их весть несется
В чудесных трелях над землей,
И радость в сердце с ними бьется:
Во всем я слышу звук живой!
Пусть и мы, ожив сердцами,
Почувствуем к тому любовь,
Кто осыпает нас дарами
И миловать всегда готов!..

В холеру

Итак, теперь нам все здесь изменило:
И в нас самих, и в воздухе — все яд,
И всяк из нас стоит перед могилой,
И ангелов мечи разят, разят!..

Везде кипит водоворот:
Жизнь мелочей, тщеславья, взор обидной...
И все так грубо, все так видно!
Корысть и хитрость заодно:
Кругом вас ластанят *недаром!*
То вдруг обхватят вас угаром,
То вы озябнете, — вам холодно!..
Куда ж и где от них укрыться?
Куда идти и что найти?
Заграждены все истины пути!
Ужель мир пошlostей и зла все будет длиться?
Ужель безумствам нет конца,
И пусты так останутся сердца?
И будут так торжествовать пороки,
И злу не прекратятся сроки?!..
Ужели не воскреснет вновь
В душах к прекрасному любовь?
Ужель на веру, как на моду отсталую,
С усмешкой будут все глядеть,
И даже и ее — поэзию святую,
В преданьях будут лишь иметь?!..

А. П. Б...й

Он улетел — твой ангел милый
В обитель светлую духов
И говорит: «Не плачьте над моей могилой,
Я у Отца, где жизнь и вечная любовь!..»

Н. Н. Д—у

Под грозным шеломом, со страшной щетиной,
Хоть пушки и ядра хранишь под рукой,
И блещет отвагой хоть взор твой орлиный,
Когда у людей загорается бой...
Но все не остыло в тебе ретивое,
Душа у тебя и светла, и пылка:

Храни же, храни же ты чувство святое!
Тяжка твоя шпага, — *рука же легка!*..
И что ж без тебя бы и звуки поэта?
И где ж бы участие им в людях найти?..
Ведь первый ты подал им руку привета
И первый решился *за бедных* идти!..
Вдруг вспыхнула искра, посыпалось злато:
Не ты ли ту искру раздул и зажег?
Ура! тебе, воин — в шеломе усатый!
И если не люди, — воздаст тебе Бог!..

И на что ж это похоже —
Нас, тверских, так обругать!
Что за право, для чего же
Свой язык с цепи спускать?
Безымянные доносы
Не приемлет правый суд;
Клеветы — в банк общий взносы
И процентов на дают!..
Мелочь личная — то злобы,
Не пророка то язык:
Мы повапленные гробы,
И не тот нам нужен крик!..
Если хочешь исправленья,
То исправься прежде сам
И укоры обличенья
Приложи к своим страстям!
Ты греми против пороков,
Личность — Богу оставляй,
Время грозное уроков
К нам пришло — и всяк внимай!..
Кара Божия над нами,
Поднята Его рука:
И с своими-то грехами
Нам расплата не легка!..

1-е января 1848

Високосный год осьмой,
Что ты, *новый*, что нам скажешь,
И каких явлений рой
Грозных нам еще покажешь? —

Отрезвятся ли умы
Души просветятся ль,
И от злых советов тьмы
Люди отчуждятся ль?
Больше будет ли любви
Меньше ль себялюбья
И найдется ль у судьи
Больше правосудья?
И к прекрасному в сей год
Будет ли стремленье,
И пойдет ли так же в ход
Наше песнопенье?
С роскошью и с суетой
Распростятся ль люди,
К Богу ключ любви живой
В их забьется ль груди?..

Или все тельцу золотому
Поклоняться будут все?
Или все жильцу земному
Жить в своем тревожном сне?
Все ли спеси безголовой
Взоры гордые бросать?..
Дай нам Бог иными стать,
Обновясь хоть в год сей новый!..
Да, попросим Бога сил,
Чтоб согрел Он и смягчил
Люд холодный и суровый
И добру нас поучил!..
Чтоб Своею благодатью
И небесной светлой ратью,
Оградя Россию, спас!
И чтоб с запада зараза,
С юга страшная проказа,
Не посмели тронуть нас!..

Маскарад

Вот ваш пир!
Вот ваш мир!
Сердцу на томленье,
Без плода мученье;
Даже он
Не смешон:

Плоть без мысли, лишь в наряде,
При своем тщеславном взгляде,
С пустотой
И тоской!
Душу так мне натомило;
Никакой меня уж силой
К вам не притянуть:
Истрадалась грудь!
И зачем? Что ж там найду я?
Нет, играть, — нет, не могу я
Ни собой,
Ни душой.

Ты так бледна, суха и холодна,
Хоть модой так наряжена,
Что, — так хотелось бы, порою,
Узнать мне от самой тебя:
Ты кажешься ни мертвой, ни живую,
Так где ж душа твоя?!..

На смерть доброго миллионщика

Хоть были у него миллионы,
Равно как бедный он угас;
Быть может, бедных только глас
И к небу их молитвенные стоны
Его на небесах спасли;
А что земные миллионы?
Они остались для земли!..

Зачем ты хочешь мне закрыть уста,
Когда они от духа все глаголят?
Ужель, когда кругом и лгут, и колят
Безумье, роскошь, суета, —
Я все должна молчать? — Нет, нет, напрасно!
Покамест мой вращается язык,
Пока мой ценит дух, что есть прекрасно,
Дотоль болезненный мой крик
Не перервется — нет! — Так отчего ж порою
Во мне так много чувств кипит?
Ужель могу остаться я немую,
Когда душа заговорит?!..

К XXX

Скажи мне, и в тебе не та ли
Жизнь тех воскресших дев минутно из гробов,
Которые на миг восстали,
По манию бесов?..
И, вспомнив грешное, бывшее,
Кружатся, пляшут и поют,
В них будто все опять живое —
Безумно этот миг живут.
Но ненадолго обаянье
Утех, и жизни, и грехов:
Опять их взять на истязанье
Стоит за ними полк бесов!..

Зачем стихов хотите вы моих?
В них только желчь иль огорченье,
Иль сердца моего волненье
Я изливаю в них!..
Но мне иначе невозможно:
Мне тяжело тогда молчать,
Когда вокруг все лживо иль тревожно,
Ну как же с грустью не писать?..

Все приторное ваше счастье,
И сбор уродливых затей,
И моды глупой самовластье,
Гостиных пустота речей —
Все не изгонит, что таится
Моей души во глубине:
Хочу любить, хочу молиться
И духом крепнуть в тишине!..

Напрасно ты показываешь мне
Твои все пестрые уборы, —
Чужих голов ничтожные все вздоры.
Глядя на них, я будто в глупом сне,
И говорю: «Неужель это дело —
Свой ум и душу обирать,
Утратив дух, чтоб помертвелой
Свой труп так пышно убирать»!...»

Лгунье

Скажи мне, странное творенье!
Как можешь ты в себе вмещать
То странное соединенье
Добра и зла! — Как можешь исказять
Тебе дарованное Богом?
Зачем ты за собой не смотришь строго? —
Зачем себе ты позволяешь *лгать*?
Да ведаешь ли ты, что этого порока
Нет для души вреднее ничего,
И из какого смрадного потока
Он льется, чтоб сквернить храм сердца твоего?
Спаситель Сам, из уст своих священных,
Кого ж отцом нам назвал лжи,
Остерегая прокаженных,
Чтоб не сгубить своей души!
А мы, скажите, из чего же
Все так красно-бесстыдно лжем?
Торгуя тем, что в нас всего дороже,
Мы душу аду отдаем!!!

Павловский воксал

Я не хочу с воксальницами знаться, —
К прекрасному уж нет у них любви:
Их дар высокий — наряжаться
И выставлять лишь лоскутки свои.
Угасло все, чем жизнь должна светиться,
В законе, что нам заповедал Бог:
Им только надобно скакать, кружиться
Средь полек и средь мелочных тревог!..

От вас я шла — а небо чудно было:
Оно так ясно, ласково светило,
И мириады этих звезд златых
Невольно взоры зазывали,
И грустное от встреч дневных
С души так ласково снимали!..

Благодарю за обещанье
Придти ко мне — а что во мне?
Отломок прежнего — в страданье,
Все ноющий о старине:

О том, что прежде проще все живали,
Зато не так грустили и страдали!..
А нынешних веселий чад
Уж как-то мне и не под лета:
Тяжел он для души поэта,
Искусственный салонов сад,
Где все придумано для взоров:
«Гляди!» — тщеславье говорит,
А сердце грустное молчит
Средь пестроты таких узоров!

Что вы?

Предметов много перед вами:
Вот Гамс, Париж, Везувий, Рим;
Но где ж, скажите мне, вы сами,
Горите чувством вы каким?
И в этой прихотей неволе,
Что ж любите вы наконец?
Поэт ли, Гам или чернец, —
Что ж вас забавить может доле?
Мне это любопытно знать!..
Итак, — в пресыщенности вашей,
За полную вам жизни чашей, —
Сумеете ль ответ мне дать?
Так часто им вопрос желала,
Средь скуки, что меня стесняла,
Я с откровенностью задать,
Смотря на этот хлад печальный,
Начертанный на лицах их:
Не светоч ли мелькнул то погребальный?
Хоть это жизнь — но только не живых!..

Жемчужина (Аполог)

По берегу реки простак один ходил
И говорил:
«Слышал я, что жемчужины драгие,
Коралл и редкости другие
Находят здесь в реке — и от того
Так люди скоро богатеют
И с деньгами умнеют:
Те ж руки и глаза, так отчего
Мне не найти жемчуг тяжеловесный?

Я богачу его продам
И, обвитой вокруг шеи он прелестной,
Возбудит зависть многих дам.
Мне ж все равно, лишь деньги б были;
Иль мы глупее тех, что находили?!»
Так шел простак — глазел вокруг:
«Не ускользнет сокровище из рук,
Вот так и видится мне перл бесценный!»
А сам все шел, по сторонам глазел,
А в глубь почти и не глядел!..
Вдруг странник встретился, — он шел смиренно,
Но чудный перл блистал в его руках.
Простак, увидев, вскрикнул: «Ах!
Скажи, прохожий, мне, откуда
И где ты взял такое чудо?
Вот я давно по берегам хожу
И ничего не нахожу!»
«Вот ты каков! А я на дно морей глубоко
Спускался, и ходил между зверей морских,
И бился я подчас жестоко,
И уцелел едва от злобы их,
И долго, долго не давалось
Бесценное сокровище мое.
Вдали смотрел, душа все порывалась,
Но лишь в борьбе сгорало бытие!
Как вдруг блеснул мне свет, — и этот свет отрадней
Морских чудовищ удалил,
Они ушли в свой лог прохладный,
На дно к себе, в свой темный ил:
Как за кусок хватает гладный,
Так жадно я схватился за него
И не отдам за благо никакое,
За власть царей и ни за что,
Сокровище, страданьем добытое!..»

Поэту

(На его слова, что он прокаженный)

Он избранный, не прокаженный,
Коль может чувства изливать:
Земному эта благодать
Есть неба дар благословенный!..
Что ж выше здесь найдешь его?
Все блага приобрести возможно,
Богатство, почеть, быть вельможной:

Сокровище ж в тебе твое
Отнять и дать никто не может,
Ни ненависть, ни злобы ад:
Нет! внешнее его не сгложет, —
Горе те звуки улетят!..

Обман

Все внешнее — обман пустой,
Хоть почестью и спесью дуйся,
Хоть сядь под дождь ты золотой,
Хоть в мудрецы с наукой суйся,
Хоть всем кричи, что ты поэт,
Отделай пышно кабинет,
Будь с бородой, или с усами,
Иль моде будь покорный раб,
Корми всех жирно осетрами,
Предайся лени, как набаб,
Катись в нарядном пароходе,
Европу летом облети,
Все высмотри и осмотри,
Мечтай, раб плоти, о свободе,
В парламентах, как гость, сиди,
Взбирайся к жерлам всех вулканов,
Всех переслушай шарлатанов,
На все театры погляди,
Артистам их кидай букеты
И ум на лекциях лови,
Рассматривай, как все одеты,
Богатых умными зови,
И тщательно, встанув перчатки,
Без укоризны уловляй
От либералов все ухватки:
Ногтям все утро посвящай!
Всех женщин ты цени по коже,
Гляди на них, как на товар,
Добудь рецепт, чтоб стать моложе,
А там спеши на свой базар...
Но суета зачем вся эта?!
Душа все будет тосковать,
Когда ей *внутреннего* света
Не даст Господня благодать!..

— Сморите, как я поумнела
И как глаза мои блестят!
Я даже выросла, похорошела,
Хоть было мне под пятьдесят!..
— Вот каково!! Да что ж такое?
Сокровище ль нашла какое?
Как хочешь, но не верю я!..
Или источник отыскала,
Которого б чудесная струя
Морщины вдруг с лица смывала,
И лик вновь юностью б блистал!..
— Нет, все не то! — не отгадал!
Другой есть талисман чудесный,
Хоть, может быть, не всем известный:
Слова вельмож, привет их, взгляд —
Вам ум, талант и все дарят!..
Вот так, точь-в-точь, со мною было:
Графиня только лишь со мной поговорила,
Я тотчас сделалась умней,
И все со мною ласковее стали,
И только от ее сиятельный лучей,
Что я не дура, — тут узнали!..

**Обитель св. Иоанна
(Рассказ монаха)**

«Отец честной, скажи-ка мне,
Как ты, в дичи, там поживаешь,
На озере, в безлюдной стороне?»
«Ах, матушка! Нет, ты не понимаешь
Отшельников приют!! — То сущий рай!..
Там озеро — в пятнадцать верст широко
Вкруг нас легло, а наш блаженный край
Среди его. — Так от мирских далеко
Наш островок; хоть волны плещут в брег,
Но он для нас спасительный ковчег!»
Рассказывал так Павел, простодушный
Монах, одной старушке, говоря:
«Сударыня! Коль вам не будет скучно,
То продолжать охотно буду я:
Вот так живем мы просто, безмятежно:
На острову гора, и там

Сооружен, хоть небольшой, наш храм;
 Но в нем для нас уютно и надежно!..
 Когда еще царь грозный был давно,
 С тех пор, — в бумагах найдено, —
 В те времена — вот что случилось:
 Наш островок покрыт весь лесом был,
 И чудное в нем совершилось:
 Раз мужичок, в тот лес зайдя, бродил
 И, потеряв дорогу, заблудился,
 Настигла ночь, лес чаще становился,
 Для мужичка каков же был испуг!..
 Темно и глушь! Как тут нечистым не водиться?!..
 Там озеро — в него, пожалуй, бух!..
 Стал мужичок в беде такой молиться:
 Вот видит он, блеснул вдруг огонек,
 Как будто кто зажег вдали лампаду,
 И отлегло — хоть было доупаду!..
 И вот на свет пошел наш мужичок...
 Что ж он нашел? на дереве высоком
 Святого лик, лампада зажжена
 И, меж ветвей, во тьме глубокой,
 Как бриллиант светилася она!..
 Лик этот был святого Иоанна;
 Ты знаешь, он был ученик избранный
 Спасителя! — И так, на месте том,
 Построилась чудесная обитель,
 И мы теперь там, как в раю живем,
 Нам все дает небесный наш Хранитель!..
 И в полверсте еще есть островок,
 Для наших нужд — то славный уголок:
 Там скотный двор и пахатное поле,
 И огород, где много овощей!..
 Чего ж еще в отшельнической доле?!
 А рыбиц-то! — хоть ловим не лещей,
 А мелкую — наш невод не обширный, —
 Но ведь для нас обед не нужен жирный.
 Еще сосед тут барин добрый есть,
 Ходить в свой лес позволил за грибами,
 Березовых так много, что не съесть!
 Но мы всегда с спокойными душами!
 К нам редко кто заходит из мирских:
 С утра — во храм и Господу там служим,
 И молимся затем в трудах земных,
 Так вот живя, — о мире шумном мы не тужим!..»

Райской птичке

Ты пропой еще немного,
Услади печальный дух,
Ты наслышалась у Бога
Песни дивные, мой друг!..
Так, те песни неземные,
Что в душе светло звучат:
Ими на земле святые
Щедро нас, земных, дарят!..

На новый год 1846

Без чувства, мысли и участия
Кружится весь блестящий мир:
В его уме картину счастья —
Рисует новый пышный пир:
Тот метит показать обновы,
В них, меж толпами, проблистать,
Успех хвалить и быть готовым
Сейчас *ничтожность* обнимать!..

Картины живые

Картины виделись живые:
Как хорошо, и блеск какой!
Слетев, Плеяды неземные,
С своей серебряной звездой,
Сидят мечтательно, чудесно, —
О небе, зная, своем грустят!..
Весь этот мир полунебесный
И с ним картин воздушный ряд,
Все это нам, как сны, мелькало!..
На них спустилось покрывало —
И стало все опять темно...
Вот жизнь: года, мечты, явления,
Как ряд картин, как сновиденья —
Все на минуту лишь дано!..

Голос младенца к ангелу В живой картине, представляющей спящего младенца и ангела, его осеняющего

О! долго, долго оставайся,
Хранитель-ангел, надо мной!
И чаще, чаще прикасайся
Ко мне с любовью неземной!..

Ах! Пусть твое приосененье
На жизнь со мной осталось бы,
Чтобы людей прикосновенье,
И с жизнью тяжкие борьбы,
И все слегка бы лишь касалось
Моей неопытной души,
Но век бы то не расставалось,
Что ты наваял ей в тиши,
Когда младенца удостоил
Движеньем сладким крыл твоих,
Когда мой детский сон покоил
Виденьями из стран святых!..

Говорят, вошло к нам в моду
Пузыри пускать;
На посмешище народу
Тешится тем знать.
Из-за моря глупость эта,
Видно, к нам пришла;
Просвещения ищем света,
Эта ж выдумка пошла!..
Жертвой стали их обмана,
Тешим только их;
Все с ущербом для кармана:
Грустно за своих!!!
Ах, пора бы их игрушки
И оставить им:
Проиграем до полушки!
Лучше жить своим!..

Н. Б—е

Томила ты и тосковала,
Сама не зная, отчего,
Душа твоя того желала,
Чего не даст здесь бытие!..
Хотя ты средь блестящей жизни
И любящей семьи жила,
Но слышала все глас отчизны,
Узнать его хоть не могла!
Когда ж, в науки углублялась,
Мечтая в книгах рай найти:
Трудом ты только утомлялась,
Но не на том была пути!..

В науке, слишком горделивой,
Крушится только дух и ум,
А в мира сфере суетливой
Поток иссякнет чистых дум!..

Затеи моды и уборы,
И лепет праздный меж подруг,
Гостиных те же разговоры, —
Больной не исцеляли дух!..

Как узник, он в тебе томился,
Тебе давал нередко знать,
Что на небо он все просился
И звал, как манну, благодать!..

Лишь благодать, и без усилья,
Земных нас с небом помирят,
Придаст молитвой духу крылья
И падших к жизни возвратит!..

Нет, боле к вам я не поеду!
Зачем и что мне делать там?
Зачем идти мне к вам в беседу? —
Так тяжело и духу, и глазам,
Что уж и места нет живого...
Ваш мир — языческий есть храм:
Идут, кичатся в нем обновой!..
Смотрите, — вот сюда идет
Поклонник мира суетливый,
Как ласково он руку жмет,
Какой улыбкою счастливой
Дарит — но только лишь княгинь,
Или князей, или графинь...
Садится после величаво,
Как будто в думу погружен!..
Ах! пища ваша вся с отравой,
И страшен ваш вам лгущий сон!..

Когда кивнем мы головою,
Иль ласково поговорим,
То думаем, щедротою какою
И милостью собрата мы дарим!
Как глупы эти мне кривлянья,
Когда и все дается даром нам:
А мы, скудельные созданья,
То заслужили по грехам?!..

Зачем смотрите так спесиво
На мой наряд? — он прост, недорог он:
Не подчинялась под закон
Я никогда — ни знати горделивой,
Ни моды прихотливой;
Так, спросту, я всегда жила,
Стараясь угодить лишь Богу,
Затем, что Он один душевную тревогу
Уймет; — а как мала
Нам помощь от других: — тоскою
Застелят душу, узвоят,
Покроют будущее мглою,
На все свой острый выльют яд!..

Чем реже с вами я бываю,
Спокойней тем душе моей:
Я крепну в тишине своей,
А с вами много я теряю.
Нам сказано: что к миру в нас любовь,
Вражда есть против Бога!
Которая ж верна дорога?
На это надо ль много слов?..

Все объезжай края, страны,
Искусством услаждая взоры,
Всех обществ слушай разговоры,
Что остротой ума полны, —
И в недрах ты земли глубоких
Быты людей ищи былых,
И в тайнах мудрости высоких
Лови познания других; —
Когда ж в самом себе не сыщешь
Ты искры Божьего огня,
То верь, напрасно уж обрыщешь
И общества, и все края!..

Нет, не для вас, о, суеты созданья!
Я лиру строила свою:
У нас различные желанья;
Я ниже вас умом стою,

И помыслы у нас другие;
Я ваших не могу иметь:
В вас притязания земные,
Меня ж уже не может греть
Дух гордости, ни дух тщеславья,
Считаю то людей бесславьем:
Пусть тешит адских лишь духов
Себялюбивая любовь!..

Всю землю, небеса они завоевали,
Все криком взять хотят, —
И вот пять лет они кричали,
А небеса с землей по-прежнему стоят!..

Не ведаешь, мудрец земной,
Когда ты, буйством увлеченный,
Мнишь перестроить ход вселенной,
Умом своим над всеми стать большой:
Как дикий вол идешь, реवेशь, бодаешь;
Все уничтожить бы хотел,
И вот ты дико заревел,
Когда преграды повстречаешь!
Не признаешь ты власти никакой
И думаешь, упрямо-круторогой,
Закон везде поставить свой!..
Не ведаешь, что здесь верней есть путь до Бога:
Смотри: во храме там стоит старик;
Его в морщинах бледный лик
Изнеможен земным страданьем:
Пути все скорбные прошел,
Глядит на небо с упованьем,
И не манит его уж дол!
Но он, крестами просветленный,
В тиши, печалясь за людей,
Возносит к Богу глас смиренный,
Прося Отца помиловать детей!..
А там еще, смотри, подале:
Девушка в белом покрывале,
С невинным сердцем и душой;
Но мир холодный и жестокой,
Уж уязвил ее глубоко...
И вот, с болезнию немой,
Пришла она во храм святой,

Чтобы с людьми, с собою помириться
И с жаркими слезами помолиться!..
Меж нищих там еще, смотри, стоит,
С лицом, от солнца загорелым, —
То странница — и в мире целом
Ее ничто не веселит,
Но видит, знает все, скорбя душою.
С тоской по Боге неземною
Склонилась она пред Ним челом
В благоговении святом!
Вот, может быть, молитвы чьи доходны,
За них помилует нас Бог:
Ему *смиренные* угодны!
А ты куда несешь свой гордый рог?!..

— Ты говоришь, что он поэт;
Не верю, быть не может это:
Душа поэта ищет света, —
А там, где он, — там света нет!..

Оковы разорви земные,
Коль хочешь быть свободна ты,
Чтоб притязанья никакие,
Или ничтожные мечты,
На дух ярма не налагали;
Тогда и менее печали
И от себя, и от людей:
На сердце станет веселей,
И ближе к ангелам ты станешь;
Они научат, укрепят:
Светло тогда на землю взглянешь,
Прошед ее страданий ряд!..

Когда досыта нагладишься
На кабинет и на убор,
Когда досыта утомишься
Все слышать только праздный вздор,
Домой пойдешь с пустой сумою!..
Так все с голодной душою
Скитаться будешь каждый день
И, как томящаяся тень,
Ты не найдешь нигде покою!..

24 февраля

Лиде

Что ты, милая скучаешь,
В кабинете золотом?
Погляди на все кругом:
Ты чего ж еще желаешь?
Пред тобою зеркала
Все из цельного стекла;
Под окошком голубая
Резво плещется волна...
Но все томная, больная,
Ты, как лилия, бледна,
И рука так холодна,
Хоть камин твой жарко тлеет,
Запах льется от цветов,
Под ногой ковер пестреет
Бархатом живых лугов...
Вот картины, мрамор, вазы!..
Что ж у Лиды мрачен взор?
Есть и жемчуг, и алмазы,
Ими блещет твой убор!..
Но, на все глядя уныло,
Ты живешь, как не живя!..
Отчего ж все так постыло?
Чем больна душа твоя?!..

Огонь, огонь в груди гаси,
Что жарко так, так пламенно обхватит:
Не утоля, он жизнь твою утратит;
Не теплый луч он с небеси!..
Нет, он из ада — зноем пышет
И слез отрадных не дает,
Он все в порывах жгучих дышит;
Его ужасен будет плод!..
Его язык наш ангел с грустью слышит,
За то, что у него в словах гнилых
Все бред безумных пожеланий:
В нем нет ни светлых упований,
Ни отголоска дум святых!..

Наполеон! удачно ты в Париже
Над безурядицей победу одержал:
Высокое спустилось ниже,
И крик толпы мятежной замолчал.
Но берегись!.. у гидры много
Осталось затаенных глав:
Держись же крепче ты за Бога;
Не то в судах своих и грозен Он, а прав!..

Вопрос и ответ

— Зачем тоскуешь ты, как что-то потеряла,
И что ж тебя гнетет?
Куда, к кому и что тебя влечет:
К тому ль, что есть, к тому ли, что бывало?..
— Нет настоящего — прошедшее прошло,
Я сладить не могу с собою:
И все влекусь туда, к Нему душою:
С Ним было б мне светло!..

Счастливица

Они твои — надежды все земные,
Богатства, роскоши волшебный сад,
И быстрый ум, и речи огневые,
И в розах жизнь среди отрад!..
А я сошла уж с той дороги,
И мой тернист и скорбен путь,
Но не пойду туда, где ваши боги:
Пойду к Тому, Кто облегчит мне грудь!..

Усилья ваши все напрасны
И ваш наружный блеск — один лишь лоск,
При свете истины растает он как воск,
И, обнажась, — вы станете ужасны!..

Ответ на совет

Дай помечтать — оно пройдет,
Пройдет с слезами и страданьем,
Как цвет, что ветер осенний оборвет,
Как сон, с его волшебным обаяньем!
Не говори — узнаю все,

О чем так часто ты толкуешь,
Чем наше горько бытие,
Чем сердца чистоту волнуешь.
Из жалости оставь ты мне
Мечтаний аромат душистый,
Не возмущай эдем мой чистый
И не мешай мне в детском сне...

Зачем взглянул он на нее?
Она была тиха, спокойна:
Он взором высказал ей все,
И взор его, луч солнца знойный,
Спалил несчастной бытие!..
Зачем взглянул он на нее?!..

И здесь, у нас, есть перлы дорогие,
Есть бриллианты и алмаз,
И есть красавицы молодые,
С которых не сведешь и глаз!
Останься ж здесь, о, юноша прекрасный!
Зачем спешить в чужую даль?
Пути там скользки и опасны,
Останься здесь — тебя мне жаль!..
Ты говоришь, что там теплее,
Что там моря, там синий небосклон;
Ты говоришь, что люди там умнее,
Что там прекрасен жизни сон!..

Богини ваши мне не нужны,
Ни ваших идиолов собор,
Ни ваших слов головокружных,
Ни ожерелиев жемчужных,
Ни, по углам, настольный сор!..
Для бала на поклон не еду,
Обеды ваши мне вредят;
Зачем же вашу мне беседу
Глотать, как подслащенный яд?..

Иллюминация

Угасло все — исчез волшебный свет;
Темно опять! — его как будто не бывало:
Ужель всегда бывает темный след
За тем, что ярко так сияло?!..

Как в вихре вальса он несется,
И как горят глаза его!
И, верно, сердце бьется, бьется...
И как глядит он на нее!!..
Блаженные минуты упоенья!
Нельзя их дать, нельзя их заменить:
То юности волшебные виденья,
Когда душа уж просится любить!..
Лети ж, порхай ты с ней по зале!
Да, в чудный этот миг, она твоя,
И всех она прекраснее на бале,
И ты познал всю прелесть бытия!..

Жалоба цветов Флоре

Услышь, богиня, нас, помилуй нас!
Ты ведаешь ли, как наш род прекрасный
Толпой безумной губится напрасно!..
Услышь к тебе наш скорбный глас!
Мы все твои: и мирт, и анемоны,
Камелии, и розы, и левкой:
Тебя должны растрогать наши стоны!
Узнай теперь, как нас жестокою рукой
Вдруг срежут, но не с тем, чтоб нами любоваться;
Ужель мы расцвели роскошно для того,
Чтоб только нам у ног в пыли валяться?!..
Минутной суеты украсив торжество?!..
Мы брошены, и топчут нас ногами;
За что же так, богиня, поступать
С прекрасными, как мы, цветами,
И лучший дар природы унижать?!..

На жалобный крик птички

От радости иль от печали
Ты, птичка милая, кричишь?
Или от сердца оторвали
То, чем ты в жизни дорожишь?..

Да, я б помочь тебе желала;
Знакома сердца мне печаль:
И я в разлуке тосковала,
И мне кого-то было жаль!..
Судьба ж нам разная с тобою:
Ты улетишь, ты запоешь;
А я куда, с своей тоскою?
Кому, куда ее снесешь?..
Лети же выше поскорее
Ты, птичка бедная моя!
Тони в лазурь — и веселее
Отголь раздастся песнь твоя!
С землей исчезнут и мученья,
Когда взовьешься в облаках:
Блаженство всякого творенья
Полно лишь только в небесах!..

Недуг неизвестный (Слова юноши)

Какой-то недуг неизвестный
Меня внезапно обхватил:
Язык мой, ум мой — все отбил,
Хоть свел меня в свой край чудесный!..
Но что ж сбылось теперь со мной?
Какой-то мучусь я тоской,
Необъяснимы мне страданья!..
И чем же жизнь моя полна?..
Все дожидаюсь с ней свиданья,
И в мыслях все в моих она!..
Когда ж увижу — потерялся,
Безумен смысл моих речей;
Куда вдруг ум мой подевался?
И как я глуп бываю с ней!
С другими говорю прекрасно,
Взглянуть не смею на нее,
И что ж? я мучусь напрасно:
Я не сказал ей ничего!..
Скажите, те ль любви приметы,
Что совершаются со мной?
Воображенья ль то наветы,
Что пролетят, как сон былой?!..

Лишь только побывала я с вами,
Заслышала ваш резкий крик,
То распростилась я с мечтами
И стала уж совсем пуста...
Вот гибельная суета!
Тревоги их — все из пустого,
К высокому в душе их лед,
И каждая из лоскутка дрянного
Как в колокол набатный бьет!..

Не наряжайся в жемчугах,
Не надевай ты ткани дорогие
Блеска мира — в мимолетных снах;
А слава — что валы морские, —
Идут рядами — издали,
Кажись, надутятся — грозятся;
А только ближе подошли,
С простыми смертными сравнятся!..

Страница

Как скучно мне, как грустно мне!
Покоя нет мне и во сне:
В душе какая-то тревога...
Когда ж молиться стану Богу,
Тогда спокойней, веселей!..
Но тяжело мне между людей:
Их разговоры, их беседы
Меня ужасно тяготят!..
Так вот, на небо голубое
Пойду с восторгом поглядеть!
Вот облака летят грядками,
Как тонки, как легки они!
Какими нежными цветами,
Прозрачные, оттенены:
То бледно-розовый, — серебристый,
То перловой, то вдруг огнистый
Переливаются, скользят;
Как разнородно, как прелестно,
В калейдоскопе сем живом,
Для нас то скрыто, — хоть чудесно,

Но все в порядке том святом,
Который предписал Создатель
Созданию своему в закон:
Он недоступен, жизнедатель!..
Но с сердцем детским и простым
Открыто можем стать пред Ним!..

А здесь темно, здесь все изменно,
Людская радость мне грустна,
Что своевольна и мгновенна,
Пророками отравлена: —
Предайтесь ей — и потеряли
Покой и чистоту души:
В вас страсти буйно заиграли
И завлекли в водоворот,
К святому заграждая вход!

Порой на праздник шумный света
Бывала я увлечена,
Богато, роскошно одета,
В цветы и в жемчуг убрана,
И в этом дивном обаянье,
Меж ароматов и цветов,
В стране была очарованья,
Между сильфид, между духов;
Потоки звуков обливали,
И нервы, погружаясь в них,
Восторгом тая, трепетали,
Как будто не в стране земных!..
Но что ж? все это обольщенье,
Приманка чувств, — обман для глаз,
Минутной неги упоенье
И чад губительных зараз!..
И все в душе росла тревога!
И эта общая дорога
Давно меня крушит в тоске.
Так вот же — грустию томима,
Пойду, в одежде пилигрима,
Пойду я, с посохом в руке,
В Ерусалим, в места святые,
И погружуся в Иордан,
Чтоб воды хладные, живые
Уврачевали боли ран,
Что нанесли мне мир и люди;
Да утишать волненье груди
И да забудет взор и слух,

Все что меня меж них томило;
Пойду, чтоб сердце обновило
И чтоб восстал унывший дух!..
Везде какие-то расколы,
И допотопные глаголы, —
Былых язычников — дела;
Какая разостлалась мгла:
Старо учение Христово,
Не признают закон святой!
Его спасительное Слово
Для них теперь как сон бышой,
Что в детстве грезился когда-то,
И эту баснь замысловато
Покровом правды облекли
И, гордые сыны земли,
Не те ль безумцы, что мечтали
Уйти от Бога своего
И *стопп* огромный созидали,
Мечтая обмануть Его!..
Нет, с посохом я пилигрима
Пойду в святой Ерусалим,
Там уж не буду так томима:
Все сдам с души я перед Ним!..

Велик наш русский Бог! велик!..
Он искони хранил Россию,
И грозен был наш русский штык,
Когда встречал гордыни выю;
Над полчищами злых врагов,
В боях, мы чудеса творили,
Стоя за свой родимый кров,
И чудодейственные были,
Дела бессмертью отданы,
Как бились русские сыны? —
Пусть храбрость та же в них осталась,
Но к западу любовь в нас вкралась,
Пристрастны стали мы к нему
И больше русскому уму
Уже не верим! — а напрасно!..
Лишь захотеть увидеть ясно —
И многое в себе найдем,
Что можем жить своим умом,
Не увлекаяся чужбиной:

Широк в выси полет орлиной,
Там суждено ему летать,
И он до мелкого расчета
Себя не станет унижать!..
Тому ль ползти придет охота,
Кто может в небо залетать?!..

Не напрягай ни силы, ни желанья
Без воли Бога твоего,
И суемудрые мечтанья
Тебя лишь сгубят одного!..
А ты горе вперяй все очи,
Оттуда светит горный луч:
Порой, бывает, что средь ночи
Блеснет огонь из грозных туч;
Но он не свет наш благодатный,
Он не согреет, а сожжет;
А как же сделается тот
Для Бога жертвою приятной,
Кто ставит дерзко свой закон
Там, где всевластвует лишь Он!..

К А—у

Рвался, кипел и суетился
И все спешил куда-то он:
Знать, он туда заторопился,
Где дух свободой не стеснен!..

Нет, нет, давно уж я не ваша
И вам уж не принадлежу:
Всех благ полна так ваша чаша,
А я по терниям хожу:
Но это может быть полезно,
Чтоб вырвать злое из меня;
Тогда уж в сей юдоли слезной
Ждать не должна другого я!..

На рану общества ты указала;
Но чем ее целить, не знаешь и сама:
Ты много, много написала,
Но не от сердца — от ума!..

Лида

В воздушном одеяньи Лида
На празднике. — Как хороша она!
Не эта ль с воздуха вспорхнувшая сильфида,
Что жизнью эфирной так полна?..
Вот на челе и юном, и прекрасном,
Венок наброшен из лилей,
И все так стройно в ней, согласно:
Мир тихо светится из голубых очей,
Уста с невинною улыбкой...
Уж не влетел ли к нам, ошибкой,
Небесный — с голубых зыбей?!..

Дивным звукам и певице К.И.С.

Звуки, звуки! как давно,
Дивных, вас я не слыхала;
Все б вас слушала, все мало:
Сколько силы вам дано!!..
Голос твой так в душу льется:
В нем слеза, молитва в нем;
С ним невольно вспомнется
О прекрасном, о святом!

18 ноября 1846

**На получение иконы св. Сергия
от княгини Черкасской**

«Не ужасайся, избранниче мой!» —
Рекла Пречистая — и кельи кров смиренный
Вдруг заблестел денницей золотой,
А *Он*, к *Ее* стопам, слезами орошенный,
Не ведая, творилось что с Ним,
Очам своим не доверяя,
Что пред ним стояла Пресвятая:
Она пришла глаголом неземным
Подвижника утешить трудавова
И *явно* миру доказать,
Сколь велика быть может благодать
Для истого раба Христова!

19-е сент<ября> 1846

На последний вальс Вебера

Отколь сей звук? Не с неба ль он? из рая?
Нет, это не земных страстей язык!
Тот только, кто небесное постиг
(От сей земли в мир лучший отлетая)
Нам мог его так сладко передать.
Вот тайна вся твоя, непостижимый гений!
Не здесь — ты *там* искал высоких вдохновений,
В творениях твоих *бессмертия* печать...

К бюсту Сафо

Гляжу на этот бюст с каким-то умилением;
Века прошли — а все нельзя забыть
Той страсти пламенной волненье,
Прервавшей нежной жизни нить:
Она любила и страдала,
Лились со струн потоки жгучих слов,
И безнадежную любовь
Она с тоскою воспевала;
И повесть грустная дошла до нас!..
Таков поэта вещей глас:
Его глагол могучий, вдохновенный,
Ничем нечистым нестесненный,
Когда польется, загремит,
То вознесет иль заклеит!..

Когда б, порой, из горних туч
Мне не блеснул отрадный луч,
То что же я?
Мертва, ленива,
Подчас глупа, подчас бодлива...
Но Он отраду подарит,
Хоть на сердце тоска лежит!..

Для бедных

«Люди приходят и уходят, но
содеянное ими остается»
(Слова из грамоты Смолен. Кн. XIV века)
«Торопитесь делать добро!»
(Поговорка Суворова Рымникского)
Грозный царь спросил боярина: «Куда
подевал ты свои деньги?» — Боярин
отвечал: «Я отправил их к Богу через
руки бедных!»

Не часто ль, между тем, как мы, в веселом шуме,
Пируем, нежмися за роскошным столом,
Стена с стеной у нас, иль тут же, за углом,
Сидит бедняк в глубокой думе?
А дума важная... о том: «что есть? чем жить?
Чем Богом данную семейку прокормить?
Чем протопить свою избушку?
Чем шестерых детей и мать свою старушку
От голода и холода укрыть?»
И дум таких, когда помотришь строго,
И тут, и там найдется много... много!..
А средств для помощи ведь мало... даже нет!
«Что ж?» — скажут: «Общество людей и все так жило:
Издавна так идет уж свет!»
И равнодушным мы в ответ:
«А провидение издавна ж ведь вложило
В сердца людей и милость, и любовь,
И сострадание, — отраду бедняков.
В душе их тройственный мы часто слышим шепот!
Спешите! нам говорят — где плачь, где вздох, где ропот,
Где ночь не в ночь, — где дни не в дни!
Веди к отчаянным надежду... и гони
Из душ и хижин их тоску злодейку:
Не можешь более, — дай хлеба, дров, — копейку!..
И верь: душа в тебе как будто расцветет,
Когда бедняк свободнее задышит:
Копейку каждую, чем бедный оживет,
Наш ангел в грамоту нетленную запишет
И к Богу отнесет!!!»

К Пр—у

Здесь, средь кипящей суеты,
Живет отшельник благородный:
Ему высокое все сродно;
В нем мы находим две черты:
Христианина просвещение
И европейское ученье!..

Освобождение женщин

Да, ныне много так толкуют
О женщинах, — о *их правах*:
Вопросы эти всех волнуют
Во всех краях, во всех домах...
А трудно ведь решить: вопрос тяжеловесный,
Притом печатный и известный!
Да надобно ж узнать, какие то права,
Что женщины добыть себе желают?
В каких делах роль лучшую играют
И сердце их и голова!?!
Вопрос ведь важный, вникнуть должно,
Чтоб и последних прав не растерять,
Как женщине и где распорядиться можно
И, наконец, какую роль играть?
Посмотрим: может быть, засесть в сенате,
Или на кафедре наукою блистать,
Иль в уголовной быть палате,
Чтоб грозный суд преступным изрекать,
Иль мчаться на коне удалом,
Чтоб врезаться в ряды врагов
С ружьем, иль с пикой, иль с кинжалом,
Иль, в буйстве, с криком одичалым,
Ей тешиться над сечею голов?..
Какое же для женщин — званье
Они хотят иметь, чтоб двинуться вперед?
Не возмущать ли уж народ?..
Но жалкое и в том пищанье
Их будет странно и смешно!..
Еще вопрос: довольно ль женщинам дано
Телесной силы, мысли здоровой;
А в публике и *спич* сказать ведь мудрено!!..
Какое ж добывать еще хотите право?
Хотите заменить на службе вы мужчин?
То, чтоб начать, покиньте кринолин,

Затеи, прихоти безумной моды,
 А то для вас везде *расширить* надо входы...
 Ужель вам, женщины, не достаёт
 Того, что Бог послал на вашу долю,
 И кто ж мешает вам идти вперед?
 Но прежде вы поймите Божью волю,
 И станете тогда вы высоко:
 Ищите: есть для вас *прекрасное призванье*;
 Его хотите ль променять
 На пышный титул сенатора?
 Сенат и кринолин — живая ссора, —
 Нельзя с ним в службу вас принять,
 Нельзя мирить и звание такое
 С природы долгом матери святым...
 Вот, например: у вас *дитя больное*,
 Душа и сердце ваше с ним,
 А ехать вам в сенат уж надо,
 Дитя кричит — и вам под грустью и досадой
 Возможно ль правый суд держать?
 Вы председатель здесь — а там вы *мать!*..
 Не лучше ль взяться вам за ваше воспитанье, —
 Для вас всех прав важней оно,
 И сердце-то, кажись, у вас засорено,
 И ум заглох под западным влиянием:
 Ведь надо чуждое принять с умом,
 Чтоб различить и вредное что в нем!..
 Хотите прав — так отрезвитесь
 От обаянья мод, сует и мелочей:
 Молитесь больше и учитесь,
 Чтобы суметь воспитывать детей!..
 Под матери заботливой рукою
 Дитя увидит свет и понимать начнет.
 Кто ж проследит его во всем душою,
 Кто ж все прекрасное в нем разовьет!..
 Не вы!.. Вы гражданин, сенатор,
 Иль страшный вы, с ружьем, боец,
 Иль мнимый пред толпой оратор,
 Иль в ябеде погрязнувший истец!..
 Дитя ж меж тем все возрастает;
 Ни ласки, ни забот от вас оно не знает!
 Ужель вы можете отдать его *чуждой*,
 И не изнаёт сердце в вас тоской,
 Что вашего дитя *наемница* ласкает?..
 Ужель и не известна вам,

Что личность всякая *свое* имеет?..
О! многим женщина владеет,
И много так пред ней бледнеет,
Лишь бы самой *своим* не изменить правам;
Они велики, важны, милы!..
И для чего ж вам *женственность* дана?
А в ней и кроются существенные силы!..
А кто же может отнимать
У вас таланты, ум и дарованье —
Не женщине ль дано очарованье,
Чтоб в жизнь других цветы вплетать?..
Есть женщины у нас и были,
Которые, не только долг исполнив свой,
 Законный и святой,
Но выше долга став, себе не изменили
И нам оставили урок,
Как женщины высоко назначенье:
Тернистый путь казался им далек...
И, несмотря на нужды, на гоненье,
Самоотверженно они, с любовью, шли
За милыми в леса и край суровый,
Деля свободно их и участь, и оковы,
И ангелами стали на земли...
А Крым, а подвиги *сестер* для нас живые,
Ужель их можно позабыть?
Давно уж знает Бог, — те подвиги святые,
Что *милосердые жен* умело совершить!..
Оставьте мелочи, — и ваше мненье
Уважат, примут, может быть:
Невольно будет к вам почтенье,
Коль в сердце вы сумеете хранить
Святые чувства, что даны вам Богом
На украшенье, пользу, честь!..
Пусть с Запада несется весть,
Что женщины у нас в подданстве строгом;
Махните им рукой — пускай кричат!
Вы ж в родине своей, живя, благоухая,
С Христом по жизненной стезе ступая,
 Не можете идти назад!..
Да, можете пред жизнью бодро стать,
С Христом лишь будьте неразлучно:
Тогда и не опасно, и не скучно
 До цели достигать...

Тверь. 21 января 1861 г.

Здесь, на земле, когда меня не станет,
Быть может, кто-нибудь
Меня, жалеючи, вспомянет:
«Ее болезненная грудь
В себе любви вмещала много
И много скорби понесла:
Теперь уже она у Бога,
А там не могут помнить зла».

Из <«Сборника стихотворений»>

19. Человеческое познание

Если свои письма ты в природе читаешь,
Если явления все в группы собираешь для глаз,
И линии чертишь, в поле ее бесконечном,
Не мечтой, потому что твой дух всю обнял ее.
Так и небо в фигурах астроном описует,
Чтоб в безмерном пространстве взор нашел его,
Выжжет дальные солнца, хоть Сириус их разделяет,
Спрячет их в лебеде и в рогатом тельце.
Но понятны ль ему сфер таинственны беги,
Оттого что свод звездный в глобусе являешь ему?

22. Встреча

Еще я зрю ее, среди подруг стояла,
Прекраснейшая всех была в моих глазах:
Как солнце предо мной она тогда сияла;
Стоя в дали, не смел я двинуться на шаг.
В восторге вся душа моя вострепетала,
Когда вокруг меня простерся блеск в лучах;
Но быстро, будто бы внезапно, окрыленный,
Ударил в струны я, воспел, кем вдохновленный.

Но что я чувствовал в то самое мгновенье.
И что я пел тогда, не помню ничего.
Нашел я новое внутри меня внушенье,
Священный отзыв был в нем сердца моего;
Душа, пребывшая так много лет в стесненье,
Освободилась вдруг от плена своего,
И тоны в глубине ее тогда открылись,
Что в непонятном сне божественном таились.

Когда же долгое молчанье струн прервалось,
Когда моя душа, мне возвратилась вновь,
То в ангельских чертах ее изображалась,
Что в споре <нрзб.> ей стыд и нежная любовь;

Что к небесам несусь, в то время мне казалось,
Когда услышал я всю тайну сладких слов,
О, разве в небесах, среди духовных хоров,
Заслышу чистый тон, тон светлых разговоров:

Сколь верная душа терзается тоскою,
Скрывать буду, к безмолвью принужденный,
Ей цену ведаю безвестну ей самой,
Мстить буду за нее судьбе ожесточенной,
Будь <нрзб.> бедною принимая <нрзб.> златой
Срываю одна любовь, цветок любви — бесценное
Сокровище любви, тому принадлежит,
Кто чувствует его, и кто его ценит.

33. Ожидание

Двери ли слышу движенье?
Или задвижка брячит?
Нет — а ветра дуновенье
В листве тополя шумит.

Укрась себя, зеленый кров густой
Сюда придет блестящею красою!
О ветви, тень устройте вы собой,
О ночь, покрой таинственную тьмою.
Не задремлю, зефиров легкий рой
Резвись, играй над розовой луною,
Когда ночь драгую принесет
И в храм любви легко ее введет.

Что ж в шлетни там толкнуло,
Что, пробираясь, бежит?
Нет — знать птичку что спугнуло,
Из кустов она летит.
О ясный день! Гаси твои огни!
О кротка ночь, привыкшая к молчанью!
Румяный флер вокруг нас распространи,
Покрой ветвей таинственную тканью!..
Любовь летит, лишь ухо к ней склони,
Бежит лучей, подверженных вниманью.
Подруга ей, вечерняя звезда,
Смотри с небес в безмолвии всегда.

Издали голос несется,
Шепот слышится там.
Нет — кругами лебедь вьется,
По серебряным волнам.

Гремит в мой слух Гармонии поток,
Журчит там ключ, шумит, и льет прохлады:
Зефир лобзать склоняется цветок,
Все твари пьют веселья и отрады:
Там виноград и персик сквозь листок
И манят вкус, и привлекают взгляды;
Душистый пар вокруг воздух весь живит,
Свежая жар с пылающих ланит.

Слышу я, шаг там раздался.
Что, шевелятся кусты?
Нет — плод зрелый оторвался
И упал от полноты.
Но день свой взор огнистый преклонил,
Пал в сладку смерть, в нем краски побледнели;
Вечерний свет сосуды растворил,
Которы в зной скрывались и робели;
И свет луны сияньем озарил,
Растопив мир, все массы онемели,
Со всех красот развязан пояс пал,
Его собор открытый мне предстал.

Что там, белея, сверкает?
Или одежда шумит?
Нет — столб каменный мелькает
И сквозь темный лист блестит.
О, томный дух! что ж в радости твоей,
Престань играть, бесплотными мечтами!
Пуста рука, стремившаяся к ней
Не обольстишь ты щастия тенями!
Сведи меня с живой драгой моей,
Чтоб осязать я мог ее руками
Хотя б я тень одежды созерцал!
Тогда бы сон мне сладкой жизнью стал.

<нрзб.>

Тихо подкралась она.
Поцелуем она разбудила
Милова друга от сна.

55. Боги Греции

Миром сим когда вы управляли,
Смертных всех на помочах вели;
От счастья их к отрадам провождали
Существа из басенной земли!
Блеск везде в служении встречался,
Вид совсем иной тогда был там,
Из цветов венцами украшался
Светлый твой, Киприда, храм.
Вымыслов когда покров волшебных
Истину любезно одевал,
Ключ тогда воды целебной
В твари жизнь и чувство проливал.

Ныне где, как мудрым всем известно,
Шар летит, безжизненный, с огнем,
Там своей упряжкою небесной
Правил Феб, в величии своем.
По горам вселялись Ореады,
Жили все Дриады в древесях,
И из урн любезные Наяды
Лили чистый ток в речах.

Богом лавр был избран для Короны;
В камне сем Тантала дочь молчит;
В камышах Сиринги слышны стоны,
Филомелы глас в кустах звучит.
В сей ручей слеза Деметры пала,
Как она терзалася в тоске,
С сей горы Киприда вызывала
Друга тщетно вдалеке.

И тогда к сынам Девкалиопа
С высоты небесной сонм слетал,
И любви не избежал закона
Светлый Феб, пастуший посох взял.
Смертных всех, Богов и всех героев
В нежну связь Амур соединял.
Жертву там герои, Боги, смертны,
Всяк Венере посвящал.

Мрачный вид, печально отречение
Отгонял пресветлый ваш обряд;
Всех сердец отрадное биенье
Слило их с источником отрад.
То святым считали, что прекрасно:
В стыд себе Бог радость не вменял.
Заодно и с Музами согласно
Хор Харит повелевал.

Каждый храм ваш в блеске улыбался.
Вас герой чрез игры прославлял.
В празднествах венец готовился
Цели всяк в ристаньи достигал.
Плясок хор, веселый, оживленный,
Алтари кругами обвивал;
И венец, победами сплетенный,
На власах у вас блистал.

Свое там с тирсами кричали;
В упряжи богатой тигры шли;
Вакха все с весельем ожидали,
И Сатир с фауном впереди.
Вкруг, резвясь, Менады восхваляли
Вакха сок веселой пляской их;
И его ланиты приглашали
К радости гостей своих.

При одре не зрелось привиденье
В смертный час; а поцелуй примал
Хладных уст последне дуновенье,
Факел жизни гений погашал.
Стиксовы весы и с их законом
Смертный внук в руке своей держал;
И своим фракиец жалким стоном
Самих фурий умягчал.

Место тень с отрадой обретала,
Где весна всегдашняя цветет
Там любовь супруга обретала,
Там герой ристалище найдет.
Линус песнь обычну возглашает,
И найдет Альцесту там Адмет;
И Орест Пилада там узнает,
Остры стрелы Филоктет.

За труды тогда добра ревнитель
Мзду себе высоко получал.
Громких дел преславный исполнитель
Во предел блаженных возлетал.
Чтя устав предписанный судьбою,
В тишине склонялся сонм Богов,
И сиял с Олимпа над водою
Свет двух братьев-близнецов.

Светлый мир! где ты? где? возвратися,
Век отрад, цветущий век златой!
Только нам лишь в песнях сбереглися
Басен след и вид твой дорогой.
Все мертво, там пусто все в долине;
Нет Богов уже в моих глазах;
Память я о сей живой картине
Вижу лишь в одних тенях!

Все цветы завяли сей долины,
Как подул суровый Норд на них.
Чтобы стал богат из всех единый,
То исчез сей мир Богов самих.
Я ищу тебя между звездами,
Нет тебя, Селена, нет нигде!
Кличу я в лесах и под волнами
Отзыв мне пустой везде!

Нет, своих природа не умеет
Ни красот, ни радостей ценить
.....
.....
.....
Там равно как мертвый бой часов
Тяготы закону лишь послушна,
Всех лишённая Богов!

Завтра
Рост
В колесе
Месяцы
Возвратясь в поэзии селенья,
Покидают Боги хладный мир.
Он велик уже для вспоможенья.
Сам собой летит в Эфир.

Все что есть высоко и прекрасно,
Ими все с собой унесено!
Краски все и звуки все согласны,
Слово здесь бездушное одно!

56. Помпея и Геркуланум

Что за чудо свершилось! мы ключи для жажды просили,
Земля, у тебя, что ж шлет нам утроба твоя?
Или в бездне живут? или есть под лавой сокрытый
Новый род? иль претекший возвратился назад?
Римляне! Греки! на древнюю Помпею смотрите!
Вновь открылся град Геркулесов; строится вновь!
Всходит столб за столбом, огромный Портик открывает
Своды свои, о, поспешайте его оживить!
Открыт обширный театр: да в него стремится толпами
Чрез семь отверстий народ! Да наполнит его!
Где же вы, мимы? вперед! совершай уготованну жертву,
Сын Атреев! Орест, приведи трепещущий хор!
Куда ведут победны врата? узнали ль вы форум?
Что тут за лица на стуле Курульском сидят?
Ликторы, все наперед! Садись на судебное место,
Претор! свидетель явись и доносчик пред ним!
Чистые улицы видны там: с мостовою высокою,
Узкая там тропинка тянется к домам.
Крышки служат щитом, под ними покои прекрасны
Дружно и скромно объемлют уединенный двор.
Лавки откройте скорей, итак долго засыпаны двери!
И в дрожащей ночи да веселый появится день!
Видишь ли ты как чисты скамьи вокруг становятся,
Как, пестрым камнем блистая, поднимается пол?
Как свежа вся стена от красок ярко горящих.
Где же художник? кисти свои он лишь бросил теперь.
Живо веселый фестон виды прелестны объемлет
Полных и зрелых плодов с цветами в стройном кругу.
С грузом в корзине резвый Амур прыгает мимо;
Гении вдруг алое там выжимают вино.
Скачет в пляске Ваханта, вот сном покоится, дремля,
И еще не насытил себя зреньем лукавый Фаун.
Быстро, пылко она Центавра вертит на колене,
Одной только держась. Пирсон подстрекает его.
Мальчишки! что же вы медлите? вот прекрасны сосуды:
Девушки, черпайте, вот здесь Этрусский кувшин!

Вот и треножник стоит там, на Сфинксах крылатых.
Огнь разведите, рабы! скорее ставьте амвон!
Кутите! вот вам монеты со штемпелем мощного Тита,
Здесь лежат и весы, смотрите, в них гири сполна.
Скоро зажгите свечу, там стоящу, в прелестном шандале,
Светлое масло в лампаду налейте скорей!
Что лежит в сей шкатулке? взгляните, что жених посылает.
В дар застёжки золотые, много камней цветных!
В баню ведите невесту! все благовонья готовы,
Вот притирание в стеклянке кристальной стоит.
Но где же все мужи? где же древние все? в важном музее
Редких свитков сбор драгоценный в кучах лежит.
Тут мгла для письма, тут восковые дощечки;
Все там цело, с верностью все сохранила земля.
Даже пенаты стоят и все вновь там находятся Боги,
Но почто же одних лишь священников нет?
Стройный Гермес в воздухе машет своим кадуцеем,
И победа летит быстро из держащей руки.
Все готовы стоять олтари, жгите на них Фимиамы
Бог давно жертв лишен, их выкурите пред ним!

57. Слова заблуждения

Три слова слышатся в которых вес большой.
И добрые, и те, кто лучше, повторяют;
Напрасен их голос и звук их пустой.
От них нет помощи, они не утешают.
Всяк может плод жизни шутя потерять,
Когда кто стремится лишь тени искать.

Пока он думает, что будет век золотой,
В который все добро и правда воцарится.
Доброе, правое страдает борьбой;
Враги им вовек не покорятся.
Когда ж не придавит он в воздухе их,
То с силой восстанут из хлябей земных.

Доколь от счастья он ветреного ждет,
Что с добрым, доблестным оно сойдется;
С любовным взглядом вслед оно за злым идет,
А доброму в удел земля не достается.
Он странник, и в своем пути
Непреходящий дом желает обрести.

Доколе мыслит он, что ум его земной
Знать может истину не ложно;
Покров не снимется вовек смертною рукой,
А нам отгадывать и думать только можно.
Твой дух в звучном слове как в узах живет,
Свободный и в бурю бесстрашно плывет.

Оставь же, о душа! всех призраков предел
И веру ты храни святую,
Чего не слышал слух, чего ли глаз не зрел,
В том узришь красоту и истину прямую.
Но не во внешности, безумец ищет там,
Оно в тебе, его ты производишь сам!

58. К Эмме

Во тьме туманной и ужасной
Счастье прежнее лежит;
Но звезды одной лишь ясной
Мой любовью взор живит.
Но и звездных блеск лучей
Видим мы во тьме ночей.

Если б смерть рукой жестокой
Скрыла свет твоих очей,
То с тоской моей глубокой
Ты б жила в душе моей.
Но свой круг переменя,
Ты живешь не для меня.

Страсти! пылкое стремленье,
Эмма! может ли пройтись?
Что исчезнет, что в забвеньи,
То любовь не может быть.
И любви огонь святой
Не умрет, как дар земной!

59. Расставанье Гектора

Андромаха

Ты ль идешь, расставшись со мною,
К тем местам, где грозною рукою
Мстит Ахилл и другу платит дань!
Кто же наших чад тогда научит

Чтить Богов, с мечом ходить на брань,
Если Оркус нас навек разлучит?

Гектор

Удержи, супруга, слез теченье!
В брань меня влечет души стремленье:
Я спасу рукою сей Пергам!
За Богов, вступая в их брань святую,
Я умру за родину драгую
И сойду ко Стиксовым брегам.

Андромаха

Звук брони твоей мой слух не внемлет;
Меч лежит в твоих чертогах, дремлет,
Род царей падет — иссякнет славна кровь!
Будешь там, где смеркло дня сиянье,
Слышно где Коцитово стенанье
В Лете вдруг умрет твоя любовь.

Гектор

Мысли все, желаний всех предметы
Погружу в струи унылой Леты,
Но любви моей не унесет!
Враг идет, свирепствует, ярится,
Дай мне меч! престань о мне крушиться.
Нет! любовь и в Лете не умрет.

61. Брак Фетиды

Гимн брачный гремит,
Сердца веселит,
Цитры веселья, тоны направля,
Флейты, свирели к пляскам зовут,
И, хоры составя,
Музы поют,
Брак пелся с прекрасной Фетидою, славя.

Там, где нектара кубки звучали,
Где вершину до облак подъял Пелион,
Там Кудри златые плясали
И, летая, носились под стройный тон
Сладостных звуков лик разливался.

Н

В горе у Центавров сей плач раздавался,
И лес Пелиона его повторял.

Радостью светлую пир сей блистал.
Нектар сладчайший, дар сей небесный,
Фригиец, Зевсов любимец прелестный,
Из кубка золотого сам почерпал.
Сестры божественной живо плясали,
Пляской повевали блестящей песок:
Сплетясь руками, они составляли
В их хоровод прелестный кружок.

С увенчанною главой,
Свой оставя лес далекий,
Полконя, полчеловека,
Вдруг Центавры всей толпой
В пир божественный предстали:
Всех их кубки привлекали.

Ты живи благополучно,
Нереида! так ей звучно
Пел Вакхант Фессальский хор;
То же пел девичий хор.
Слава той звезде прекрасной,
Кого грудь твоя родит!

58. Достоинство Женщин

Чтите пол нежный! Он важен собою.
Розы небесные, с жизнью земною,
Держит любви союз дорогой,
В чистом покрове хариты питает
Тщательно, вечный огонь сохраняет
Чувствий прекрасных священной рукой.
Правды преходя пределы,
Дикой силой муж своей,
Устремились мысли смелы
В море бурное страстей.
Жадно в дальность он летает,
Нет для сердца тишины.
И чрез звезды уловляет
Он обманчивые сны.

Женщина взглянет — волшебство приятно
Беглого манит в оковы обратно,
Словом откроется к счастью дверь.
С матерью, в хижине, скромной, старинной,

Женщина нрав сохраняет невинной,
Кроткой природы верная дочь.
Мужа злобное стремленье
Сильной властью все крушит,
Дико дней идет течение,
Не отдохнет, не стоит;
Что соделал, разрушает;
И в желаниях с борьбой
Он как гидра воскресает
С обновленную главой.

Женщина славой довольна смиренной,
В жизни цветок преломила мгновенно,
Нежно питает его и хранит.
Мужа свободней, хоть связана делом,
Мужа богаче знаний пределом,
Где в бесконечном он круге парит.
Строг и горд, собой довольно умный,
Муж холодный не поймет,
Что союз сердец священный,
Рай богов, в любви дает;
Он размена душ не знает
Не растает он в слезах,
Дух железный укрепляет
Больше в скорбях и бедах.

Так как Зефира слегка дуновенье
Арфу Эола приводит в движение:
Так, уязвленные чуждой бедой,
Женские души ей сострадают,
Грудь воздымается, очи блистают
Перлам подобно, небесной росой.
Строго муж повелевает
Права сильного ярмом:
Скиф мечом все покоряет
И творится Перс рабом;
Страсти все в борьбе великой
Весь их сонм ярься кипит,
Глас ревет Эриды битой
Там где нет уже Харит.

Женщины кроткой одно убеждение
Нравственным скипетром держит правленью
Тушит раздоры, где огонь их горит,
Учит, чтоб силы хотя враждовали,
В форму единую то сопрягали,
Что вечно друг друга бежит.

63. Дружба

О, велик в себе существ создатель! —
Устыдись, дум мелких соплетатель,
С трепетом хотящий знать закон!
Мир духов, телесное движенье,
В цель одну их колеса круженье:
Так то видел мой Невтон.

Сила та как бы рабы в подданстве,
Сферы все вокруг среды в пространстве
В путь излучистый идут. —
Духи все в системы сопряженны,
К солнцу вечному всечасно направлены
Как ручьи в моря текут.

Друг! не то ж всемогущее стремленье
В радостном любви соединеньи
Наше сблизило сердца?
Рафаель! Я, взяв тебя рукою,
К солнцу вечному дерзну идти с тобою,
Бодро подвизаясь до конца.

Счастлив я, что встретился с тобою!
Ты из тысяч многих выбран мною,
Ты из тысяч стал моим. —
Пусть хаос мир целый возмущает,
Пусть атомы неон собой мешает,
Мы сердец не охладим.

Пламенем твои горящи взгляды
В душу льют мою лучи отрады;
Я в тебе себе дивлюсь!
Мне теперь земля прекрасней стала
Друга образ ясное зеркало,
В коем небом веселюсь!

Время слез уныние свергает,
Сладостно от бури отдыхает
На груди любви самой; —
Ищет даже сам восторг пылливый
Встретить дружбы взор красноречивый,
Чтоб найти себе покой.

Если б твари все со мной расстались,
Души мне и в камнях бы мечтались;
Я бы их, обняв, прижал. —
Если б стон мой в воздухе терялся,
Я б пещер отзывом восхищался
И душой им отвечал.

Мертвы мы — коль ненависть питаем;
Боги — если мы, любя, лобзаем,
Если жаждем сладких мы оков.
Сила та в божественном стесненьи
Вверх свое имеет направленье
В сонме бесчисленных духов.

Съединясь, восходят постепенно
От могола до Пророка вдохновенна,
Все с последним Серафимом сцеплены;
И в кругах имеют цель едину
До поры, как вечно светлую пучину
Мера, время упадут погружены.

Ощутя, Всемощный, нужду в друге,
Создал духи, и в их круге
С благостью своей изобразясь.
И тогда всех выше сотворенных
Их сосуда Царства душ блаженных
Бесконечность пролилась.

64. Вильгельм Телль

Где силы дикие, делясь, враждуют,
Где в ярости слепой война горит;
Крамолы где, свирепствуя, воюют,
Где правды глас потерян и молчит,
Где без стыда пороки торжествуют,
Где буйство все священное сквернит;
Где сорван якорь, всех земель подпора —

Там места нет для радостного хора.
Когда ж народ, стада пася смиренно,
Без чуждых благ, довольный сам собой,
Свергая вдруг с себя ярмо надменно,
И в гневе чтит других людей покой.
В победе, в счастье скромн неизменно,
Достоин быть прославлен как герой.
Сей образ радостно тебе представил я
Все, что велико, то есть собственность твоя.

65. Меланхолия к Лауре

Солнце в огненных лучах
Чрез твои пылает взгляды,
Кровь румяная в щеках,
Перлы слез в твоих очах —
Чада нежные отрады.
Где та капля упадет,
Там в сердца восторг пройдет.
Кто ж и с даром сил томится,
Солнца свет пред тем явится!

В зеркале души прекрасной,
Как серебро, как солнце ясной,
Вкруг тебя и в осень май;
От тебя светлеет край
Дикой, томной и ужасной.
Мрак и с будущей тоскою
Позлащен твоей звездой;
Когда ж гармонии улыбку дашь твою,
Тогда о ней я слезы лью.

Не в тьме ли ночи погребены
Основы твердые земли?
И наши здания надменны,
И грады целые в пыли
На остовах покой вкушают.
Твои гвоздики запах пьют
Из тленья, и ключи твои сверкают,
И слезы из могилы льют.

Воззри! — планеты над твоей главою
Плывут, дай им беседовать с тобою!
Пронеслись под кругом их

Весенних много дней младых;
И много выросло корон:
Многих битв был слышан стон.
Средь жестких сих лугов
Ищи ты их следов!
Рано ль, поздно ль в гроб падут
И колеса побегут
Звездных всех миров.

В три мига солнцев блеск златой
Погаснет в море смертной тьмы ночной!
Спроси, отколь твои лучи сияют,
И с гордостью огонь в очах горит?
Отколе свежий цвет ланит?
От тленья рыхлого сиянье занимает.
Дав красы тебе в заем,
О, девица! смерть потом
Лихвы тяжкой ожидает.

И под прелестнейшей румяною ланитой
Еще прелестнейший трон смерти учрежден,
Цветочной тканью сокрытой,
И лук рушителя отголе напряжен. —
Поверь, что истину мечтатель изрекает:
Едину смерть твой томный глаз зовет,
И взора твоего луч каждый пьет
От скудной жизни огонь, и тем ослабевают.
Пульсом хвалишься своим
Что бьет он молодо и живо;
Поверь мне, тварь тиранов лживо,
И, тленью покоряясь, стучит согласно с ним.

Смерть улыбку на устах
Так, как ветер, рассеет прах,
Иль как радужные воды.
Тщетно ищешь их следов:
Из жизни, из ее плодов,
И из весны природы
Растет убийца вечных всех родов.

Рассыпаны лежат твои, я вижу, розы,
И бледность мертвая на сладостных устах.
На круглых и живых щеках,
Свирепствовать начнут болезни и морозы,

И туман суровых лет.
Ключ светлый юности вдруг мутным станет:
Тогда любить Лаура перестанет,
И в ней любезности совсем увянет цвет.

Как твердый дуб поэт перед тобою,
В нем сила юности как твердая скала,
И, смерти притупляясь, падет пред ней стрела.
С огнем в глазах и с пламенной душою,
Как будто в небе он горит;
И в небе вечном и лазурном,
В своем он море в мире бурном
Скалы и ставит и крушит.

Переводы

Ф. Шиллер. Стихотворения

1. Явление девы

В долину бедных пастухов
Являлась каждый год весною,
При первой песне соловьев,
С чудесной дева красотой.

Никто не знал, отколь, куда
Она пришла и возвращалась,
Ее не видели следа,
Когда, как сон, она скрывалась.

Когда же шла, навстречу к ней
Душа с любовью летела,
Но дева отдалять умела
Осанкой важною своей...

Она с цветами приносила
Плоды каких-то стран чужих:
Земля не наша их растила,
Не наше солнце грело их!

Блистал под щедрою рукой
И плод, и цвет в убранстве ярком;
И внук, и дед его с клюкой —
Всяк шел домой с ее подарком.

С приветом сельской простоты
Радушно *всех* она встречала;
Но для *пылающей* четы
Цветы свежее выбирала.

2. Дифирамб

Верьте, я знаю,
К нам не приходят
Боги одни:
Только лишь Бахус захочет спуститься,
Мальчик крылатый за ним суетится;
Феб светлоокый туда ж, где они...

Идут, подходят,
Сближаются с нами,
Земные чертоги
Полны уж богами.

Чем угощу я —
Я, земнородный —
Светлых гостей?
Дара от смертного, боги, не ждите;
Дайте бессмертье! меня вознесите
К светлому небу, в свой эмпирей!..
В чертогах у Зевса
Живет только радость:
Подайте ж мне нектар,
Дарующий младость!..

«Дай ему нектар,
Геба, поэту
Полный фиал!
Влагой небесной омой его очи;
Пусть не страшится он стиксовой ночи,
Пусть мнит в упоенье, что нашим он стал!»
Небесный источник
Играет волною,
И перси и око
Полны тишиною.

3. Песнь о колоколе

*Viros voco. Mortuos plango. Fulgura frango.
В землю сройте, сруги, тверже
Форму глиняную — в ней
Вильем колокол теперь же.
Ну, товарищи, сружней!
Пусть же от работ
Градом льется пот!
Дело — мастеру хваленье;
Но с небес — благословенье!*

Друзья! за важными трудами
Приличны важные слова:
Работа с добрыми речами
Спора, успешна и жива.
Размыслим же и мы прилежно,
Что и от скудных наших сил
Быть может... Презрен неизбежно,
Кто необдуманно творил!
В том человека украшенье,
Ему и разум для того,
Чтоб прежде рук его творенье
В душе созрело у него!

*Дров из пихты! в них и сила!
 Чтоб лишь сух запас их был;
 Чтоб из тесного горнила
 В желоб сжатый пламень бил.
 Медь скрей расплавь,
 Оловом добавь,*

*Чтоб кипящего металла
 Влага плавно протекала.*

Чтоб в яме мрачной и глубокой
 Теперь рука огнем творит,
 То с башни некогда высокой
 О нас потомству возвестит.
 То будет в поздних днях и дальних
 В слух смертных с силой ударять
 И, разделяя скорбь печальных,
 Молебный хор сопровождать.
 И все, что рок своим законом
 Устроит для сынов земных,
 Метальным повторится звоном
 И будет поученьем их.

*Пузыри кипят, смотрите!
 Хорошо! Раствор течет.
 Всыпать щелочь поспешите,
 И литье скрей пойдет.
 Пену отбивай!
 Плавку очищай!*

*Чтоб из чистого металла
 Звучность чисто вылетала.*

Младенца с жизнью поздравляет
 Торжественный, веселый звон,
 Когда приветливо порхает
 Над гостем жизни — жизни сон.
 Еще во тьме таятся дальней
 Веселый жребий и печальный,
 А лоно матери младое
 Лелеет детство золотое.
 Но дни летят, летят стрелой!
 С подругой-сверстницей расстался
 Довольный отрок сам собой,
 И пылко, бурно в жизнь помчался,
 И долго по свету скитался...
 К отцу пришел он как чужой:
 Цветущей юностью сияя,
 С величьем чудной красоты,
 Как мимолетный ангел рая,
 Как образ с горней высоты,
 Пред ним и скромно, и стыдливо

Стояла дева молчаливо...
Для юноши исчезнул свет:
Он сам не свой!.. Он цепенеет,
И в безмянных чувствах млеет,
И чувствам тем отчета нет!..
Теснятся слезы — он к прекрасной
От буйных юношей спешит;
Заря любви — румянец страстной —
В лице то гаснет, то горит;
Ее привет его живит. —
Идет, волнуемый мечтами,
В луга, где зеркальный поток,
Чтоб для нее, между цветами,
Сорвать прелестнейший цветок.
О, сладость первых упоений,
Любови первой миг златой!
Среди надежд и вдохновений
Тогда, лелеяся мечтой,
Душа в отверзтый рай летела:
Двойная жизнь лилась в крови...
Ах! если б вечно зеленела
Для нас весна молодой любви!..

Вот уж трубки стали рдяны!

Трость спуцу на пробу я:

Если примет вид стеклянный,

Близко время для литья.

Ну, теперь мы здесь

Испытаем смесь:

Все ль удачно съединилось,

С твердым мягкое смесилось?

Где сила с кротким, строгость с нежным
Союзом связаны надежным,
Раздастся там согласный звук.
И кто себя навеки вяжет,
Спроси, что сердце сердцу скажет:
Мечта кратка, — но сколько мук!..
В девственном венке прекрасном,
Вот невеста в храм идет;
Слышим радость в звоне ясном:
Он гостей на пир зовет.
Праздник жизни длится мало,
Мая жизни скор полет:
Сняли пояс, покрывало,
И мечты уж боле нет!..
Пыл страсти пройдет,
Любовь остается,
Цветок отцветет,

И плод развернется.
 Муж должен с трудом
 В бой с жизнью стремиться,
 Искать, суетиться,
 Садить, упражняться,
 Хитрить, помогаться,
 В удачи пускаться,
 За счастьем гоняться:
 Тут скоро богатство польется ручьями.
 Пожитки в амбаре лежат за замками,
 Расширилось место, просторнее дом.
 В нем, в скромной заботе,
 Хозяйка в работе,
 В семейственном круге,
 Всегда в недосуге;
 И девушек учит,
 И мальчиков с ними:
 Трудом не наскучит:
 Руками своими,
 Через свой оборот,
 Умножит доход;
 В лари накапливает драгие пожитки;
 Жужжа вертено выпрядает ей нить.
 И в шкафы запасы собирает она
 И шерсти волнистой, и белого льна:
 Так с блеском и пользу она соединяет,
 Покоя не знает.
 С сердцем веселым хозяин глядит
 С верхней светлицы высокого дома;
 Счастье, довольство его веселит:
 Он крепкие видит из бревен накаты,
 И видит амбары товаром богаты;
 И закромы гнутся, запасами полны,
 На нивах златые колышутся волны...
 Тогда самохвально уста изрекли:
 «Твердо, как будто основа земли,
 Дом мой, богатством блестящий, стоит;
 Буря несчастья меня не страшит!..»
 Но с судьбиной переменной и странной
 Связи устроить нельзя постоянной:
 Смотришь, несчастье вдруг налетит!
 *Ну, теперь литье начнется,
 Уж зубчат и чист излом!
 Но пока металл польется,
 Мы молитву вознесем.
 Краны отверни!
 Боже! дом храни!*

*Вот, дымяся, в желоб чистый
За шумел поток огнистый!*

Полезна сила нам огня,
Когда, обузданну, храня,
Владеет ею ум людей.
Он благодарен силе сей
Небесной. Но всегда страшна,
Когда, расторгнув цепь, она
Сама себе откроет дверь,
Как вольная природы дочь.
Горе, если ей, свободной,
Возрасти не воспретят!
В улице многонародной
Вдруг пожары закипят...
Так стихиям хищным сродно
Враждовать на труд людей!
С туч прольется
Дождь приятный,
Благодарный;
С тех же туч —
Молний луч.
Чу! тревога... Вот звонят,
Бьют в набат;
Вот, как кровь,
Небо красно,
Не от зноя и жаров;
Как ужасно
Все трещит,
Дребезжит,
Дым валит,
Вверх столп огненный взлетает;
Он бежит и возрастает,
Все крушит, опламеняет;
Как в горниле ярким блеском
Рдеет воздух; бревна с треском
Упадают; стекла тают;
Дети, матери блуждают!
Дым, обломки,
Вопли громки
Вихрей свисты заглушают;
Все бегут, кричат, трепещут;
Зарева, как солнца, блещут;
С силой цепь гремящу мешут,
Цепь звяцает,
С ней взлетает
Вверх ведро; — и вот дугою
Бьет рассыпчатой волною

Водный ток навстречу зною.
 Огнь все ярче и быстрее;
 Рев животных и зверей;
 С свистом яростный Борей
 Налетел... В порывах диких,
 Носит, вьет огонь... и крики
 Слышны: «Житницы горят!»
 Зерна брызжут и трещат;
 Двери хлопают, брячат,
 И губительная сила
 Ломит балки и стропила.
 Все скрипит, шумит, грохочет;
 Пламень роет... будто хочет
 Горы с стержней их сорвать
 И как пух с собой умчать!
 И до неба взрос могучий,
 И челом раздвинул тучи —
 Исполин.
 Властелин,
 Смертный, пред Творцом, в смиренье,
 Смотрит, как его творенье
 Беспощадно погибает.

В пепле все;
 В дома, в кровы
 Вихри ломаются суровы.
 Ужас, страх в пустых окошках
 Уж гнездятся;
 Облака, летя, глядятся
 Сверху в них.

На жилище,
 Пепелище
 Горький взгляд
 Мешет, обратясь назад,
 Человек, схватя свой посох.
 Хотя огнем лишен всего;
 Но он отрадным чувством полон:
 Всех близких поголовно счел он,
 И ни единой у него
 (В семейном счете оказалось)
 Главы драгой не затерялось...

*В должном весь состав смешенье,
 Весь удачно в форму влит;
 Иль желаний исполненье
 Нас за труд не наградит?
 А напасть придет?
 Форму разсвервет?*

Сколько раз душа ласкалась

Счастьем... вдруг беда подкралась...
Утробе мы земли священной
Труды вверяя рук своих,
С волненьем ждем плодов от них,
Как жатвы ждет благословенной
Оратай от небес благих.
И человек драгое семя
Земле, с печалью, предает;
Но чаёт, что настанет время —
Оно из гроба процветет!
Слышен с башни
Звук густой,
Звук унылой,
Гробовой;
Звон протяжный, звон печальный,
Чу! то вестник погребальный!
Ах! то нежную супругу,
Милovidную, младую,
Князь теней, дыша злодейством,
И с супругом, и с семейством
Разлучил... Где мать детей,
Что в расцвете ранних дней
В счастье вокруг родной росли,
Под крылом у ней цвели?..
Смерть — всеобщий разлучитель —
Связь расторгла сладких уз,
И сошла теней в обитель
Та, кем цвел семьи союз!
Где ж заботливость прямая,
Дети мать найдут ли в ком?
Без любви войдет чужая
К сиротам в отцовский дом!..
*Но пока состав хладеет,
Тяжкий труд оставить нам.
Как на воле пташка реет,
Вольно всем идти к домам.
С блесками звезды
Кончатся труды;
К ночи всякий отдыхает,
Мастер отдыха не знает!*
Шаг удвоя, став бодрее,
Странник дикой бор минует:
Он спешит в свой мирный домик.
Вот овец блеюще стадо
И телиц широколобых
Идет тучная станица;
Вот их ревы

Весть дают, что близко хлевы.
Тяжкий воз,
Кольхаясь,
Едет с скрипом
И с венками
Над снопами...
Дев, и жен,
И молодых жнецов для пляски
Рой летит.
Город спит;
В рынках, в улицах затихло.
Вкруг свечи семейной мирно
Все домашние теснятся.
И врата градские стража
Запирает.
Исчезает
Свет дневной.
Тишиной
Добрых граждан не пугает
Темный час.
Пусть он злых и пробуждает,
Но закон не сводит глаз.
 О, порядок благодатной!
Ты гармонией приятной
Равномысленных сближаешь,
Грады зиждешь, устрояешь.
Из пустынь, лесов глубоких
Дикарей созвав жестоких,
Поселил в них, дал уставы,
Умягчил крутые нравы,
И дар — высший всех даров, —
Дал к отчизне им любовь!
 Сотни рук в соединенье
В общий труд сопряжены;
И в их пламенном движенье
Силы все разочтены.
Мастер и работник волен,
Всяк законом защищен,
Всяк судьбой своей доволен:
Ум насмешливый презрен.
Труд — для граждан украшение:
Он им должен в дар принести
От небес благословенье...
Царский сан — царям почтенье;
Нам — наш труд приносит честь!
 Мир бесценный,
Душ единство,

Будьте, будьте
Как друзья над градом сим!
Да не будет дня, в который
Орды ратников суровы
В мирной явятся долине,
В коей небо,
Тихим вечера закатом,
Пышным пурпуром и златом,
Так блестит!
Пусть нас зарево пожаров
В весях, в граде не страшит.
*Зданье, други, разломайте:
Ожидание сбылось!
Очи, сердце услаждайте:
Нам в работе удалось!*
*Ну, от молотков
Раздробись, покров!*
*И лишь колокол взовьется,
Форма в части распадется...*
С металла узы мастер снимет
Во время мудрою рукой;
Но горе, коль внезапно хлынет,
Вскипевши, медь сама собой.
Она, ярясь, дробит на части
С громовым треском рыхлый дом,
И как из адской страшной пасти
Зияет пагубой и злом.
Где силы дикие в боренье,
Там всюду гибель и смятенье.
В стране, где буйствует народ,
Не созревает счастья плод!..
О, горе, если в градах ковы
Дух возмутительный сплетет:
Народ, разбив свои оковы,
Безумно к гибели пойдет.
Из колокола извлекает
Крамольны ревы бунтовщик;
Звон прежний, мирный умолкает:
Звон веча пасмурен и дик.
Раздор пылает повсеместно;
Оружье граждане берут;
На улицах, на рынках тесно;
Толпы неистово бегут.
И стали женщины — гиены!
С улыбкой дикого лица,
Они, как тигры разъяренны,
Грызут растерзанных сердца!..

Святого нет — и расторгает
 Последни узы скромный стыд;
 Добро злу место уступает;
 Разврат уж больше не закрыт!..
 Лев пробужденный нам опасен,
 Погибель в тигровых зубах:
 Кто ж более всего ужасен?
 То человек в своих мечтах!
 Беда слепому от рожденья
 Небесный факел в руки дать:
 На место полз и освещенья
 Он станет все испепелять!
 Бог мне радость посылает,
 Вот — чего я ждал давно!
 Из ксры звездой сияет
 Ярко медное зерно.
 И венец блестит,
 Весь как жар горит!..
 И гербов изображение —
 Все художнику хваленье!
 Свершен, свершен!
 Сомкнемся в дружном соединенье,
 Да колокол, в своем крещенье,
Согласным будет наречен:
 Пусть он сердца соединяет,
 Пусть весь приход к любви сзывает!
 Употреблен да будет он
 На то, к чему определен!
 Над низкою земною жизнью,
 В шатре небесном голубом,
 Пусть плавает громов в отчизне,
 Гранича с миром звезд челом;
 Пусть извещает он протяжно,
 Как звезд блестящий хоровод
 Гласит торжественно и важно
 Свой гимн Творцу, и старый год
 На лоно вечности ведет.
 Лишь то, что вечно, что прекрасно,
 О, колокол наш, прославляй!
 И, неусыпный, ежечасно
 Нам весть о времени давай!
 И, став орудием судьбины,
 Бесчувственный, подобно ей,
 Ты возвращай, с своей вершины,
 Игру прменной жизни сей!
 Когда же звук твой скоротечно,
 Встревожа, слух наш поразит,

Учи, что в мире все не вечно,
И все земное отзвенит!.. —
 *Силою прострите руки:
 Колокол из ямы вон!
 Где владычествуют звуки,
 Пусть туда восходит он!*
 *Ну, тяните! Вот
 Двигается, плывет!*
 *В радость граду будь! С эфира
 Первый глас его — глас мира.*

4. Начало нового века

Верный друг! где сыщем для покою,
Для свободы мирный уголок?
Прежний век окончился грозой —
С новым льется новый крови ток.

Царств союз погиб в борьбе мятежной,
И права веков сокрушены;
Старый Рейн и Нил, сам океан безбрежной
Не претят свирепостям войны.

Сильных два народа меж собою
Целый мир желают поделить,
И, грозя громами и бедою,
Царств права стремятся поглотить.

Злато им должны нести народы,
И, как Бреннус, воин давних сеч,
На весы и правды и свободы
Смелый Франк кладет свой медный меч.

Распустив, Британец жадный, флоты,
Как полип, хватает все кругом;
Амфитрите ставит он оплоты,
Запирая море, как свой дом.

Он к звездам стремится сокровенным,
Все края земные посетил,
К островам, к пустыням отдаленным
Он достиг — но рая не открыл!

Ах! на карте не найдешь, конечно,
Где лежит та милая страна,

Где свобода процветает вечно,
Где для смертных вечная весна!

Беспредельно мир раскрыт пред нами,
Мореходцы не измеряют свет;
В мире же, на суше, за морями,
Десяти счастливым места нет.

В светлое души уединенье
Ты уйди от жизненных оков:
Красота цветет лишь в пенопенье,
А свобода только в царстве снов.

5. Антики в Париже

Плод искусства греков славный
Франк, рукой сорвав державной,
К сенским перенес брегам,
И хвастливо среди музеев
Их поставил меж трофеев
В изумление векам!
И те пленники безгласны
Не сойдут к нему в мир ясный,
Не покинут пьедестал.
Тот лишь мужами владеет,
Чья душа к ним пламенеет:
Камень видит в них вандал.

6. Рыцари св. Иоанна

Славны вы были в своих грозных крестовых доспехах;
Акру спасая, Родос, в битвах дрались вы как львы;
В знойных сирийских степях странников робких водили,
И с херувимским мечом гроб сторожили святой.
Но сердобольный хитон вас изукрасил пышнее:
Род знаменитый забыв, львиную храбрость в боях,
Рабски служили больным, сосуд подавали целебный
Ради Христовой любви: славен и низкий был долг.
Вера Христа! ты одна духом своим съединяешь
Силу с смиреньем души в пальме священной двойной.

7. Певцы прежнего времени

Где, скажите, теперь найду я певцов превосходных?
Полный их жизнью глагол древле народы пленял:
Пели о небе они, смертных до неба возносили,
Дух их до горних высот в песнях крылатых парил.
Ах! еще живы певцы. Где же деянья, чтоб лиру
Вновь пробудили; но ах! где ж вперенный к ней слух?
В мире блаженном певцы были блаженны; носился
В роды, из уст во уста, их животворный глагол,
И, как сретали богов, всякий сретал с умиленьем
Все, что их гений умел творческим словом создать.
Песнь, вдохновеньем полна, чувством сердца пламенила;
Самим же сочувствием душ пламень питал свой поэт,
Дух прояснялся его... Счастлив он был, что в народе
Звучные песни певца в души вливались светло:
Здесь на земле божество в яве ему представлялось;
Ныне ж и сердцем поэт чуть постигает его.

8. Идеалы

Итак, изменники, летите
Вы с Вашей сладкою мечтой,
И радость, и тоску хотите
Увлечь безжалостно с собой!
Нельзя ль помедлить Вам, остаться,
Златые дни моей весны?
Вотще! Они волнами мчатся,
И морем лет поглощены.

Угасли солнцы дней бывалых,
Златившие мой ранний путь,
И разлетелись *идеалы*,
Что некогда вздымали грудь.
Уж вера сладкая пропала
В созданья дивных снов, в мечты:
Увы! существенность попраля
Цвет божества и красоты.

Как с страстным Пигмальон желаньем
Холодный мрамор обнимал,
Доколе жизнь зажглась в ваянье,
Огонь в ланитах заиграл,

Природа так, в молодые лета,
Мной обнимаема была,
Доколе, на груди поэта,
Она согрелась, ожила!

Она мой пламень разделила,
Язык нашелся у немой,
Мне поцелуй мой возвратила,
Уразумела сердца бой...
Тут древо, роза стали живы,
Запел таинственно ручей,
И в мертвом слышались отзвывы
Души ликующей моей.

Теснясь в груди, жизнь не вмещалась,
Вбегала в мир обнять все вдруг,
И выразаться порывалась
В делах, в словах, чрез образ, звук.
Как свет великим быть мне мнился
Доколь в зерне был скрыт своим!
Но, ах! как мал, когда раскрылся,
И малое как скудно в нем!..

Каким порывом окрыленный
Блажен безумною мечтой,
Уздой забот не укрощенный,
Летел я жизненной тропой!
К звездам, бледнеющим в эфире,
Меня полет мой дерзкий мчал:
Выси́, дали́ не знал я в мире,
Куда мечтой ни залетал.

Счастлив, легок в своем паренье...
Что ж быть могло мне тяжело?
Игривых призраков сцепенье
Пред колесницей жизни шло:
Любовь с наградой прекрасной,
И *счастье* с золотым венцом,
В короне *слава* звездно-ясной
И с светлым *истина* лицом.

Но, ах! с полупути расстался
С вожатым роем я своим:
С изменой от меня скрывался
Один украдкой за другим.

Умчалось легконого счастье,
И знаний жажда дух томит;
Сомнений бурное ненастье
Лик светлый истины мрачит;

Я видел славы лавр священный,
На низком блекнувший челе.
Весны любви, о, дни блаженны!
Как быстро вы исчезли в мгле!
Все тише, тише... все молчало,
И путь пустынной и мрачней;
Надежд сиянье чуть мелькало
На пасмурной стезе моей.

Умчался шумный рой вожатых,
Но кто ж меня с любовью ждет,
Деля со мной все в жизни траты,
За мной и в мрачный дом пойдет?
Ты, нежный, тихий ран целитель,
О, дружба! небом ты дана;
В бедах мой верный утешитель,
Тебя искал... ты найдена...

И ты, с ней тесно сопряженный,
Душ бурю, как она, миришь, —
О, *труд*! ничем не утомленный,
Не руша, медленно творишь
И в зданье вечное природы
Хоть по песчинке в дань кладешь;
Но все свой долг: часы, дни, годы —
С скрижалей времени сотрешь.

9. Фридолин, или Посылка в кузницу

Баллада

Благочестив был Фридолин
И в страхе божьем жил;
Графине, госпоже, как сын,
Савернской он служил.
Всегда тиха, всегда скромна
Она была, хоть и гневна
Подчас; он все служил в смиренье,
Охотно — Богу в угожденье.

Его луч солнечный будил;
 В работу погружен
 С утра до звезд, а все тужил,
 Что мало делал он.
 Она чуть скажет: «Не трудись!» —
 Тотчас и слезы полились:
 Он думал, долг не исполняет,
 Когда себя не утомляет.

От слуг других во всем, за все
 Графиной отличен,
 И из прелестных уст ее
 Он часто был хвален.
 И он считался не слугой,
 Но был он ей как сын родной,
 И на чертах лица прекрасных
 Не раз покоился взор ясный.

Вот егерь Роберт отчего
 Так злобою кипел.
 Давно уж в сердце у него
 Огонь зависти горел,
 И вот он к делу приступил.
 Предатель графу говорил,
 Как с ним с охоты возвращался,
 Чтоб яд речей в него закрался:

«Как вы счастливы, граф, — сказал
 Ему с лукавством он. —
 Сомненья страх не отравлял
 Ваш мирный сладкий сон.
 Графиня редкая жена!
 Как целомудренна она!
 Ей соблазнитель не опасен!
 Он ошибется, труд напрасен».

Взор графа грозно засверкал.
 «Мне речь твоя чудна!
 На верность жен я не считал:
 Их верность — что волна!..
 Всегда язык им лести мил.
 Прочней я веру утвердил:
 Жены державного Саверна
 Далек такой прельститель верно!»

Злодей в ответ: «Вы правы в том:
 Как должен быть смешон

Безумец, кто, родясь рабом,
Столь дерзко увлечен,
Чтоб высоко так залетать
И страстью к госпоже пылать!»
«Что! — граф вскричал как иступленный. —
Ужели жив тот дерзновенный?»

«Да, все так говорят; лишь вам
Не смеют то сказать.
Когда ж и вы — то я и сам
Не буду уж болтать!»
«Умрешь иль говори, злодей! —
Кричит граф в ярости своей. —
Любить графиню: кто дерзает?»
— «Ну, *белокурый* — кто ж не знает?
Ведь, правда, он собой хорош», —

Лукавец продолжал.
От этих слов то жар, то дрожь
У графа пробежал.
«Приметьте сами вы хоть раз,
Что он с нее не спустит глаз,
В обед служить вам забывает,
Прикован к ней, за стулом тает.
Читали ль вы стихи его,

Где страсть он ей открыл?»
«Возможно ль!» — «Да, так, ничего, —
Взаимности просил.
Имея скромный, кроткий нрав,
Она стихи те скрыла, граф.
Мне жалко, я сболтнул напрасно,
И что ж, что тут для вас опасно?»

Граф гневный в ближний лес летит;
Там в кузницах лесных
В горнилах вечный зной кипит:
Железо плавят в них;
С усилием тяжким и трудом
Там управляются с огнем;
Мех пышет, буря искр сверкает,
Так что скалы остекляет;

Вод сила с силой огневой
Сошлись в пути одном;
Вздымалось колесо волной,
Как вихрь вертяться кругом;

Там день и ночь, стуча, куют;
Там млат за млатом мерно бьют:
Ударов мощных съединенье
Металл приводит в размягченье.

Вот граф двух кузнецов зовет,
И стал их научать:
«Смотрите! Первый, кто придет
И будет вопрошать:
Исполнили ль вы мой приказ? —
В горнило вы его тотчас,
Чтоб тут же в золу обратился,
И уж ко мне б не возвратился».

Злодеям праздник! Радость их,
Как палачей, дика.
Сердца железные у них,
Им жалость далека.
Мехами стали дуть сильнее,
Чтоб в горне пламень был жарчей;
Убийство злобно замыслили,
И жертву жадно поджидали.

Роберт товарища зовет,
Усердным притворяясь:
«Тебя давно уж барин ждет;
Иди к нему тотчас!»
Граф юноше сказал: «Ступай
Ты в кузницу и там узнай,
Исполнено ль все то исправно,
Что там я приказал недавно?»

Все сделаю, он говорит,
И мигом собрался.
Но вдруг задумался, стоит:
«Ей, может, нужен я?»
Идет к графине и сказал:
«Меня граф в кузницу послал;
От вас какое приказанье?
Служить вам — вот мое желанье!»

Ему графиня говорит
Приветно: «Фридолин,
Пошла б к обедне, да лежит
Больной в постели сын.

Зайди-ко в церковь; обо мне
Там помолися в тишине.
Очистив душу, в умиление,
Молись и о моем спасеньи».

Доволен, и в угодность ей
С весельем полетел;
Но до конца деревни всей
Дойти он не успел,
Как вдруг гудит, услышал он,
На колокольне яркий звон:
То прихожанам извещенье,
Что таин будет совершенье.

«Коль встретишь Бога на пути,
Не убегай Его», —
Сказал, и в храм спешит зайти.
Во храме никого!
То был час жатвы — все в полях
Кипели в пламенных трудах;
Церковники не приходили,
Хоть для обедни нужны были.

«Знать, мне придется побыть дьячком, —
Себе он говорил. —
Найдут ли замедленье в том,
Что Богу послужил?»
Он пояс, ризу доставал,
В них иерея облачал.
И утварь всю в благоговенье
Он изготовил на служенье.

Когда ж усердно все свершил,
Тогда пред алтарем
Перед священником ходил
Он с книгою кругом,
Колени часто преклонял,
И все так чинно исполнял,
И как свят, свят провозгласилось,
Звонил он трижды, как водилось.

Когда ж священник поникал
Пред алтарем главой,
И Бога в тайнах показал,
Подняв сосуд златой,

Дьячок о том предвозвестил
И в колокольчик зазвонил;
Все на колени, все молились,
И, в грудь себя бия, крестились.

Так делал он, умея все;
С сердечной простотой,
Он, набожный, уж знал давно
В церквах обряд святой;
И он ничем не утомлен,
Пока аминь не изречен;
Священник же, свершив служенье,
Мирянам дал благословенье,

И он всю утварь по местам,
В порядок все привел,
И вымел, вычистил весь храм,
И дальше в путь пошел.
Спокоен в совести своей,
Идет он к кузницам скорей;
Дорогой Отче наш читает
Двенадцать раз. — И вот пылает

Из кузниц жар... Он видит там
Рабочих и сказал:
«Что? все ль исполнили, что вам
Граф утром приказал?»
С искривленным к улыбке ртом,
На горен указав перстом,
Ему в ответ: «Он там как барин,
И будет граф нам благодарен».

И к графу после он всего
С ответом прибежал.
Граф, видя издали его,
Глазам не доверял.
«Несчастный, как пришел домой?»
— «Из кузницы». — «Вот вздор какой!
Ты выбрал дальнюю дорогу?» —
«Я заходил молиться Богу.

Когда идти отсель спешил,
Не прогневил ли вас?
К графине я, зайдя, спросил,
Какой мне даст приказ.

“Хочу, чтоб в церкви побывал”, —
Сказала. — Там я прочитал
За вас двоих четырехкратно
Молитвы с четками и внятно».

В раздумье, бледен, граф дрожал,
И юношу спросил:
«Что ж случилось в кузнице, скажи?
Какой ответ там был?» —
«Граф, государь, темна их речь:
С улыбкой указав на печь,
Сказали: он уж там как барин,
И будет граф нам благодарен». —

«Где ж Роберт? — граф прервал его,
А сам как лист дрожал. —
Иль ты не встретил никого?
Я в лес его послал». —
«В моем пути, в глуши лесной,
Роберт не встретился со мной». —
«Ну! — вскрикнул граф. — О, рок чудесный!
Сам Бог свершил Свой суд небесный!»

Смягченный, с ласкою берет
Слугу он своего,
И за руку к жене ведет,
Не знавшей ничего.
«Смотри, вот ангел чистоты!
К нему будь милостива ты!
Злодей тот дал совет невместный,
А с этим Бог и сонм небесный!»

10. Сила пения

Реками дождь с утесов мчится,
Как грома рокотный раскат,
Обломков гряда с гор катится,
И дубы древние трещат.
В каком-то диком упоенье
Прохожий, изумясь, стоит,
Потока слышит он кипенье,
Не ведая, отколь шумит.
Так звуков ток летит чудесный,
Но их истоки не известны.

В союзе страшном с существами,
Что молча тянут жизни нить,

Певца власть дивную над нами
 Никто не может изъяснить.
 Как жезл, схватя Эрмия, сильной,
 Он властен сердцу дать устав,
 То ввергнуть в царство замогильно,
 То к небесам его подняв;
 На лестнице из чувств порою
 Меж важным зыблет и игрою.

Как рок, гигантскою стопою
 Ворвется вдруг в веселый круг,
 С таинственностью неземною,
 Как темный, полуночный дух;
 Пред выходящем другого мира
 Упали гордости сыны,
 И онемело буйство пира,
 И все личины сорваны!..
 Так гонит истины явление
 Деянье лжи и заблуждение.

Так смертный груз сует свергает,
 Лишь песней разольется звук;
 В достоинство духов вступает,
 К богам достигнув в светлый круг,
 Богов уж собственностью станет,
 Земному недоступный, он.
 Там власть земная не достанет:
 От связей света разрешен.
 И песни дивной чарованье
 Сотрет с чела следы страданья.

Дитя преступный, изнывая
 В чужбине, безнадежный, ждет,
 Когда с раскаяньем, рыдая,
 Опять к родной на грудь падет!..
 Так изгнанника звуков сила
 Опять ведет в тот век мечтой,
 Когда невинность золотила
 Приволье жизни молодой:
 От хладных правил он в свободе
 Летит в объятия к природе.

11. Военная песнь (Из Валенштейнова лагеря)

Ну, братцы, вставайте, пора на коней,
И в поле, к свободе скорее!
Там удаль и храбрость бесстрашных видней,
И сердце там бьется живее;
На место твое там не станет другой,
И всяк отвечай там своей головой.

Свободы на свете не стало давно,
Господ и рабов лишь встречают,
А смертными хитрость и ложь заодно
Всегда и везде управляют.
Солдат оттого и свободен душой,
Что с смертью он свыкся в грозе боевой,

Забыл он печали, забыл суеты;
Чего ж ему боле страшиться?
И бодро летит он навстречу судьбы:
Сегодня иль завтра он с жизнью простится!
Пусть завтра! Так нынешним пользуясь днем,
Мы, други, в раздолье хоть миг проживем!

Веселая доля с небес упадет,
Солдату, трудиться не стоит!
Работник мечтает, что клад он найдет,
И землю все роет и роет;
Какой же конец его вечным трудам?
Себе же могилу он выроет сам!

И всадник, с своим окрыленным конем,
На праздник незванный являлся;
Все в замке на свадьбе блистало огнем,
Но грозных гостей всяк боялся.
Он златом, тоскою любви не искал,
Утехи ж ее на полете хватал.

Что девица плачет? грустит отчего?
В путь должно ему непременно:
Угла постоянного нет у него,
Что ж ждешь ты любви неизменной?
А рок его мощный так быстро влечет,
Что места на отдых нигде не найдет.

Ну, братцы, скорее седлайте коней,
Чтоб битва нам грудь освежила.
В нас юность кипит, насладимся мы ей,
Пока в нас душа не застыла,
И, жизнь не жалея, вы ставьте в игру,
Чтоб с выигрышем быть вам на ратном пиру!

12. Текла

Голос духа

Знать ты хочешь, что сбылось со мною,
От тебя где скрылась тень моя?
Разве я не разочлась с землею,
Не любила, не жила ли я?

Отчего с таким одушевленьем,
Ты спроси, весною соловьи
Пропоют, — но песня их — мгновенье!
Вся их жизнь — есть время их любви!

Я нашла ль, кого я здесь лишилась?
Неразлучны там мы с ним, поверь.
Там все навеки, что соединилось,
Там ни слез не знают, ни потерь!

Там увидеться ты можешь с нами,
Коль с моей сходна твоя любовь:
Там отец не связан уж грехами,
Не прольют его убийцы кровь.

Он узнал, что не мечтал напрасно,
Взор стремя доверчиво к звездам:
Как здесь взвесишь — взвезят там бесстрашно,
С верою — святое близко к нам!

Сдержат слово там, коль погружался
С верой ты в высокое душой.
Верь, мечтай; — нередко сокрывался
Важный смысл под детской игрой.

15. Водолаз

(Посвящено Его В. И.И. Дмитриеву)

«Из рыцарей, пажей кто смел так душой,
Чтоб вмиг погрузиться пучины на дно?
Смотрите, вот брошу я кубок златой,
И, черная, бездна поглотит его.
Кто кубок оттоле достать мне посмеет,
Тем кубком навеки пускай тот владеет».

Так царь, возглашая, к утесу спешит,
Который, высоко подьемля чело,
Прорезался в море, над морем висит,
И бросил он кубок Харибде в жерло.
«Опять я взываю; что ж все так безмолвны?
Из вас кто дерзнет ли в кипящие волны?»

Все рыцари, пажи, что были при нем,
Хоть вызов и слышат, молчанье хранят,
На дикое море взирают кругом,
Но кубка златого достать не хотят.
И в третий раз царь, обратясь к ним, взывает:
«Ужели на подвиг никто не дерзает?»

Молчат, и ответа никто не дает;
Но паж благородный, приятный, живой
Из робкого круга выходит вперед,
И шарф свой, и плащ он с себя все долой,
И в летах столь юных его дерзновенье
Во всех возбуждает восторг, изумленье.
И вот он подходит к навислой скале
И смотрит, как волны змеями бегут,
Свистя и ныряя в извилюстой мгле,
И после, из бездны кидаясь, ревут,
Как отзыв, как гулы громов отдаленных,
И скачут из мрака в холмах опененных.

И бродит, бушует, клокочет, шипит,
Как будто б огонь там сражался с водой,
И с искрами к небу пар дымный летит,
И вечно стремится волна за волной;
Ничто там не может истечь, истощиться,
Как будто вновь море от моря родится.

Вдруг бурная влага сдержала свой рев,
И, белую пену разрезав, она
Расселиной страшно разверзнула зев,
И, мнилось, коснулась до адского дна;
И с клокотом волны горят и несутся,
Невольно кружатся, и в зев тот влекутся...

Но прежде чем бури гнев ярый возник,
Уж юноша Богу себя поручил,
И вдруг предстоящих посылшался крик,
И омут, кружась, его поглотил,
Таинственно бездна свой зев затворяет,
И в бездне бесстрашный пловец исчезает.

Хотя над пучиной затихло опять,
Но гул в глубине еще глухо ревел,
И с трепетом начали все восклицать:
«О, юноша смелый! будь здрав ты и цел!»
И глуше, и глуше все гул раздавался,
И всякий, чего-то боясь, дожидался.

Хоть в бездну б ты бросил корону свою,
Сказав: «Если кто мне ее возвратит,
Да будет он царь, ему трон отдаю».
О том, что сокрыто в пучине ревушей,
Никто не расскажет под солнцем живущий.

Случалось судам в ту пучину попасть;
Скрутивши их, омут на дно увлекал,
Их ребра дробила ужасная пасть,
И после гроб влажный их вон извергал. —
Слышнее, слышнее, как бурь завыванье,
Все ближе, все ближе шум волн и плесканье...

И бродит, бушует, клокочет, урчит,
Как будто б огонь там сражался с водой,
Там с искрами к небу пар дымный летит,
И волны несутся с кипящей грозой,
Как отзыв, как рокот громов отдаленных,
И скачут из мрака в холмах опененных.

Смотрите, там что-то, от мрачного дна
Всплывая, как лебедь, блестит белизной,
Мелькает в волнах то рука, то спина,
Искусно и сильно сражаясь с волной,
То паж наш, и кубок он вверх поднимает,
И левой рукою тем кубком махает.

Он долго вздыхал, он глубоко вздыхал,
Приветствуя взором дня милого свет,
И всякий друг другу в восторге кричал:
«Он жив еще, здесь он, опасности нет.
Он вышел из гроба, из бездны безмерной,
И душу избавил от гибели верной!»

Среди ликований пловец наш идет,
И с кубком к царевым стопам он припал,
Его на коленях царю подает,
И царь к себе дочь молодую позвал:
«Напень ему кубок, — сказал он, — до края!»
И юноша принял, к царю восклицая:

«Царь, здрав будь вовеки! Здесь весело нам,
Здесь можем мы в свете румянком дышать;
Но в бездне погибель, все ужасы там,
И смертный не должен богов искушать,
Не должен он в то проникать дерзновенно,
Что благостью их страхом, тьмой сокровенно.

Как молнии луч я в пучину летел,
И вижу, скала раздалась подо мной,
И с диким порывом в ней ключ заревел,
И вот закружен стал я силой двойной,
Кипенье винтом вниз меня увлекало,
Я бился, боролся, но сил не достало.

Я гибнул и к Богу молитву вознес,
Надежду я клал на Творца одного.
Творец указал мне в пучине утес;
Я смерти избегнул, схватясь за него.
Там кубок в коральных ветвях зацепился,
Не то б он в безвестную пропасть свалился.

Пучину бездонну я вижу, — она
 Кроваво-багровой полна темной;
 Хоть вечно для уха там все тишина,
 Но ужасы око зрит в пропасти той:
 Кишат саламандр и драконов там груды,
 И движутся страшно подводные чуды.

В смешенье чернеясь, ужасной толпой,
 Свивалися в гнусный, огромный клубок
 И рашля, и рыб там щетинистых рой,
 И чудище-рыба — морской молоток,
 И, яростно зубы ко мне оскаляя,
 Шипела акула — гиена морская.

Вися на утесе, я верил вполне,
 Что помощи тут я людской отчужден,
 Что чувства и мысли в одном были мне:
 В отчизну страшилищ я был занесен,
 К уродам и харям, где глас человека,
 В пустынях подводных, не слышен от века.

Так, с трепетом мысля, трещит, слышу я,
 И груда косматых клещей ко мне вдруг
 Взвилася... хватают... Не помня себя,
 Коральную ветвь уронил я из рук,
 Свернул меня омут, умчало круженье,
 Я взброшен... и было то мне на спасенье».

Царь, внемля ему и дивясь чудесам,
 «Теперь, — говорит, — этот кубок уж твой,
 И вот еще перстень тебе я отдам,
 Горит он в камнях, цены дорогой,
 Лишь весть принеси мне, вновь бросаюсь отважно,
 О том, что таится в пучине сей влажной».

Царевна, то слыша, с смягченной душой,
 Умильно и с лаской отцу говорит:
 «Престань забавляться свирепой игрой!
 Что он совершил, то едва ль кто свершит.
 Когда ж укротить ты не можешь желанья,
 Пусть рыцари с пажем войдут в состязанье».

Царь кубок хватает, не слушая слов,
И в омут с размаху его в тот же миг,
Сказав: «Если кубок добудешь ты вновь,
То будешь мне рыцарь всех больше других,
И ныне же брак ты отпразднуешь с тою,
Что так умилилась теперь над тобою».

Небесною силой проникнут он стал,
Заискрились очи, душа в нем полна.
В царевне румянец, он зрит, заиграл,
И вдруг побледнела, упала она.
И вот, чтоб награду достать столь любезну,
На жизнь и на смерть он кидается в бездну.

И волны пучины, как прежде, кипят,
Предвестник их, гул, под водами гудет;
Царевна ж к водам приковала свой взгляд,
Где валы, все валы подвигались вперед,
То ниже, то выше, волна за волною,
Но юноша не был взнесен ни одною...

14. Сражение с драконом

Что там за шум? Чего народ,
На улицах, тесняся, ждет?
Родос горит ли? Все в смятенье,
Как будто бы землетрясенье
Грозит. Но вот уж видно мне:
Въезжает рыцарь на коне;
За ним... ну что же там такое?
Влекут чудовище какое?..
Оно по виду как дракон,
Но с страшной пастью крокодила,
И всякий страхом поражен:
Толпа обоих обступила.

Тут громко тысячи кричат:
«Вот змей! Родосцы пусть глядят:
Людей и стад он истребитель,
А вот и рыцарь, победитель.
И сколько, жертвуя собой,
Вступали с лютым змеем в бой!
Никто не возвращался с боя,

Почтим же мы сего героя!» —
 Толпы народные неслись
 В капитул древний Иоанна,
 Где в думу наскоро сошлись
 Гроссмейстер с братией избранной.

Туда ж и юноша, — и вот
 К гроссмейстеру он предстает.
 Теснит народ у храма входы,
 Колеблются от криков своды;
 Но юноша заговорил:
 «Я долг свой рыцарский свершил!
 Вот он, грозивший всем бедою,
 Вот он лежит, убитый мною!..
 Путь страннику свободен стал,
 Пастух за стадо не боится,
 И бодро пилигрим, меж скал,
 Идет святыне поклониться».

На то князь строго возразил:
 «Конечно, подвиг ты свершил
 И доказал, сколь ты отважен:
 За храбрость паладин уважен;
 Но в чем долг рыцарей Креста,
 Идущих по следам Христа,
 Украшенных крестом священным?
 Скажи!» Бледнеют все смущенны..
 И отвечал на то герой,
 А сам в стыде главу склоняет:
 «Покорность есть наш долг святой, —
 За то и крест нас украшает!»

Магистр на это: «Сей закон
 Самим тобой не сохранен,
 И в бой пошел ты запрещенный,
 Своей лишь волей увлеченный!» —
 «Коль все открыто пред тобой,
 Суди меня, — сказал герой. —
 Я мыслил, что в моем стремленьи
 Закона понял я значенье.
 Пусть, легкомыслием влеком,
 С драконом шел я в бой неравный,
 Но хитростью лишь и умом
 Достичь я мыслил цели славной!..

Пять братьев, ордена краса,
В боях творивших чудеса,
Погибли в дерзостном боренье.
Ты с змеем запретил сраженье;
Но душу мучили мою
Тоска и жажда быть в бою,
Покоя по ночам не знал я
И в снах моих все воевал я;
Когда же, с утренней зарей,
Я новых бед услышал вести,
Решился тут же я на бой,
По чувству жалости и мести...

Я мыслил: чем и почему ж
Прославлен юноша и муж?
Чем те герои дивны стали,
Которых в песнях прославляли?
Не их ли славе, как богам,
Язычник жег свой фимиам?
Они чудовищ поражали,
И области от бед спасали;
Они со львом кидались в бой,
Боролись с страшным минотавром,
И часто, в схватке роковой,
За труд и кровь, венчались лавром.

Один ли в свете Сарацин,
Чтоб с ним лишь бился паладин?
Иль идолов крушит лишь избран?
Нет! он к спасенью мира призван,
Затем, чтоб мощною рукой
Хранить общественный покой,
Чтоб дух людей бодрить унылой,
Владея хитростью и силой!
Сказав так, я пошел тотчас
Искать следов, где враг скрывался,
И вдруг, послышав тайный глас,
С весельем вскрикнул: догадался!

Тебе сказал, владыко, я,
Что долг домой зовет меня;
Ты позволение дал мне вскоре,
И счастливо преплыл я море,
И лишь вступил на брег родной,
Велел художничьей рукой
Устроить, с подлинным вернее,
Точь-в-точь, как он, дракона-змея:

Чтоб на коротких лапах был
Громадный стан со чревом длинным,
И чтоб как панцирем светил
Хребтом чешуйчато-щетинным;

Чтоб, с длинной шеей, оный зверь
И пасть имел как ада дверь,
И чтоб она как ад зияла,
Как будто добычу хватала;
Чтоб в черной пасти ряд зубов
Всегда к сраженью был готов,
Язык как острие кинжала,
И молния б из глаз сверкала;
Чтоб, с длинною спиною, змей,
Свой хвост кольчатый воздымая,
И человек, и коней
Как бы душил, их обвивая.

И вышел верен змея вид,
И, серой краскою прикрыт,
Рожденный в ядовитой тине,
Дракон, змей, аспид в половине.
Когда ж совсем он был готов,
То избрал я двух сильных псов,
Проворных, с резвыми ногами,
Привычных драться со зверями.
Их я старался приучать,
Чтоб не боялись, в гнев диком,
Зубами аспида хватать:
Я возбуждал к тому их криком.

И в чреве место есть одно,
Что может быть уязвлено;
В то место псов учу кидаться,
Зубами ранить и впиваться.
И вот, копьё взяв в руку, я
Сажусь проворно на коня:
То был скакун арабский смелой;
Я воспалил его, — и в дело
Летим мы на дракона с ним;
Коня я шпорой возбуждаю
И мечу в цель копьём своим,
Как будто зверя поражаю...

Дичился конь мой и скакал,
Храпел и повод опенял,
И завывали псы уныло;
Но с тою ж воли твердой силой,
Трудов я не щадил своих.
Три месяца учил я их;
И, видя, что идет успешно,
Сажусь я на корабль поспешно,
И, в три дня совершив свой путь,
Пристал у пристани счастливо,
Дал миг себе лишь отдохнуть,
И к делу тотчас торопливо.

Край новой посещен бедой,
И вновь терзался я душой:
В болото пастухи попали,
И кости съеденных лежали!..
Тут кончить подвиг я спешил:
Совет мой — голос сердца был.
Сказав слугам, в чем было дело,
Сажуся на коня я смело,
Двух верных псов беру с собой,
Путь непроезжий избираю,
Чтоб кто не подстерег за мной,
И смело к змею подъезжаю.

Часовня на скале стоит,
Отколь на остров дивный вид,
В ней мастер выразился смело:
Все зданье на скале висело.
Храм этот не велик, но он
Издревле чудом освящен:
Там лобызают Девы длани,
Там три царя приносят дани,
Туда усердный пилигрим
Чрез сто в горе ступеней всходит,
И, утомлен путем своим,
Свой отдых близ Христа находит...

Была пещера в той скале
Глубокая — в ее-то мгле,
Болотной влагой окропленной,
Лучом дневным неозаренной,
Кроваво-грозный змей лежал,

И день и ночь добычи ждал...
Как адский пес, он у подножья
Залег на страже дома Божья,
И только странник миновал
То страшное уединенье,
Злодей из темных нор скакал,
Хватая жертву на съеденье.

Перед вступлением в тяжкий бой
Взошел я на утес крутой,
Чтоб, пред Христом став в сокрушенье, —
Души очистить согрешенье.
В часовне я надел шелом,
Броню и перевязь с мечом;
Потом копьём вооружился
И в бой по лестнице спустился.
Слугам сказав: “Не ждать меня:
Я и без вас найду дорогу!”
Бросаюсь смело на коня
И душу — поручаю Богу.

Едва я выехал на луг,
Как оба пса завыли вдруг;
Почуяв змея, конь робеет,
Встал на дыбы, вперед не смеет...
Свернувшись клубом, грозный враг
Лежал тут, в нескольких шагах:
Чудовище на солнце грелось;
Псам броситься к нему хотелось,
И вот к нему, — и вот назад...
Он, пасть ужасно разевая,
Дохнул в них с воздухом свой яд,
Шипя и, как шакал, рыкая...

Но тотчас псов я ободрил,
Лихие, в змея, что есть сил,
Вцепились; я копьё хватаю,
В бедро дракона поражаю;
Но, встретясь с чешуей стальной,
Копьё скользит с нее долой.
И вновь ударить я сбирался,
Но конь взвился: он испугался,
Встречая василиска взгляд,
Дыханье чуя заражено...
Уж конь мой бросился назад,
И я погиб бы несомненно...

С коня я быстро соскочил,
И мигом меч свой обнажил;
Но что ж? — удары бесполезны
Противу лат врага железных;
Он бьет меня хвостом своим,
И очутился я под ним.
И вот он пасть разверз, рыкая,
Пожрать зубами угрожая;
Но псы тут, гневом воспаляясь,
Впилися в чрево беспощадно.
От боли яростно крутятся,
Ревет чудовище громадно...

Пока он из зубов рвался,
С земли я быстро поднялся,
И, видя, где был враг слабее,
В то место чрева, не робея,
По рукоятку меч вонзил.
Тут черной крови ток забил,
Враг пал, стащив меня с собою,
И под чудовищной спиною
Я чувства потерял свои.
Когда же силы возвратились,
Змей, вижу, мертв лежит в крови,
А слуги вокруг меня толпились!»

Он кончил. Вспыхнул наконец
Удержанный восторг сердец.
На чудное повествованье
Несется всюду восклицанье,
От кликов разных звук растет,
Ревущий гул колеблет свод:
Все братья ордена желали,
Чтобы героя увенчали
За подвиг славным торжеством;
Народ узреть его желает;
Но с строгим все магистр челом
Велит молчать и так вещает:

«То правда, рыцарь, что дракон
Тобою дивно поражен.
Народу богом ты явился:
Червь зарожден в груди твоей,
Который и дракона злей!
Подточит сердце червь лукавый,
Посеяв в нем свои отравы:

То дух упорства, вечный тот
Против смиренья возмутитель:
Святую связь порядка рвет
Сей древний мира разрушитель!

Есть храбрость и у Агарян;
Смиренье — доблесть христиан.
В местах, где сам Господь Вселенной
Раба воспринял зрак смиренной,
Отцами орден учрежден,
Чтоб исполнять святой закон:
Труднейшее ж в нем исполненье
Есть воли нашей отсечение.
Тебя ж блеск славы обольстил,
Нельзя тебе здесь оставаться:
Кто иго Господа сложил,
Тому крестом не украшаться!»

Толпа бунтует и шумит,
Дворец тревогою кипит,
Все воят рыцарю прощенье.
Но он, потупя взор, в смущенье
Подходит, плащ свой тихо снял,
Магистра длань поцеловал
И вышел. Взором провожая,
Магистр, к идущему вещая,
Сказал: «Меня ты обними,
Мой сын; ты выдержал сраженье
Сильнее всех; сей крест прими:
Ты победил себя смиреньем!»

15. Пегас в ярме

На конный торг однажды в Ньюмаркет,
Товарами другими торг богатый,
Проголодавшийся поэт
Привел продать коня, — и был то конь крылатый.

Пегас, конь муз, так громко ржал,
Взвиваясь пышно и парадно,
Что всяк дивился и кричал:
«Чудесный, царский конь! Одно досадно:
Картина весь, по крыльям же урод.
Как в цуге б он пошел прекрасно:
Быть должен редкий это род;
Но в воздухе летать опасно,

А деньги весело ль терять напрасно?»
И вот один решился кортомщик:
«Тут крылья ни к чему, — сказал он, — то не ложно,
Да их связать или обрезать можно.
Все будет конь хоть добрый возовик;
Ну двадцать фунтов дам, не буду ж я беднее...»
То слыша, продавец, чтоб сбыть товар скорее,
Ударил по рукам, сказав: «Конь этот твой!»
И Ганс с покупкою скорей домой...
Вот гордый гиппогриф был запряжен;
Но, вольный, никогда под ношей не бывалый,
Вдруг, гневом ярым воспален,
Помчал неистово повозку, одичалый,
И в бездну с ней едва не спрыгнул он.
«Ну, — Ганс сказал, — быть так; но уж скотине этой,
Из опыта узнав, воз вверить не могу.
Назавтра едущих отправлю я с каретой,
И друга на унос в четверку запрягу:
Ретив, так пусть коней заменит пару,
А с летами и поубавит жару».

Сначала и пошло. Шаг клепперов живил
Конь легкостью своей; карету мчат стрелой;
Но что ж? Лишь к облакам он взоры обратил,
Не свыкнувшись с земной, тяжелою ездою,
Вдруг битый путь покинул он,
И, вспомнив сильный естества закон,
По рвам и по горам пустился,
И, бешеный, смешал, взбесил других коней:
Они не слушают ни крика, ни вожжей;
А экипаж чуть-чуть в щепы не раздробился,
И, к страху едущих, едва остановился,
Когда наверх скалы летун наш, весь в огне,
Взмахнул и, зацепясь, повис на крутизне...

«Нет, вижу, дело не годится, —
Ганс говорит с задумчивым лицом, —
И никогда оно так не склеится;
Посмотрим, голодом или трудом
Авось змей лютый укротится».
И к делу приступил. Хоть конь неукротим,
Но протекло три дня едва ли,
Конь исхудал как тень. «Ну, мы теперь попали», —
Ганс вскрикнул и велит работникам своим
В одно ярмо запрячь коня с быком большим.
И сделано. Глядят, вот упряжь пресмешная:

Примечания

Орфография и пунктуация лишь отчасти приведены в соответствии с современными нормами, поскольку стилистическое своеобразие творческой манеры автора не всегда дает возможность для их соотнесения. Сохранены многие авторские знаки (тире, многоточия), в том числе в непривычных сегодня сочетаниях (тире после двоеточия, тире после точки с запятой и др.) Авторские знаки остались без изменения и в спорных для понимания смысла произведения случаях. В ряде случаев сохранены зарифмованные окончания, если их изменения нарушат рифму: в прилагательных — *ова* вместо — *ого*, (никакова — готова, худова — слова и др.); в глаголах (дышет — выше, дышут — пишут).

Задуманные думы

Сборник «*Задуманные думы*» печатается по изданию: Задуманные думы. Авдотьи Павловны Глиники. (Не для продажи). М.: В тип. Ф. Б. Миллера, 1869. Рукопись подготовил к публикации, вероятно, Ф. Н. Глинка. Часть рукописных текстов с правкой Ф. Н. Глиники хранится в ГАТО (Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1020).

«*Благодарю Тебя за небо голубое*». Впервые опубликовано под названием «Благодарение» в журнале «Киевлянин» (1850. Кн. 3. С. 201).

«*Я натерпелась голоду!*» Дан один из возможных вариантов расстановки знаков препинаний. Поскольку от этого зависит смысл стихотворения, ниже приводится текст по изданию 1869 г.:

«Я натерпелась голоду!»
Душа мне говорит.
«Я натерпелась холоду!»
И сердце то ж твердит.
«А я так зачадилась!»
Мне шепчет голова:
«И спуталась, и сбилась,
И уж держусь едва!
Ну, чем же успокоимся?»
Все завопили вдруг:
«Помолимся... помолимся!»
Мне тихо молвил дух!..

«*К вылетевшей птичке*». Впервые опубликовано в журнале «Маяк» (1840. Ч. 14).

«*Звезде*». Впервые опубликовано под названием «К звезде» в журнале «Киевлянин» (1850. Кн. 3. С. 207). В «Задуманных думах» внесен ряд изменений.

<Сборник стихотворений>.

Сохранилась лишь часть рукописи. Нумерация произведений свидетельствует о том, что они составляли сборник стихотворений. Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1001. Л. 1—92.

Под № 23 значится *«Изречение Конфуция»*, текст отсутствует, вместо него стоит прочерк.

Черновик стихотворения *«Вильгельм Телль»* находится в этой же тетради (Л. 22—22 об.). Беловик представляет собой сокращенный вариант черновика; одна строка («Достоин быть прославлен как герой») пропущена, восстановлена по черновику, в беловике оставлено пустое место. Заглавие в черновике — «Вилгельм Телль», в беловике — «Вильгельм Тель».

Стихотворение *«Боги Греции»*, вероятно, не было закончено, воспроизводится точно по рукописи.

Стихотворение под № 60 *«Нения»* (Там же. Л. 86) опущено при публикации, поскольку большая его часть не поддается расшифровке.

Под № 58 в рукописи значатся два стихотворения: *«Достоинство женщин»* и *«Эмма»*. Черновик «Достоинства женщин» в рукописи следует за № 33 *«Ожидание»*, номера 55—60 располагаются по порядку, поэтому «Достоинство женщины» помещено ниже.

Ф. Шиллер. Стихотворения.

Печатается по тексту: Шиллер. Стихотворения. Пер. Авдотьи Глинки. СПб.: тип. Н. Греча, 1859.

«Песня о колоколе». Черновики хранятся в ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1001. Л. 26—52.

А. П. Глинка
Стихотворения. Переводы

Составление, подготовка текстов,
вступительная статья, примечания С. А. Васильевой

Подписано в печать 7.10.12.
Формат 60x84 1/16.
Бумага типографская. Объем 21,5 п. л.
Тираж 50 экз.
Издательство Марины Батасовой
(4822) 450–459, 8 920 684 6879
Отпечатано в ООО «Альфа-Пресс»

